

АВАНТЮРИСТКА

Таррин
Фишер

Оливия Каспен только что узнала, что её бывший парень - Кaleb Дрэйк потерял свою память. В сложившейся ситуации Оливия должна решить, как далеко она готова зайти, чтобы вернуть Калеба. Борясь с тем, чтобы он не узнал её истинную личность и не вспомнил их совместное прошлое, Оливия понимает, что самое большое препятствие на её пути к поставленной цели – снова быть с Калeбом, представляет новая подружка парня – Лия Смит. Эта история о гонке к финишу, в процессе которой две эти девушки участвуют в порочном перетягивании каната, и все ради того, чтобы обладать человеком, который их больше не помнит. Но вскоре Оливии предстоит столкнуться с последствиями своей лжи и понять, что порой любовь слишком далека от искупления.

Таррин Фишер
Авантюристка

Настоящее время

Я — Оливия Каспен, и, если я люблю кого-то, то удаляю его из своей жизни. Не преднамеренно...но и не случайно. Сейчас я вижу одного из них; пережившего мою испорченную, едкую любовь. Он стоит на расстоянии ста ярдов от меня, просматривая старые пластинки.

Калерб. Его имя прокатилось по моей голове, словно колючий шар, вызволяя наружу чувства, которые давно начали рубцеваться. Мое сердце вот-вот вырвется из груди, и все, что я могу, так это стоять здесь и наблюдать за ним. Прошло уже три года с тех пор, как я видела его в последний раз. Его последние слова, обращенные ко мне, призывали меня держаться подальше от него. Я вдыхаю липкий воздух в легкие и пытаюсь обуздать нахлынувшие чувства.

Я хочу подойти к нему. Хочу увидеть, как ненависть заполняет его глаза. Глупо. Я пошла к выходу и уже почти перешла улицу, направляясь к своей машине, когда мои ноги подвели меня. Резкая волна тревоги начала подниматься вверх от самых кончиков пальцев. Сжав кулаки, я направляюсь назад, к окну. Это моя часть города. Как он посмел показаться здесь.

Он склонился над картонной коробкой с CD-дисками, и стоило ему оглянуться на что-то через плечо, как я мельком увидела его замечательный нос. Мое сердце сжалось. Я все еще люблю этого парня. Это пугает меня. Я думала, все закончилось. Думала, что смогу справиться с чем-то вроде этого; предполагала, что смогу. Я лечилась. У меня было три года, чтобы...

Забыть его.

Страдать от чувства вины.

Я слоняюсь вокруг, погруженная в свои эмоции в течение еще нескольких секунд, прежде чем, наконец, поворачиваюсь спиной к музыкальному магазину и Калебу. Я не могу сделать этого. Не могу вернуться в это темное место. Я подняла ногу, чтобы сойти с тротуара, когда грозовые облака, скрывавшиеся в окрестностях Майами в течение недели, внезапно застонали, словно старая сантехника. Не успела я сделать и двух шагов, как капли дождя начали падать на тротуар, пропитывая мою белую рубашку. Я быстро побежала назад, чтобы спрятаться под навесом музыкального магазина. Сквозь столб дождя, я смотрела на свой старый «жук». Всего лишь короткий промежуток времени, и я смогу поехать домой. Голос незнакомца прерывает мои мысли о спасении. Я отступаю, не уверенная в том, что он говорит со мной.

— Небо красное - жди неприятностей.

Я повернулась на пятках и увидела мужчину, стоящего непосредственно позади меня. Он находился ближе, нежели считается социально приемлемым. Я издала удивленный возглас и отошла на шаг. Этот человек, по меньшей мере, на фут выше, чем я. Он держит руки под странным углом: его пальцы напряжены и разведены в стороны. Мои глаза прикованы к родинке, которая, словно мишень, находится в центре его лба.

— Что? — Смушаясь, я трясую головой и пытаюсь заглянуть ему за плечо, чтобы хоть мельком взглянуть на Калеба. Он все еще там? Должна ли я войти?

— Это суеверие старых моряков, — мужчина пожимает плечами.

Я опускаю взгляд на его лицо. Он выглядит очень знакомым, и я, сдерживая в себе желание, сказать ему, чтоб он убрался отсюда, стараюсь вспомнить, где видела его раньше.

— У меня есть зонтик, — он приподнял цветочную штуковину с пластмассовой ручкой в форме маргаритки, — Я могу проводить тебя до твоей машины.

Смотрю на небо, которое, как предполагается, должно быть серовато-красным, и вздрагиваю. Мне хочется, чтобы он оставил меня в покое, поэтому я собираюсь сказать ему об этом, и вдруг меня посещает мысль - а что, если это знак? Небо красное - вали к черту отсюда!

Я изучаю облупившийся лак на своих ногтях и обдумываю его предложение. Я не из тех, кто верит в приметы, но у него есть способ, который позволит мне остаться сухой.

— Нет, спасибо, — говорю я, рывком поворачивая голову назад, в сторону магазина, и понимаю, что уже решилась.

— Хорошо. Ураган надвигается, и тебе лучше позаботится о себе. — Он пожимает плечами и уходит в дождь, так и не открывая зонтик.

Я смотрю ему вслед. Его широкая спина изгибается против ливня, словно выступ, по сравнению с остальным его телом. Он действительно огромный. За считанные секунды дождь поглотил его, и я больше не могу уже видеть его силуэт. Откуда-то я знаю его, но, несомненно, я запомнила бы такого большого мужчину, если бы встречала его когда-то раньше. Я возвращаюсь обратно в магазин. Вывеска над дверью с яркими буквами, причудливо украшенными завитками, гласит: «Музыкальный гриб». Я вглядываюсь сквозь стекло, ища его в одном из проходов. Он все еще там, где я видела его в последний раз. Его голова склонилась над секцией, посвященной Регги. Даже с того места, где я стою, мне удастся разглядеть неглубокую морщинку у него на лбу.

Он не может сделать выбор. Я осознаю, что делаю, и съеживаюсь: я больше не знаю его, и поэтому не могу строить предположения относительно того, о чем он думает.

Мне хочется, чтоб он взглянул вверх и увидел меня, но он этого не делает. Так как не желая больше скрываться от дождя под навесом, словно прокаженная, я беру себя в руки и захожу внутрь. Холодный воздух кондиционера обдувает мою кожу, заставляя меня дрожать. Я вижу высокий стеллаж слева от меня, ныряю за него и достаю компактное зеркальце, чтобы проверить свой макияж.

Шпионя за ним через полки стеллажа, я пытаюсь пальцем убрать следы туши, образовавшиеся под глазами. Мне нужно сделать так, чтоб наша с ним встреча выглядела так, словно была случайностью.

Передо мной стоит пластинка с изображением головы Боба Марли. Я изучаю стеклянные глаза Боба и удивленное выражение лица, и чувствую отвращение от того уровня, на который опускаюсь. Пощипав себя за щеки, чтоб на них проступил румянец, я выхожу из своего укрытия.

Сейчас все произойдет.

Мои каблуки с довольно громким звуком впиваются в линолеум, пока я иду в его сторону. Я даже могла бы нанять трубача, который объявил бы о моем прибытии. Удивительно, но Калеб не поднимает взгляда. Кондиционер щелкает, когда я приближаюсь к нему на расстояние нескольких ярдов. Кто-то прилепил лимонно-зеленые полоски к вентилятору. Они начинают танцевать, и я улавливаю запах чего-то - это запах Калеба, мяты и цитруса.

Я подошла достаточно близко, чтобы увидеть шрам, который изгибается вокруг его

правого глаза и по которому я раньше любила проводить пальцем. Его присутствие в комнате имеет какое-то физическое воздействие. В доказательство, я вижу двух женщин - молодую и в возрасте - бросающих на него свои взгляды и наклоняющихся к нему. Целый мир склоняется перед Калемом Дрэйком, а он даже не подозревает об этом. На это поистине омерзительно смотреть.

Я незаметно встаю рядом с ним и достаю CD-диск. Калем, не обращая внимания на мое присутствие, движется вниз по алфавитному указателю с исполнителями. Я слежу за его действиями, делая несколько шагов позади него, как вдруг его тело поворачивается в моем направлении. Я застываю на месте, и на долю секунды у меня возникает желание бежать. Сожму пятки вместе и наблюдаю за тем, как его глаза всматриваются в мое лицо, словно он никогда прежде меня не видел, и останавливаются на пластмассовой коробке в моей руке. Затем, после трех долгих лет, я слышу его голос.

— Они хороши?

Я чувствую, как шок стремится из моего сердца напрямик к конечностям и, словно свинец, застревает в животе.

Он по-прежнему говорит с тем самым, разбавленным британским акцентом, который я помню, но жесткости, которую я ожидала услышать, нет.

— Хмм...

Он смотрит на мое лицо, и его глаза всматриваются в каждую черту так, словно он видит все это в первый раз.

— Прости? Я не расслышал, что ты сказала.

Черт, черт, черт.

— Эээм, да они неплохи, — говорю я, запихивая CD обратно в стойку. Тишина. Мне кажется, он ждет, когда я продолжу разговор.

— Они не в твоём вкусе.

Он выглядит смущенным.

— Они не в моём вкусе?

Я киваю.

— Что же, ты думаешь, тогда в моём вкусе? — Его глаза смеются надо мной, и на губах появляется подобие улыбки.

Я пробегаюсь глазами по его лицу в поисках ключа к разгадке той игры, в которую он играет. Он всегда был хорош в том, чтобы надевать нужное выражение лица в определенном случае. Калем выглядит спокойным и лишь слегка заинтересованным в моем ответе. Исходя из этого, я чувствую себя в безопасности, поэтому произношу:

— Ммм, ты похож на парня, который мог бы увлекаться классическим роком..., но я могу ошибаться. — Люди меняются.

— Классический рок? — повторяет он, наблюдая за моими губами. Я непроизвольно начинаю дрожать, вспоминая о том, как он смотрел на мои губы раньше, а потом устремлялся ко мне. Не был ли этот взгляд тем, с чего все это началось?

— Мне очень жаль, — говорит он, опуская свой взгляд в пол. — Это нелепо, но я ... хмм...не знаю, что в моём вкусе. Я просто не помню этого.

Я уставилась на него. Это, типо, такая шутка что ли? Или просто способ отомстить мне?

— Ты не помнишь? Но как ты можешь не помнить?

Калем чешет рукой затылок, мышцы на его руке напрягаются. — Я потерял память в результате несчастного случая. Звучит банально, знаю, но правда в том, что я понятия не

имею о том, что мне нравится или нравилось. Прости. Не знаю, почему я рассказываю это тебе.

Он поворачивается, чтобы уйти, вероятно, потому, что моё лицо переполнено шоком, и это заставляет его чувствовать себя неловко. Такое ощущение, будто кто-то прошелся картофельным прессом по моему мозгу. Ничто больше не имеет смысла. Ничто не сходится. Кaleb не знает, кто я. Кaleb не знает, кто я! С каждым шагом он все ближе и ближе к выходу, а я становлюсь все отчаяннее. Где-то в своей голове я слышу кричащий голос: «Останови его!»

— Подожди, — говорю я. Мой голос еле слышен. — Подожди... подожди! — на этот раз я кричу громче, и несколько людей поворачивается. Не обращая на них внимание, я фокусируюсь на спине Калеба. Он почти уже у двери, когда оборачивается ко мне лицом. Думай быстрее, думай быстрее! Подняв палец, и давая тем самым ему понять, чтоб он подождал там, где стоит, я бегом направила в секцию классического рока. Потребовалась всего лишь минута, чтобы найти тот, который раньше был его любимым. Я возвращаюсь, плотно сжимая CD в своих руках, и останавливаюсь на расстоянии нескольких футов от того места, где он стоит.

— Тебе понравится это, — говорю я, кидая ему копию. Моя цель не достигнута, но он изящно ловит её и слегка печально улыбается.

Я наблюдаю за тем, как он направляется к кассе, чтобы пробить диск, подписать свою квитанцию от использования кредитной карты и сразу же исчезнуть из моей жизни.

Привет—Пока.

Почему я не сказала ему, кто я такая? Сейчас уже слишком поздно. Момент для честности упущен. Я стою, наблюдая за тем, как он уходит, и мое сердце лениво бьется в груди, пока я пытаюсь осознать все, что только что произошло. Он забыл меня.

ГЛАВА 2

Однажды, когда я была еще в пятом классе, я увидела по телевизору фильм про таинственные убийства. Детектива, в которого я нелепо втрескалась, звали Фоллиган Бевилл. Современный Джек-потрошитель убивал проституток, а Фоллиган выслеживал его. Ради этой цели детектив допрашивал одну ну очень жалко выглядящую девушку с волнистыми, светлыми волосами, которые у корней уже отрастали, темнея. Она свернулась калачиком на горчично-желтой кушетке, губами жадно впиваясь в сигарету. «Ничего себе, какая потрясающая актриса!» - подумала я тогда. Она могла бы выиграть премию Эмми за такую трогательную игру. В одной руке девушка держала стакан, который периодически подносила к губам, чтобы сделать несколько быстрых и небольших, словно птичьих, глотков виски. Я наблюдала за всеми её движениями, источающими драму, запоминая все, что она делала. Позднее, этой же ночью, я наполнила стакан льдом и «Pepsi». Взяв свой напиток, я забралась на подоконник и поднесла воображаемую сигарету к губам.

— Никто не слушает меня, — прошептала я так, что от моего дыхания запотел стакан. — Этот мир холоден. — Я сделала глоток «Pepsi», предварительно погремев кубиками льда.

Прошло полтора десятилетия, а я все еще полна драматизма. На следующий день после моей встречи с Каледом ураган Фиби пронесся через весь город, избавив меня тем самым от необходимости звонить на работу, чтобы взять больничный. И вот я лежу в кровати, свернувшись калачиком и обнимая бутылку водки.

Около полудня я все-таки выбираюсь из постели и перемещаюсь в ванную. Удивительно, но все еще есть электричество, и это при том, что трехбалльный ураган бушует за моим окном. Пользуясь случаем, я решаю принять ванну. Сидя в горячей воде, я в миллионный раз прокручиваю произошедшее. Все заканчивается, он забыл меня.

Мой мопс Пиклз усаживается на коврик в ванной, и внимательно смотрит на меня. Он такой уродливый, что я невольно улыбаюсь.

— Калед, Калед, Калед, — говорю я, желая понять, звучит ли это так же, как и прежде.

У него была странная привычка переворачивать имена задом наперед, когда он слышал их в первый раз. Я была Яивило, а он - Белак. Я думала, что это было очень смешно, но, в конечном счете, начала делать тоже самое. Это стало секретным кодом, который мы использовали, чтобы сплетничать.

И сейчас он не помнит меня. Как можно забыть кого-то, кого ты любил, пусть даже этот человек и разорвал твое сердце в клочья? Я подливаю немного водки. Смогу ли я когда-нибудь вытащить его из своей головы? Пожалуй, я могла бы сделать депрессию своей полноценной работой. Именно так поступают исполнители кантри. Думаю, я могла бы стать кантри-певицей. Громко спев пару строк из «Achey Breaky Heart»^[1], я делаю еще глоток.

Потянув пальцем ноги затычку ванной, я слушаю, как вода, журча, убегает в канализацию. Одевшись, иду к холодильнику, а в моем пустом животе булькает дешевый алкоголь. На дворе ураган, а в моих запасах две бутылки соуса «Ранчо», лук и кусок острого сыра «Чеддер». Нарезав сыр и лук, я бросаю их в тарелку и обильно поливаю соусом сверху. Поставив кофейник, я включила стерео-систему, в которой был тот самый CD, который я дала Каледу в «Музыкальном грибе». Мне необходимо больше водки.

Я просыпаюсь на полу кухни с лицом, лежащим в луже собственных слюней. В моей руке зажата фотография Калеба, которая была разорвана, а потом склеена. Я чувствую себя

чертовски хорошо, даже не смотря на пульсацию в висках. Принимаю решение. Сегодня я планирую начать все с нуля. Собираюсь забыть, как его зовут, и купить немного здоровой пищи, чтобы продолжать проживать свою проклятую жизнь. Убрав свой пьяный беспорядок, я ненадолго останавливаюсь, прежде чем выбросить разорванную и заново склеенную фотографию в мусорное ведро. До свидания, завтра. Я хватаю свой кошелек и отправляюсь в самый ближний магазин здорового питания.

Первое, что происходит со мной, когда я захожу в магазин здорового питания - запах душистого пачули ударяет мне в лицо. Зажав нос и затаив дыхание, я прохожу через службу поддержки, где девушка моего возраста жуёт жвачку, медитируя за прилавком.

Схватив тележку, я направляюсь в заднюю часть магазина, проталкиваясь мимо бутылок моющего средства «Аура мадам Дирвуд» (которая, кстати, не работает), глаза тритона и мешочков с «Гота Кола».

Насколько мне известно, это ближайший нормальный продуктовый магазин, а не пункт поставки товаров для людей со странностями нового века, в радиусе двадцати миль. Мыс Калемом никогда не бывали здесь вместе, что делало супермаркет «Месса» свободной от воспоминаний зоной.

Я бросаю пачку печенья из водорослей и печенного картофеля, и направляюсь в отдел с мороженым. Прохожу мимо босоногой женщины в рубашке, которая говорит: «Я - Викканка^[2], обрати на меня внимание, метла».

Подходя к отделу с мороженым, я дрожу.

— Холодно?

Я поворачиваюсь так быстро, что плечом задеваю стойку с изображениями вафельных конусов. В ужасе наблюдаю, как они рассыпаются по полу, точно так же, как и мои мысли.

Калев!

Я наблюдаю за тем, как он поднимает коробки одну за другой, складывая их в свободной руке. Калев улыбается, и у меня такое чувство, будто он удивлен моей реакцией.

— Прости, я не хотел напугать тебя.

Такой вежливый. И снова слышен этот чертов акцент.

— Что ты здесь делаешь? — Слова срываются с моих губ прежде, чем я могу их остановить.

Он смеется. — Я не преследую тебя, клянусь. На самом деле, я хотел бы поблагодарить тебя за предложенную в магазине на днях музыку. Мне понравилось, честно. — Его руки в карманах, а сам он подпрыгивает вверх и вниз на каблуках ботинок.

— Вино, — говорит он, вращая указательным пальцем кольцо, находящееся на большом пальце.

Я безучастно смотрю на него.

— Ты спросила меня, почему я здесь, — терпеливо говорит он, словно беседует с ребенком. — Моя девушка любит вино, которое купить можно только здесь, так как оно....органическое. — Последнее слово заставляет его смеяться.

Девушка? Я сужаю глаза. Как так получилось, что он помнит её, но не помнит меня?

— Получается, — небрежно говорю я, открывая один из холодильников и беря первое, что вижу, — ты помнишь свою девушку? — Я старалась звучать беспечно, но, возможно, я не могла бы звучать более паршиво, даже если бы он сомкнул руки вокруг моего горла.

— Нет, после несчастного случая я не помнил её.

Я почувствовала себя немного лучше.

В голове сразу всплыло воспоминание о том, как я начала следить за ней три года назад. Я решила, что должна узнать, кем он решил заменить меня после расставания. Это, и правда, было очень сумасшедше, но мы все вправе немного поиграть в шпионов.

Я носила красную шляпу своей бабушки, которая имела смехотворно широкие поля, скрывающие мое лицо, и это было так мелодраматично. Я взяла банку соленых огурцов для поддержки.

Лия Смит. Вот как звали эту маленькую бестию. Она была настолько богата, насколько я бедна, настолько счастлива, насколько я несчастна, и настолько рыжая, насколько я брюнетка. Он встретил её на какой-то шикарной вечеринке спустя около года после нашего разрыва. Возможно, в тот момент только он попал в её сети, а может, они сразу увлеклись друг другом, я точно не знаю.

Лия работала в офисном здании в десяти минутах езды от меня. К тому времени, как я нашла место для парковки, у меня оставался еще целый час до конца её смены. Я провела его, убеждая себя, что мое поведение абсолютно нормальное.

Лия вышла ровно в 5 часов. Клатч «Prada» бодро раскачивался, висая у неё на предплечье. Она шла, как идет женщина, знающая, что весь мир усталился на её грудь. Я наблюдала, душа руль, за тем, как она, цокая каблуками, идет вдоль тротуара в своих зеленых туфлях на шпильке. Я ненавидела её длинные рыжие волосы, которые крупными кудрями свисали до самой поясицы. Ненавидела, как она помахала на прощанье своим коллегам по работе, слегка заигрывая пальчиками руки. Я ненавидела тот факт, что мне понравились её туфли.

Ища в его глазах ответы и пытаюсь вытянуть свои мысли из прошлого, я спрашиваю:

— Так вы все еще вместе, ребята, даже не смотря на то, что ты не знаешь, кто она?

Я ожидаю, что он будет защищаться, но вместо этого он лукаво улыбается. — Она действительно шокирована всем этим, но, несмотря на происходящее, она великолепная, ведь помогает мне пройти через все это. — Он не смотрит на меня, когда произносит «это».

Любая девушка, которая, конечно, в здравом уме, позволила бы ему уйти, но только не я, к тому же я никогда и не говорила, что нахожусь в здравом уме.

— Ты не хотела бы выпить чашечку кофе? — спрашивает он. — За ней я могу рассказать тебе всю свою душераздирающую историю.

Я чувствую покалывание сначала в ногах, но затем оно прокладывает путь через все мое тело. Если бы он помнил хоть что-нибудь обо мне, то этого бы сейчас не произошло. Это сумасшествие, но я могу воспользоваться этой ситуацией в своих интересах.

— Прости, но я не могу. — Я так горда своим ответом, что даже становлюсь немного выше. Он воспринимает мой ответ точно так же, как воспринимал все мои отказы, пока мы встречались - улыбаясь, словно я не могу быть серьезной.

— Да, ты можешь. Думай об этом, как о пользе, которую ты можешь принести мне.

Я приподнимаю голову.

— Мне нужны новые друзья, оказывающие на меня хорошее влияние.

Мой рот приоткрывается, выпуская протяжный звук «Пффффф...»

Калев приподнимает бровь.

— Я не оказываю хорошего влияния, — говорю я, быстро моргая.

Переминаясь с ноги на ногу, я отвлекаю себя бутылкой вишневого «Мараскина»^[3]. Я могла бы взять бутылку, бросить её ему в голову и убежать, а могу пойти выпить чашечку кофе вместе с ним. В конце концов, это всего лишь кофе. Ни секс, ни отношения, а всего

лишь дружелюбная болтовня между двумя людьми, которые, предположительно, даже не знают друг друга.

— Хорошо, кофе, так кофе, — слышу в своем голосе нотки волнения и съеживаюсь. Я отвратительна.

— Вот и отлично, — улыбается он.

— В двух кварталах отсюда на северо-западе есть кафе. Могу встретиться с тобой там через полчаса, — говорю я, прикидывая, сколько времени мне понадобится, чтобы добраться до дома и передумать. Скажи ему, что не можешь. Скажи ему, что у тебя есть другие дела.....

— Полчаса, — повторяет он, смотря на мои губы. Я эффектно сжимаю их, и Калекб наклоняет голову, чтобы скрыть улыбку. Повернувшись, я спокойно иду вниз к выходу, чувствуя его взгляд на своей спине. Это заставляет меня дрожать.

Я бросаю магазинную тележку, как только покидаю поле его зрения, и галопом несусь к выходу. Мои вьетнамки бьют меня по пяткам, пока я бегу.

Добираюсь до дома в рекордно короткое время. Моя соседка Роузбад стучит в мою дверь, держа в руке лук. Если она перехватит меня, то мне придется участвовать в двухчасовой односторонней беседе о её Берти и его борьбе с подагрой, поэтому я решаю спрятаться в кустах. Пять минут спустя Роузбад уходит, а мои бедра ноют после сидения на корточках, и мне очень хочется в туалет.

Первое, что я делаю, пройдя через входную дверь, так это спасаю фотографию Калеба из мусорного ведра. Отчистив её от яичной скорлупы, я засунула её в свой серебряный ящичек.

Через 15 минут, я выхожу из дома, так нервничая, что мне приходится приложить немалые усилия, чтобы не споткнуться об свои же собственные ноги. Три мучительных квартала. Я ругаю себя и дважды сворачиваю, чтобы отправиться домой, но все-таки добираюсь до парковки.

Стены в кафе выкрашены в темно-синий цвет и украшены мозаичными панорамами. Такая интенсивная и угнетающая атмосфера, но в тоже время очень теплая. «Старбакс» только в трех кварталах отсюда, и это место предназначено для более серьезной публики - вычурных типов, которые размышляют о своих книжных читалках «MacBook».

— Привет, Ливия, — парень, слегка смахивающий на панка и стоящий за кассой, машет мне рукой.

Я улыбаюсь ему в ответ. Проходя мимо доски объявлений, кое-что привлекает мой взгляд. Поверх объявлений прикреплена распечатка мужского лица. Подходя ближе, я понимаю, что оно мне знакомо. В нижней части листа красуется надпись: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», выделенная жирным шрифтом. Это тот самый мужчина с зонтиком из «Музыкального гриба»!

Добсон Скотт Орчард,

родился 7 сентября 1960 года.

Разыскивается за нападение, похищение и изнасилование.

Особые приметы: родинка на лбу.

Родинка! Та самая родинка, которая описывается на плакате. Что произошло бы, если б я пошла с ним? Стараясь избавиться от картинки, вспыхнувшей в моем воображении, я

пытаюсь запомнить номер внизу страницы. Если бы я не увидела Калеба в тот день, то могла бы позволить ему проводить меня до моей машины.

Добсон исчез из моей головы, как только я увидела Калеба, который ждал меня за небольшим столиком в дальнем углу зала, рассеяно смотря на столешницу. Он подносит белую фарфоровую чашку к своим губам, и я вспоминаю, как он делал тоже самое у меня дома несколько лет назад. Мое сердцебиение ускоряется.

Кaleb замечает меня, когда я нахожусь на расстоянии нескольких футов от него.

— Привет. Я заказал тебе латте, — говорит он, вставая. Его глаза одним быстрым движением оглядели меня с ног до головы. Выгляжу я неплохо. Убрав прядь темных волос с глаз, я улыбаюсь. Нервничаю, мои руки дрожат. Когда он протягивает мне руку, я долго не решаюсь пожать её.

— Кaleb Дрэйк, — представился он. — Я бы сказал, что обычно говорю девушкам свое имя прежде, чем приглашаю их на чашечку кофе, но я этого не помню.

Мы нелепо улыбаемся его ужасной шутке, и я позволяю своей маленькой руке погрузиться в его. Прикосновение его кожи так знакомо. Я закрываю глаза на секунду, позволяя нелепости данной ситуации нахлынуть на меня.

— Оливия Каспен. Спасибо тебе за кофе.

Мы неловко садимся, и я начинаю сыпать сахар в свою чашку, наблюдая за его лицом. Раньше Кaleb дразнил меня, будто мой кофе настолько сладкий, что от него выпадут зубы. Он пьет чай, очень горячий чай, как пьют настоящие англичане. Раньше я считала, что это очаровательно и необычно, хотя, я и сейчас так думаю.

— Итак, что же ты сказал своей девушке? — спрашиваю я, делая глоток и покачивая ногой, заставляя шлепанцы биться о ступню. Раньше, когда мы были вместе, Калеба очень раздражало, когда я так делала. Сейчас же я вижу, как его глаза устремляются к моим ногам и на долю секунды мне кажется, что он готов схватить мою ногу, чтобы прекратить все это.

— Я сказал ей, что мне нужно время, чтобы подумать. Ужасно говорить подобное женщине, не так ли? — спрашивает он.

Я киваю.

— Так или иначе, она разрыдалась сразу после того, как я сказал ей это, и теперь не знаю, что мне делать.

— Мне очень жаль, — солгала я. Клубничное личико с веснушками сегодня вечером смиряется с отказом. Это замечательно.

— Итак, — говорю я, — амнезия.

Кaleb кивает, опустив взгляд на столешницу. Он рассеяно выводит пальцем узоры из кругов.

— Да, это называется избирательная амнезия^[4]. Доктора - восемь из них - заверили меня, что это временно.

Я глубокомысленно сосредоточилась на слове «временно». Оно могло означать, что мое времяпрепровождение с ним, столь же временно, как и краска для волос или выброс адреналина. Я решаю, что согласна и на это. Я пью кофе с человеком, который раньше меня ненавидел, и «временно» не должно быть окрашено негативом.

— Как это случилось, — спрашиваю я.

Кaleb откашливается и осматривает комнату так, словно пытается понять, мог ли кто-нибудь услышать нас.

— Что? Слишком личное? — Я не в силах сдержать смех в голосе. Так странно видеть,

что он не решается рассказать мне об этом. Когда мы встречались, он рассказывал мне все, даже то, что большинство мужчин, смутившись, не решились бы рассказать своим девушкам. Я все еще могу прочесть его эмоции после всех этих лет, и могу сказать, что ему неприятно рассказывать о подробностях своей амнезии.

— Не знаю. Просто мне кажется, нам стоит начать с чего-то более простого, прежде чем я все-таки расскажу тебе свои тайны. Например, с того, какой у меня любимый цвет.

Я улыбаюсь. — Ты помнишь, какой у тебя любимый цвет?

Кaleb качает головой, и мы оба смеемся.

Я вздыхаю и начинаю раскачивать свою чашечку. Когда мы только начали встречаться, я спросила, какой у него любимый цвет. Вместо того чтобы просто ответить мне, он затащил в меня в машину, сказав, что должен мне это показать.

— Это не смешно. Мне еще нужно решить тест, — жаловалась я, а он ехал в течение 20 минут, включив ужасный рэп, который любил слушать, и наконец, остановился неподалеку от Международного Аэропорта Майами.

— Вот мой любимый цвет, — сказал он, указывая на огни, очерчивающие взлетно-посадочную полосу.

— Значит, синий, — сказала я. — И что?

— Это не просто синий, а аэропортно-синий, — ответил он. — И никогда не забывай это.

Я повернулась к взлетно-посадочной полосе, чтобы внимательнее изучить огни. Цвет был жутким, похожим на пламя, когда то разгорается до самого горячего состояния и синеет. И где мне прикажите искать рубашку такого цвета?

Я взглянула на него сейчас, прекрасно помня то, что так усердно пытался вспомнить он. Какого это, забыть свой любимый цвет? Или девушку, разбившую тебе сердце?

Аэропортно-синий преследовал меня. Он стал брендом, торговой маркой наших разбитых отношений и моей неспособности двигаться дальше. Гребаный аэропортно-синий.

— Твой любимый цвет - синий, — говорю я, — а мой - красный. Теперь мы лучшие друзья, так что рассказывай мне, что случилось.

— Синий, — повторяет он, улыбаясь. — Это была автомобильная авария. Я с коллегой был в командировке в Скрантоне^[5]. Шел сильный снег, а нам надо было добраться на встречу. Машину вынесло с дороги прямо на дерево. Я получил серьезные травмы головы.... — он пробубнил это так, словно это была очередная скучная история. Полагаю, он рассказывал её уже сотни раз.

Мне не нужно спрашивать, кем он работает. Кaleb - инвестиционный банкир. Он работает в компании своего отчима, и да - он богат.

— А твой коллега?

— Он не выжил, — его плечи резко упали. Я закусил губу. Признаюсь, я не очень хороша, когда нужно, как предполагается, что-нибудь сказать для поддержки. Когда моя мама умерла, люди говорили такие глупости, которые меня злили. Мягкие, пушистые слова, совсем не имеющие веса: «мне жаль» - когда всем понятно, что это не их вина, или «есть ли что-то, что я могу сделать» - когда нам обоим понятно, что ничего уже сделать нельзя. Я меняю тему, чтобы не говорить пустые слова. — Ты помнишь аварию?

— Я помню, как очнулся после того, как все это случилось, но ничего до.

— Даже свое имя?

Он покачал головой.

— Хорошие новости в том, что доктора говорят - я вспомню. Это лишь вопрос времени и терпения.

Хорошая новость для меня заключается в том, что он меня не помнит. Мы не разговаривали бы сейчас, если б он все помнил.

— Я нашел обручальное кольцо в своем ящике с носками. — Его признание было настолько неожиданным, что я подавилась своим кофе.

— Прости, — он похлопывает меня по спине, пока я пытаюсь прокашляться. Глаза слезятся. — Мне, правда, нужно было рассказать кому-нибудь об этом. Я собирался сделать ей предложение, а теперь я даже не знаю, кто она.

Вау...вау! Я чувствую себя так, словно кто-то включил меня в розетку и бросил в ванную. Знаю, что он продолжал жить своей жизнью, ведь я шпионила за ним, чтобы знать, что с ним происходит, но брак?! Это объявление заставило меня думать только об этом.

— Что твои родители думают о случившемся? — спрашиваю я, направляя разговор в более мирное русло. Мысль о Лии в белом платье пробудила во мне желание засмеяться. Ей бы лучше пошло распутное нижнее белье и шест стриптизерши.

— Моя мать смотрит на меня так, словно я предал её, а мой отец продолжает похлопывать меня по спине, говоря: «Ты скоро все вспомнишь, дружище, и все будет прекрасно, Калев». — Подражает он своему отцу, и я улыбаюсь. — Знаю, что это звучит эгоистично, но просто хочу, чтобы меня оставили в покое, и я мог сам со всем разобраться, понимаешь?

Не понимаю, но киваю в ответ.

— Я продолжаю задаваться вопросом, почему не могу вспомнить. Если моя жизнь была столь прекрасной, как все твердят мне, почему ничего в ней не кажется мне знакомым?

Я не знаю, что сказать. Калев, которого я знала, всегда все держал под контролем. Я всегда думала, что он был привязан к роскоши, был чувствителен к моде и слишком крут, чтобы беспокоиться о чем-либо. Этот же Калев опустошен, сломлен и изливает душу, как он думает, совершенно незнакомому человеку. Я хочу поцеловать его и разгладить морщинки смущения на лбу. Вместо этого, я сижу замороженная в своем кресле, борясь с тем, чтобы рассказать ему все, что разлучило нас в первый раз.

— Так что насчет тебя, Оливия Каспен? Какова твоя история?

— Мне...эм...нечего рассказывать. — Его вопрос застал меня врасплох. Мои руки дрожат.

— Давай же... Я рассказал тебе все, — умоляет он.

— Все, что помнишь, — уточняю я. — Как долго у тебя амнезия?

— Три месяца.

— Отлично, за последние три месяца своей жизни я не делала ничего, кроме как работала и читала. Вот твой ответ.

— Мне кажется, что с тобой произошло гораздо больше, нежели ты рассказала, — он всматривается в мое лицо, и у меня создается впечатление, будто он создает историю сам по тому, что видит.

Лучше бы он не пытался увидеть мое прошлое, ведь я никогда не могла притворяться с ним.

— Послушай, когда твоя память вернется, и я смогу раскрыть все секреты своего прошлого, мы устроим вечеринку с ночевкой, и я расскажу тебе все; но, насколько я понимаю, этот день еще не наступил, и у нас обоих амнезия. — Он разразился смехом, а я

скрыла свою довольную улыбку за краем своей кофейной чашечки.

— Хорошо, это звучит не так уж и плохо для меня, — поддразнивает он.

— Да? Интересно, почему?

— Ну, потому, что ты только что разрешила мне увидеть тебя снова, и теперь у меня есть вечеринка с ночевкой, которую я с нетерпением буду ждать.

Я смущаюсь, решая, что уже никогда не смогу рассказать ему. Он вспомнит, и, в конце концов, весь этот фарс вокруг меня рухнет, словно неудачная попытка сыграть в «Дженгу» [\[6\]](#). Но до тех пор, у меня есть шанс вернуть его, и я собираюсь держаться так долго, как только смогу.

Прошлое

В тот день, когда я встретила Калеба Дрэйка, солнце в моем мире засветило немного ярче. Было то самое, невыносимое время года, когда приближался конец учебы, и все студенты красовались своими синяками под глазами. Покинув студенческую библиотеку университета, я обнаружила, что небо со всех сторон обложило сварливо выглядящими дождевыми облаками. Кряхтя, я быстро пошла в сторону общежития, проклиная себя за то, что не взяла с собой зонтик. Я была уже на полпути, как начал накрапывать дождь. Укрывшись под кроной старой ивы, я пристально смотрела на ветки, словно обвиняя её в дожде. И вот тогда появился он, опьяненный своей потрясающей внешностью.

— Почему ты злишься на дерево?

Я сгримасничала, увидев, кто это был. Он рассмеялся, подняв руки в знак того, что сдается.

— Это всего лишь вопрос, Солнце, не нападай.

Я уставилась на него. — Могу я тебе чем-нибудь помочь?

На секунду мне показалось, что тень неуверенности появилась на его лице, но все это быстро закончилось, и он снова заулыбался мне.

— Мне было интересно, чем это дерево вызвало твою злость, — сказал он, повторяя то, с чего начал.

Я заглянула за его плечо и увидела кучку идиотов из баскетбольной команды, уставившихся прямо на нас. Он проследил за моим взглядом и, должно быть, бросил в их сторону самый свирепый взгляд, ведь уже через несколько секунд вся толпа испарилась, и он снова повернулся ко мне.

Оу, да... я должна была ответить на его вопрос.

Взглянув на ствол дерева, который напомнил мне ужасно переплетенное тесто, я поняла, как сильно, должно быть, уставилась на него.

— Ты пытаешься заигрывать со мной? — вздохнула я.

Он издал приглушенный звук. — Калеб Дрэйк.

— Прости, что?

— Меня зовут Калеб Дрэйк, — сказал он, протягивая мне руку. Калеб Дрэйк - печально известное имя в нашем университетском городке, и у меня не было никакого желания присоединиться к его фан-клубу. Я довольно жестко пожала ему руку, чтобы он смог понять, что я не попала под его чары.

— Да, я пытался заигрывать с тобой, пока ты не пристрелила меня своим рукопожатием.

Я приподняла брови и заставила себя улыбнуться. Хорошо, нужно сделать это быстро. У спортсменов очень низкий уровень концентрации внимания.

— Послушай, мне очень хотелось бы стоять здесь и болтать с твоим эго, но мне уже пора идти.

Я прошла мимо него и с облегчением направилась к своему холодильнику, в котором меня поджидала пинта взбитых сливок и мороженого. Я собиралась добавить к ним шоколадный сироп и сделать молочный коктейль.

Его смех донесся до меня, когда я уже дошла до бордюра. Я напряглась, но продолжала

идти.

— Если бы ты родилась животным, то ты бы была ламой, — крикнул он мне в след.

Это меня остановило. Неужели этот придурок и правда сравнивает меня с волосатым животным?

— Почему это, интересно? — я все еще находилась к нему спиной, но мои глаза смотрели на него.

— Погугли.

Неужели это действительно происходит? Я описала головой дугу, в стиле экзорциста, и уставилась прямо на него. Он выглядел очень самоуверенным.

— Еще увидимся, — сказал он и, засунув руки в карманы, направился назад к своей группе.

Я закатила глаза. Надеюсь, что этого никогда не произойдет. Я была на взводе в течение всего времени, пока шла в свою комнату в общежитии. Прежде, чем я успела взяться за ручку, дверь широко распахнулась. Знакомьтесь, моя новая соседка по комнате.

— Почему он разговаривал с тобой?

Она была приятной, светлоглазой блондинкой, которую я очень хотела ненавидеть за то, что она была ужасно милой малышкой.

— Он проводил набор участников в свой фан-клуб, и я порекомендовала ему тебя, Кэм.

— Серьезно, Оливия? И что он сказал? — она стояла со мной, пока я аккуратно складывала книги на своем столе. Когда я попыталась проигнорировать её, она начала бросать «M&M's» мне в голову.

— Да он просто красовался перед своими друзьями, и тут нечего рассказывать. Правда! — она позволила мне пройти. Я уже направилась было за своими сливками для взбивания, которые собиралась выпить, как она перекрыла мне дорогу.

— Ты такая тупица!

— Тупица? — я покачала головой. — Ты называешь меня неразумной или глупой? — Я с тоской смотрела через её плечо на холодильник.

— Калевб Дрэйк не бегает за девчонками, это девчонки бегают за Калевбом Дрэйком. Он поступился принципами, чтобы поговорить с тобой, а ты его отшила!

— Он не интересуется мной, — сказала я, вздыхая, — а просто выпендривается перед друзьями.

— Ну и пусть выпендривается. Кого это волнует? Этот парень давно заработал для себя это право. Он великолепен!

Я издала приглушенный звук.

— Оливия, — не унималась она, — существует и иная жизнь, нежели книги и учеба! — она демонстративно сбросила мои учебники со стола. — Парни... они могут... делать такое, — закончила она, кивая в мою сторону.

— Ты, — сказала я, тыкая её в бок, — шлюха.

Подняв с пола учебник, я начала его читать.

— О-ли-ви-я!

Я зажмурилась. Ненавижу, когда она произносит мое имя по слогам.

— Хммм?

Она выхватила книгу у меня из рук.

— Ты вообще слушаешь меня, ханжа неблагодарная, — Кэм схватила меня за подбородок рукой и приподняла вверх, чтобы я смотрела на нее. — Он будет разговаривать с

тобой снова, хотя бы потому, что ты его оттолкнула. Похоже, ему понравилось это, и когда он сделает это снова, — она приложила руку к моему протестующему рту, — ты будешь разговаривать и флиртовать с ним. Ты поняла меня?

Я пожала плечами.

Кэмми завопила «Ааааа!» и заперлась в ванной.

Меня вообще не заботило, какой эффект он оказывал на девушек студенческого городка. Кaleb Дрэйк ничего не значил для меня. Он никогда не будет иметь никакого значения для меня. Я непреклонна. Конец истории.

Кэмми была права. Позднее, на этой неделе, я занималась весь день, когда она начала ворчать на меня, уговаривая пойти с ней на баскетбольный матч.

— Я куплю тебе горячий шоколад.

— С дополнительными взбитыми сливками?

— С целым облаком сливок, если ты поторопишься!

Десять минут спустя я сидела на трибунах, потягивая горячий шоколад с дополнительными взбитыми сливками из небольшого пластикового стаканчика. Кэмми не обращала на меня никакого внимания, и я уже жалела о том, что решила прийти. Кaleb Дрэйк нарезал круги по всей площадке, словно венчик, и признаюсь, у меня от этого начала кружиться голова, и я перестала наблюдать за ним.

Во время перерыва я решила сходить в туалет. Я пыталась протиснуться мимо Кэмми, когда президент студенческого корпуса вышла на площадку и подняла руки, призывая всех к тишине.

— Лора Холбермен - одна из наших студенток - отсутствует в общежитии уже больше пяти дней, — произнесла она в микрофон. Я остановилась послушать. — Её родители, а также преподавательский состав, призываем всех, кто имеет какую-либо информацию о Лоре, выйти вперед прямо сейчас. Спасибо за внимание, ребята, наслаждайтесь остальной частью игры.

Я пересекалась на некоторых парах с Лорой на первом году обучения. Студенты иногда любили исчезать на несколько дней, когда ситуация накалялась. Она, скорее всего, сидит сейчас дома у одного из друзей, поедает шоколад и жалуется на профессорский состав университета. Люди всегда раздувают проблему из ничего.

— Она встречалась с Калемом Дрэйком, когда была на первом курсе, — прошептала Кэмми. — Интересно, сможет ли он сосредоточиться на второй половине игры теперь, когда все узнал.

Я посмотрела на Калеба, который сидел на скамейки и пил из бутылки воду. Он выглядел расслабленным. Вот придурок.

Был уже четвертый квартал, и оставалась всего минута до конца игры, а счет в игре между «Red Sea» и «Cougars» был 72-72. Я не узнала бы этого, если б Кэмми не просветила меня, так как последние 20 минут я провела, вытаскивая пух из свитера. Кaleb Дрэйк стоял на штрафной линии, готовясь сделать самый главный бросок вечера. Он выглядел настолько спокойным, будто уже знал, что сделает это. Первый раз за весь вечер в зале было очень тихо. Заинтригованная происходящим, я забыла про пух и села прямее. Мне хотелось, чтобы он сделал это. Знаю, стыдно признаваться, но я, правда, хотела. На этот раз я осознавала величие Калеба. Он был как халапеньо^[7] - ярким и гладким, но при этом опасно жгучим. Небольшая часть меня хотела укусить его.

Я повернулась к Кэмми, глаза которой были полны надежды. Главное событие вечера

происходило прямо сейчас. Мои глаза снова устремились на площадку. Я вздрогнула. Кaleb смотрел прямо на меня. Все студенты смотрели на него, а он - на меня. Прежде, чем был дан свисток, Кaleb запихнул мяч подмышку и побежал к своему тренеру.

— Что происходит? Что происходит? — Кэмми переминалась с ноги на ногу, и её косички подпрыгивали вместе с музыкой.

Что-то было не так. Я заерзала на своем сидении, скрестила руки, выпрямив при этом ноги. Кaleb передал тренеру мяч. Я вдруг почувствовала себя так, словно сидела в сауне. — Он поднимается вверх по ступенькам, Оливия! Он идет сюда! — визжала Кэмми.

Я сползла ниже в кресло. Ни при каких обстоятельствах это не может быть правдой! Он шел прямо ко мне! Я сделала вид, будто пытаюсь что-то отыскать в своей сумочке. Когда он остановился у моего кресла, я взглянула на него с удивлением.

— Оливия, — произнес он, садясь на корточки, чтобы взглянуть мне в глаза. — Оливия Каспен. — Я заметила, как у Кэмми отвисла челюсть, и множество голов повернулось, чтобы посмотреть на нас.

— Bravo, ты узнал мое имя, — затем, понизив голос, — так какого черта ты вытворяешь? Он проигнорировал мой вопрос. — Ты - загадка университетского городка. — Его голос был грубым, таким, что если б он шептал им вам на ухо, мурашки побежали бы по коже. Я откашлялась и сделала все возможное, чтобы выглядеть раздраженной. — Ты собираешься зарабатывать победное очко для команды, или будешь и дальше затягивать игру, чтобы похвастаться своими детективными навыками?

Он рассмеялся. Посмотрел на пол, а затем опять на меня.

— Если я забью этот мяч, ты встретишься со мной? — Его глаза путешествовали по моему лицу между моими глазами и губами. Я почувствовала, как жар ударил в лицо, и я наклонила голову. Это выглядело так, словно он уже планировал наш первый поцелуй, оценивая мои губы. Я покачала головой. Это было просто смешно. Он пытался спасти свое раненное эго, но, а мне плевать, забьет он этот мяч или нет.

Я сузила глаза. — Если б ты родился животным, знаешь, кем бы ты был? — спросила я. Вспышка неуверенности мелькнула на его лице. После нашего небольшого столкновения под дождем, я погуглила про лам, как он и предлагал. Судя по информации, они были довольно грубыми животными: плевики, удары головой и ногами - часть их обычного поведения.

— Павлином.

Он засмеялся.

— И тебе потребовалась целая неделя, чтобы придумать это, не так ли? — его взгляд снова был на моих губах.

— Конечно, — сказала я, пожав плечами.

— Ну, так тогда справедливо будет сказать, что ты думала обо мне всю неделю? — Теперь была моя очередь выглядеть потрясенной. Черт. Как раз тогда, когда таким должен был быть он.

— Нет.... и.... нет, я не пойду никуда с тобой.

Я откинулась в кресле и решила взглянуть на панель со счетом. Возможно, если я проигнорирую его, он оставит меня в покое. «The Black Eyed Peas» громко разносилась из всех колонок. Я ритмично затопала ногой.

— Почему нет? — Он казался взволнованным, и мне это нравилось.

— Поскольку я лама, а ты павлин - МЫ просто не совместимы. — В зале повышался интерес к нам, и люди начали вставать с мест, чтобы лучше видеть, что происходит. Я

начала нервничать.

— Хорошо, — сказал он, как ни в чем не бывало. — Так что ж мне сделать? — Он так низко наклонился ко мне, что я почувствовала его дыхание на своем лице. Пахло мятой. Я затаила дыхание и постаралась вернуть контроль над своим сердцебиением.

И тогда мне в голову пришла гениальная мысль.

— Прوماхнись.

Он склонил голову. Я наклонилась ближе к нему, сузив глаза. На этот раз я говорила медленно, чтобы не возникло никакой путаницы.

— Прوماхнись, и я встречусь с тобой.

Я увидела, как нежность испарилась из его глаз. Попросить павлина выдернуть свои перья - очень нелегко.

Он быстро встал, даже слишком быстро, и направился назад, на площадку, перепрыгивая через несколько ступенек сразу. Я откинулась на сиденье с самодовольной улыбкой. Уверена, он не ожидал подобного. Хвастун. Идиот.

Кэмми перевела взгляд с меня на Калеба. На её лице отразилось что-то вроде благоговения. Она открыла было рот, чтобы произнести что-то, как я подняла палец, заставляя её замолчать. Сейчас было не до болтовни Кэмми.

— Молчи, Кэмадора, — предупредила я её.

Я сосредоточила свое внимание на фигуре, стоявшей на линии штрафного броска, которая не выглядела такой довольной, какой была еще несколько минут назад.

Судья свистнул, и Калеб поднял мяч, который прокручивал в руках. Я пыталась представить, о чем он думает. Не сомневаюсь, он думал обо мне. Наверное, был зол на то, что я взяла на себя смелость... Я потеряла мысль. Начался момент истины.

Мышцы его рук напряглись, и мяч вылетел из его рук, направившись прямо в кольцо. Моему мозгу понадобилось всего лишь несколько секунд, чтобы осознать, что что-то в этой ситуации пошло не так. И затем это произошло. Мяч, неудачно войдя в корзину, выпал из неё и упал на площадку с отвратительно глухим звуком. Я с ужасом наблюдала, как толпа разразилась гулом.

— Нет, нет, нет, нет, — пробормотала я под нос. Как он мог так поступить? Зачем он это сделал? Ну что за идиот!

— Оливия, я собираюсь делать вид, будто ничего этого не слышала, — шипела Кэмми, хватая меня за запястье. — Но нам нужно уйти до того, как кто-нибудь убьет тебя. — Пока она тащила меня сквозь толпу, я оглянулась на площадку, чтобы бросить последний взгляд на происходящее. Калеб исчез.

Я ничего не слышала о нем в течение недели. Чувство вины начало просачиваться в мои самодовольные мысли, и это было чертовски больно. Я не хотела признавать, что Калеб Дрэйк удивил меня, унизив при этом себя. Кто-то вроде него не способен удивить кого-то вроде меня... верно?

Так или иначе, но новость о том, что он проиграл игру ради девчонки, распространилась по всему кампусу. Так как я была последней, с кем он разговаривал за несколько минут до своего промаха, то все подозрения пали на меня. Девчонки перешептывались, когда видели меня, а баскетбольная команда встречала меня заискивающими и угрожающими взглядами.

— Не настолько она и красива, — я слышала, как одна черлидерша сказала другой. — Если он собирался ставить под угрозу свою баскетбольную карьеру, то должен был выбрать

для этого задницу получше.

Сгорая от стыда, я склонила голову и исчезла в библиотеке. Откуда мне было знать, что на этой игре будут присутствовать персоны, от мнения которых будет зависеть его карьера? Мои познания в спорте ограничиваются лишь способностью различать между собой разноцветные мячи, да и кто бы мог подумать, что он и правда сделает это?

Я начала проводить немного больше времени перед зеркалом по утрам, подкрашивая ресницы и завивая волосы. Поскольку все взоры теперь были устремлены на меня, я пыталась стать более привлекательной задницей.

Вообще, я была слишком симпатичной, чтобы быть дурнушкой, и мои черты лица были слишком округлые, чтобы я могла сойти за экзотику. Мужчины избегали меня. Кэмми однажды сказала мне, что в моих глазах читается некая свирепость, и люди просто боятся меня. Да, но Калеб Дрэйк не боялся. Он нарочно промахнулся. Он сыграл в мою игру, и я проиграла.

— Оливия, тут эмм... посылка для тебя, — однажды вечером прокричала Кэмми через дверь в ванной.

Когда я вышла из ванной, коробка лежала на моей аккуратно заправленной кровати. Я быстро взяла её и плюхнулась на то место, где она прежде лежала. Кэмми закатила глаза и рухнула на свою кровать, которая не убиралась уже в течение недели.

— Не собираешься открыть её? Её доставил тот жуткий парень из почтового отделения студенческого городка. Он даже попытался вдохнуть запах моих волос, когда я забирала у него посылку.

— У него проблемы с носом, — сказала я, схватив ножницы, — не лъсти себе. — Коробка открылась, и я смотрела на неё, не совсем уверенная в том, что действительно это видела.

— Это сдутый баскетбольный мяч, — сказала я, демонстрируя его Кэмми. К нему прилагался конверт. Кэмми села, внимательно следя за происходящим.

— Нет, гений, это тот самый сдутый баскетбольный мяч!!

Я с трудом сглотнула и начала читать записку:

Оливия,

Пришло время расплаты. Встречаемся в библиотеке через 10 минут.

— Калеб

— Невероятно! — сказала я, взяв в руки мяч. — Никакого тебе пожалуйста! Он фактически приказал, чтоб я была там!

— Ты пойдешь. — Кэмми встала, уперев руки в бока.

Я сжала губы и покачала головой, словно говоря «нет».

— ОЛИВИЯ! Ты разрушила самый важный для него матч сезона! Ты обязана ему.

Она права.

— Хорошо. ХОРОШО! — закричала я, подражая её тону. Схватив худи из шкафа, я яростно натянула её через голову. — Но только это, договорились? — сказала я, тыкая в неё пальцем. — Я встречусь с ним в библиотеке, но затем я не хочу ничего слышать об этом от тебя, него или этих чертовых черлидерш!

Кэмми просияла. — Удостоверься, что ты запомнишь каждую деталь, и попытайся упомянуть мое имя.

Я захлопнула за собой дверь.

В полдесятого вечера в пятницу библиотека «Dart» напоминала призрачный город. Женщина с непробиваемым лицом стоит за стойкой и наблюдает за двумя первокурсниками, которые уже собираются уходить. Я замечаю объявление с фотографией Лоры Холберман на стене, призывающую связаться с руководством, если у кого-то появится информация о ней. Она была хороша, и напоминала Дейзи Дьюк^[8]. Светлые волосы, очень много туши и губы, вытянутые так, словно она только что ела леденец на палочке. Она отсутствовала уже шесть дней, и её историю освещала Нэнси Грэйс^[9] - мой герой.

Я вздохнула. Видимо, я пришла раньше. Чтобы скоротать время я решила сходить в раздел фантастики, чтобы проверить, не появилось ли там чего стоящего.

Кaleb нашел меня там несколько минут спустя.

— Привет, Оливия, — он шел по направлению ко мне с такой насмешливой уверенностью, что мне захотелось поставить ему подножку.

— Кaleb, — кротко кивнула я в ответ.

Он был одет в короткую черную куртку и свитер, который смотрелся очень дорого. Мое сердцебиение участилось. Я постаралась успокоить его, а затем повернулась лицом к Калебу. Его руки находились в карманах вельветовых брюк. Очень в стиле «GQ». Я ожидала, что он появится в одной из этих глупых спортивных курток и паре темных джинсов.

— Почему ты так вырядился? — отрезала я, кидая роман в кучу книг, лежащую на столе.

— Как ты находишь время для чтения? — спросил он, взяв в руки книгу и изучая обложку. Я не собиралась говорить ему, что у меня была не слишком насыщенная жизнь, и я читала выходные на пролет. Вместо этого я послала ему обжигающий взгляд в надежде, что он сменит тему. Этот глупый осел, наверное, не прочитал ни одной книги от корки до корки. Я собиралась сказать ему это, но он ушел в соседний проход и вернулся, держа в руках толстый роман.

— Попробуй эту. Моя любимая книга.

Я с опаской взглянула на него, прежде чем взять из его рук книгу.

«Большие надежды»^[10]. Никогда её не читала.

— Ты шутишь?

Он усмехнулся.

— Так ты думаешь, что раз я играю в баскетбол, то не держал в руках книг?

Я фыркнула. Именно так я о нем и думала.

— Почему ты предложил встретиться именно здесь?

— Я подумал, что тебе будет спокойнее, если мы встретимся именно здесь. — Он присел на край стола. — Неужели ты подумала, что я не захочу забрать свой приз?

Я впервые уловила акцент. Англичанин, подумала я, но точно не была в этом уверена. Но как бы там ни было, он оказал на меня такой же эффект, какой оказывает водка.

— Я попросила тебя промахнуться, и не сказала, что пойду с тобой, если ты это сделаешь.

— Неужели? Я что-то такого не припомню. — Он прищурился и склонил голову, делая вид, что смущен. Я была единственной, кому было позволено быть саркастичной. — Ты пойдешь со мной, Оливия, потому, что как бы ненавистно тебе было признавать это, но ты ошибалась на счет меня.

Мой рот открылся и закрылся. Моё остроумие! Где мое остроумие?

— Я... эмм...

— Нет, — перебил он меня. — Никаких оправданий. Ты пойдешь со мной на свидание.

— Хорошо. — Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. — Сделка есть сделка.

Кэмми полюбит меня за это. Люби меня!

— В среду, в восемь часов. — Он встал. Я отступила на шаг назад. Какой же он высокий.

Кaleb начал уже уходить, но затем вдруг остановился.

— Оливия?

— Что? — удивленно спросила я.

— Я планирую поцеловать тебя. Ну, чтоб ты знала.

Я слышала, как его смех эхом разнесся по библиотеке, когда он уходил. Только через мой труп. Почему он был таким привлекательным? И почему мое имя прозвучало так мило, когда он его произнес?

Я схватила свои книги и пошла на контроль.

Я боялся его. Он обыгрывал меня, выдергивая все мое оружие из моих пальцев и заставляя меня чувствовать себя подобно беззубому тигру. Мое решение состояло в том, чтобы спрятаться в своей комнате до среды, дабы избежать встречи с ним. Кэмми поддержала меня замороженным буррито и ее личными запасами бостонских запеченных бобов. Я прочитала «Большие надежды», которая, как оказалось, действительно отличная книга. Я поуглила баскетбольные правила, и теперь я отлично понимала, что произошло, когда он нарочно промахнулся тогда.

Когда день свидания наконец-то наступил, я почти с нетерпением ждала его. Почти. Кэмми разложила весь свой косметический набор по столу (который, к сожалению, никогда не использовался ею для учебы), а я сидела спокойно, как шимпанзе, пока она приводила меня в порядок. Она уложила мне волосы, отполировала ногти и пшикнула непристойно пахнущими духами мне в лицо. Когда она начала читать мне лекцию о безопасном сексе, я вставила наушники в уши и прибавила громкость на полную мощность.

Ровно в 19:55 раздался вежливый стук, стук, стук в дверь. Кэмми запрыгала вверх-вниз, а на её лице появилось выражение безмолвного крика.

— Он собирается зайти в нашу комнату! — прошептала она, танцуя у двери. Кэмми побежала за тюбиком розового блеска для губ, прежде чем открыла дверь.

Я стояла в сторонке, в то время как мама-первокурсница радовалась нашему свиданию.

— О, привет, — сказала она небрежно. — Я - Кэмми, — протянула она ему руку, а он пожал её, улыбаясь. Когда его глаза нашли меня, он внимательно рассмотрел меня. Я выглядела мило. Кэмми превзошла себя. Я была одета в джинсы и облегающий кашемировый свитер, спущенный с одного плеча. Мои волосы, как и всегда, свисали крупными волнами до поясицы, но Кэмми потратила время на то, чтобы посильнее их завить и обильно сбрызнуть лаком для волос.

— Отлично, а теперь пошли, — сказала я, проходя мимо него в холл. Обернувшись, я смотрела, как он прощается с Кэмми.

— Обещаю, что она вернется не слишком поздно, — услышала я его.

— О, держи её так долго, как тебе хочется, — сказала она своим южным протяжным произношением. — Она нуждается в твердой руке, так что не бойся использовать одну из них. — Она смотрела прямо на меня, пока делала последнее заявление. Я строила планы о том, как бы саботировать её в газете «English Comp», когда вернусь.

— Ну и характер, — сказал Калеб, когда она закрыла за нами дверь.

Я поморщилась.

Слабо сказано.

— Она из Техаса, — сказала я, словно это объясняло её поведение, и затем покраснела. Зачем я это сказала? Я взглянула на его лицо, чтобы увидеть, как он слегка улыбается мне.

Потребовалось все мое самообладание, чтобы не развернуться и не пойти назад в свою комнату. В конце концов, гордость заставила меня идти дальше. Я не хотела, чтоб он подумал, что я не могу справиться сама с собой.

Мы встретили двух болельщиц, пока шли к лифту. Их глаза расширились, когда они увидели Калеба. Он кивнул им вежливо, но продолжал идти, держа свою руку на моей поясице. Я пыталась стряхнуть её, но ему довольно хорошо удавалось удерживать её там.

— Ты принимаешь комплименты? — спросил он, когда мы вошли в лифт, и я нажала кнопку, опередив его.

— Только если они оригинальны.

Он тихо рассмеялся и закатил глаза.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, стараясь не рассмеяться, увидев выражение моего лица. — Давай, попробуем. Ты можешь убить улыбкой, а можешь ранить глазами....

— Это не оригинально. Это строки из песни Билли Джоела ^[11], — прервала я его. — В любом случае, неужели ты считаешь это комплиментом?

Мы шли к его машине. Его руки сейчас были в карманах, и складывалось впечатление, будто мы случайно шли в одном направлении.

— Я бы сказал, что эта песня была написана для тебя, но если ты собираешься придирается... — его голос затих. — Ты хочешь слышать комплименты от придурка или от парня, который читал «Большие надежды»?

— От обоих. — Я пыталась выглядеть так, словно не получала наслаждения от этой беседы, но я могла уже чувствовать, как расслабляются мои плечи, и теперь, когда его руке не лежала на моей пояснице, я снова могла думать. Мы подошли к его машине, и я стояла возле дверцы к нему спиной, ожидая, когда он её откроет.

— Стою ли я позади тебя или же перед тобой, ты выглядишь очень мило, — сказал он.

Я почувствовала, как мое лицо покрылось румянцем. Автоматические замки щелкнули, и он открыл дверцу для меня. Я могла услышать, как он подавил смех в голосе, поэтому я села в машину, не сказав ни слова. Я никогда еще не встречала человека, который бы заставлял меня чувствовать себя так не комфортно. Пока он медленно обходил машину, я пристально наблюдала за ним. Он был одет в еще один из тех впечатляющих нарядов.

Я уселась поудобнее и вдохнула аромат его одеколона, который пропитал кожаную обивку салона, благодаря чему складывалось впечатление, будто он повсюду. Запах был рождественским, напоминающим смесь пихты, бергамота и цитрусовых. Мне нравился этот аромат.

— Пристегни свой ремень безопасности, — произнес он, скользнув на водительское сиденье.

Я сжала губы. Ни за что. Я не хочу, чтоб он был вокруг меня.

— Я не буду пристегиваться. — Подержанный VW «Жук», которым я владею, даже не имеет ремней безопасности. Один из предыдущих владельцев убрал их. Я молча упрекнула себя за то, что не поехала на своей машине.

Кaleb приподнял бровь, и я начала замечать, что он делает это довольно часто.

— Как хочешь, — сказал он, пожимая плечами, — но, если нам придется быстро остановиться, то я просто протяну руку, чтобы спасти тебя от рывка вперед. — Он проиллюстрировал свои слова, протянув руку прямо поперек моей груди, соприкасаясь при этом с моими В-чашечками.

Я пристегнулась. Он даже не попытался улыбнуться.

— Так куда мы едем? — с горечью в голосе спросила я. Надеюсь, мы сможем сделать это быстро, и я еще успею вернуться домой вовремя, чтобы посмотреть «Анатомию Грей». Красивые, вымышленные мужчины гораздо легче воспринимались моим животом, нежели один из реальных, от которого пахло Рождеством, и который выглядел как модель Кельвина Кляйна.

— В мое любимое место для свиданий. — Он посмотрел на меня, пока его рука

переключала передачу, и я почувствовала, как по животу начала растекаться теплота. Мужские руки - мой фетиш. У него большие ладони, что, наверное, полезно для такого глупого вида спорта, которым он занимается. Вообще, у него такой тип ладоней, на которых обручальные кольца выглядят очень сексуально - загорелые с линиями вен, которые бегут словно извилистые реки к запястью, а затем исчезают под рукавами рубашки.

— Это не свидание, — напомнила я ему. — И самое ужасное состоит в том, что ты только что сказал, что везешь меня туда, куда возил других девушек.

— Верно. Хорошо, в следующий раз я постараюсь не забыть, что тебе лучше не говорить правду, — сказал он, глядя на меня уголком глаза.

— Почему ты думаешь, что будет следующий раз?

— Почему ты думаешь, что не будет?

Я даже не взглянула на него, а просто вздохнула и уставилась в окно.

«Jaxson's Old Fashioned Ice Cream» располагалось на одной из самых оживленных улиц Дании^[12]. Его неоновая вывеска неторопливо мигала, красуясь на фасаде торгового центра, привлекая внимание прохожих. Несмотря на яркий свет и очертания животных, куда туристы могли запихивать свои головы и фотографироваться, и громкую музыку я никогда раньше не замечала это место.

— О, — произнесла я, пытаясь скрыть свое удивление. — Это уже интересно.

— У тебя непереносимость лактозы? — спросил он, занимая свободное парковочное место.

— Не-а.

— Диета?

— Не на этой неделе.

— Вот и отлично. Значит, тебе должно здесь понравиться. — Он подошел, чтобы открыть мне дверцу, и протянул свою руку, пока я выбиралась из машины.

Мы вошли в вестибюль и сразу же были встречены пожилым мужчиной с волосами, стилизованными под сладкую вату. Он захрипел, волнуясь, когда увидел Калеба, и протянул ему руку для рукопожатия.

— Рад снова тебя видеть, Кaleb, — сказал он потрескавшимся от сигарет голосом. На нем был надет комбинезон красного цвета в тонкую полоску с пуговицами, похожими на леденцы.

Меня это немного смутило.

Кaleb положил свою руку на плечо администратора, встречающего нас в знак приветствия. Затем, в течение нескольких минут, они обменивались любезностями, после чего довольно раздражающе рука Калеба снова опустилась на мою поясницу.

— Харлоу, этот столик свободен?

Харлоу кивнул и зашагал вперед. Мы пошли следом за ним, проходя через первую комнату сквозь небольшой проход между двумя холодильниками с мороженым, пока не оказались во второй, более просторной комнате. Я в страхе огляделась, пока мы медленно пробирались к нашему столику. Это место было стилизовано под Швецию двадцатых. Повсюду на стенах была развешана куча всяких безделушек, от чего мои глаза просто пришли в замешательство. «Столик Калеба» был допотопный и маленький, а сверху над ним весела кривоватая коляска. Я сжала губы. Меня это не впечатлило. Кaleb обернулся, взглянул на меня и улыбнулся, словно прочитал мои мысли.

Харлоу снова начал хрипеть, когда пытался выдвинуть мой стул.

— Я могу сама, спасибо, — сказала я. Он пожал плечами и исчез, оставляя нас в покое.

Богатые британские мальчики не едят мороженое в местах вроде этого. Они поедают икру на своих яхтах и встречаются с богатенькими блондинками, имеющими собственные трастовые фонды. Похоже, что этот мальчик был серьезно испорчен чем-то абсолютно очевидным. Я перебрала в уме возможные, на мой взгляд, варианты: ужасный характер, психическое заболевание....

— Полагаю, тебя заинтересовал стол? — спросил он, садясь напротив меня.

Я кивнула.

— Я приглашал сюда девчонок, начиная еще со средней школы. — Он положил руки на липкую столешницу и небрежно откинулся на спинку своего стула. — Видишь вон тот столик? — Я оглянулась, чтобы посмотреть в угол на столик, на который он указывал. Старый светофор судорожно мигал красным, зеленым, красным, красным и зеленым.

— Это - неудачный столик, и я никогда больше не буду сидеть за ним снова: ни один, ни на свидании.

Я повернулась к нему удивленная. Он был таким самоуверенным. Липким. Самодовольным.

— Почему?

— Ну, потому что каждый раз, когда я сижу за тем столом происходит что-то ужасное: например, моя бывшая девушка видит меня с моей новой девушкой и выливает «Шоколадную смерть» нам на колени, или я узнаю, что у меня аллергия на чернику перед самой горячей девчонкой в школе.... — он рассмеялся своим же словам, и я позволила улыбке проявиться сквозь мой образ безразличной девушки.

История про аллергию на чернику меня отчасти покорила.

— А как насчет этого стола? — спросила я.

— За этим столом происходят только хорошие вещи, — просто ответил он.

Я приподняла бровь, но мне было слишком боязно продолжать расспрашивать его дальше. В комнате появилась девушка с мороженым, которое выглядело слишком неземным, чтобы походило на реальное. Кэмми с удовольствием съело бы его. Это был её сексуальный билет, решила я.

Я была безмерно рада, когда, наконец, появился наш официант с двумя стаканами воды и ведерком попкорна.

Я все еще читала свое меню, когда услышала, как Калев делает заказ для меня.

— Ты издеваешься надо мной? — спросила я, когда официант ушел. — Надеюсь, ты знаешь, что девушки обладают правом голоса и могут сами заказать себе еду?

— Ты никогда не даешь мне шанса, — сказал он. — Мне нравится это.

Я облизала соль с пальцев и уставилась на него.

— Я видел, как ты смотрела на него... — Он постучал пальцем по картинке с банановым сплитом. — ...а прямо перед ним, ты смотрела на обезжиренное мороженное.

Он был наблюдательным. Я позволила ему быть таким.

— Допустим, я хотела что-то обезжиренное, и что тогда?

Калев пожал плечами. — Это моя ночь. Я выиграл, и теперь именно я устанавливаю правила.

Я почти улыбнулась. Почти.

Он рассказал мне о семье, пока мы ждали заказ. Калев вырос в Лондоне с мамой и отчимом. Его детство было из тех, о которых мечтает каждый ребенок: необычные

каникулы, Рождество с кузенами в Швейцарии и проклятое пони на Дне Рождения. Они переехали в Америку, когда ему было четырнадцать. Сначала они поселились в Мичигане, но затем, когда его мать сказала, что холод плохо сказывается на коже её лица, переехали во Флориду. Изобилие денег, небольшие трудности и старший брат, который занимался вещами вроде покорения Эвереста в свободное время. Его биологический отец, которого парень, к слову, никогда не видел, был бабником, красовавшимся на британских таблоидах и имеющим интрижки со знаменитыми моделями.

Когда же настала моя очередь излить душу, я фильтровала информацию в пользу более выгодного представления обо мне, в частности умалчивая про своего отца-алкоголика, которого я назвала «умершим», и переселяясь из «неблагоприятного района». Я не видела причин для погружения его в дебри моей далеко «не сказочной» жизни. Просто не хотела разбить его счастливое представление о жизни. Он слушал меня внимательно и задавал вопросы. На мой взгляд, эгоцентризм людей можно измерить количеством вопросов, которые они не задают. Кaleb действительно казался заинтересованным мной. Я не была уверена, что все это значило. Возможно, это была всего лишь обычная уловка, чтобы затаскивать девушек в постель, или же он действительно был милым.

Когда я рассказала ему о своей матери и о том, как она умерла от рака легких, когда я училась в выпускном классе старшей школы, то увидела подлинное сострадание в его глазах, которое заставило меня слегка смутиться.

— Значит, ты совсем одна, Оливия?

Я погрузилась в его вопрос. Было больно слышать подобное.

— Да, если ты имеешь ввиду, что никого из членов моей семьи нет в живых.

Я запихнула ложку десерта в рот, чтобы хоть какое-то время потерять способность говорить что-либо.

— И ты счастлива? — спросил он. Мне показалось, что это довольно странная формулировка вопроса. Понимаю, если б он спрашивал меня о том, плачу ли я все еще по ночам из-за смерти мамы? Он играл с ложкой, неосознанно разбрызгивая шоколад по всему столу. Честно, я ответила так, как смогла.

— Иногда. А ты?

— Не знаю.

Я взглянула на него с удивлением. Звезда спорта, красавец, баловень судьбы. Как он может быть несчастным? Или еще лучше так: как он мог не знать, счастлив он или нет?

— Что ты имеешь ввиду? — спросила я, кладя ложку. Я не хотела больше есть мороженое. Не хотела больше находиться здесь. Вся эта беседа заставила меня почувствовать себя больной.

— Я не знаю, что делает меня счастливым. Полагаю, что все еще пытаюсь найти это. Мне всегда хотелось жениться и завести семью, встретить того, с кем останусь рядом до тех пор, пока не поседею, не стану морщинистым и не обзаведусь минивэном, полным внуков.

— Минивэн? — недоверчиво переспрашиваю я, думая о его спортивном автомобиле, припаркованном снаружи. — Ты издеваешься надо мной?

— Я не настолько плох, как ты думаешь.

Я ткнула его в плечо.

— Ты не хочешь минивэн, ты хочешь Порше. Пятнадцать лет в браке и ты возненавидишь жену и минивэн того, что выпьет из тебя всю кровь. Ты ненормальный?

— Да ладно тебе, — сказал он смеясь. — Ты недооцениваешь меня. Если бы мне

пришлось выполнить более трудное задание, чтобы оказаться с тобой здесь, я бы это сделал.

— Ну вот, ты только что написал книгу, а теперь жалуешься на отзыв, который я дала ей, — пошутила я.

— Ладно, — он поднял руки вверх, — я планирую начать писать сиквел, который будет менее самовлюбленным. Прочтешь его?

— Только если никакая другая девчонка на территории кампуса не будет этого делать. — Он засмеялся так громко, что несколько человек обернулось посмотреть на нас.

Я взяла несколько зерен попкорна из ведерка и глубокомысленно запихнула их в рот. Все было не настолько ужасно, как я ожидала. Я почти веселилась. Когда я подняла взгляд, он изучал меня.

— Что? Почему ты на меня так смотришь?

Калеб вздохнул. — Почему ты такая враждебная?

— Послушай, приятель. Не думай, что за несколько минут я куплюсь на эту твою личину отзывчивого и чуткого парня, которого ты тут из себя строишь. Я распознаю всю эту фигню, как только вижу.

— А я и не знал, что строил из себя отзывчивого и чуткого парня, — довольно честно признался он.

Я изучила его красивое лицо, пытаюсь заглянуть сквозь внешность прямо в душу.

У него такие глаза, при взгляде в которые вам всегда кажется, будто они смеются над вами. Что касается цвета, то они были янтарными, а морщинки от улыбки расходились к внешнему углу глаза, напоминая мягкие складки бумаги.

— Подожди-ка, — говорю я. — Ты пригласил меня в это маленькое милое местечко для поедания мороженого, словно мы все еще в старшей школе. Ты знаешь, как зовут того пожилого мужчину, ты позволяешь мне заглянуть... — я замолчала, потому что он как-то хмуро смотрел на меня.

— Ты не очень хороша в чтении людей. — Он кинул в меня одним зерном попкорна, и попал прямо в лоб. Я оскорблено потерла лоб. Неправда. Я была очень хороша в чтении людей.

— Возможно, я хороший парень, Оливия.

Я фыркнула.

— Ты можешь прочитать многое о человеке по его особенностям и тому, что он делает. Но, чтобы узнать человека таким, какой он на самом деле, требуется время, — сказал он.

— Что же ты можешь сказать обо мне? — спросила я. — Раз уж ты такой эксперт...

Калеб искоса взглянул на меня, словно думал, что я была не готова выслушать его оценку.

— Давай же, — настаивала я, — если ты собирался похвастаться этим....

— Ладно... ладно. Давай, посмотрим...

Я тут же пожалела о своем решении, ведь только что я дала ему право пристально разглядывать меня, что заставило меня покраснеть.

— Есть что-то печальное в твоих глазах, возможно, это из-за того, что они такие большие или из-за того, что они постоянно устремлены куда-то вниз, будто разочарованно. Они определенно уязвимы, но в то же время и смелы, потому что ты смотришь на все так, словно бросаешь вызов. Также есть кое-что в том, как ты держишь подбородок. Ты дерзкая и упрямая, и у тебя маленький вздернутый носик, который всегда высокомерно устремлен на север. Мне кажется, ты пытаешься казаться снобом, чтобы держать людей подальше.

Я почувствовала себя фигово. Слишком много мороженого. Слишком много правды.

— И мой личный фаворит - твои губы, — улыбнулся он. К моему горлу подступил комок. — Полные и чувственные, со всегда опущенными уголками. Отчасти именно эти губы заставляют меня хотеть целовать их, пока они не заулыбаются.

Я заартачилась. Он думает о том, чтобы поцеловать меня? Конечно же, он думал об этом. Парни всегда думают о том, что в конечном итоге приведет к сексу. Под столом мои ногти впились в ладони.

— Я заставил тебя почувствовать себя неудобно? — он откинулся назад на своем стуле, одним локтем продолжая упираться о столешницу.

Я сглотнула ком в горле. Мое сердце билось, как у кролика.

— Нет.

— Хорошо, потому что я не считаю тебя девушкой, которая способна по-настоящему удивиться, особенно тому, как школьный спортсмен доказал её несправедливость.

Теперь я почувствовала себя так, словно вот-вот упаду в обморок.

Ладно, возможно в его голове гораздо больше мозгов, чем я думала. Я скрестила руки на груди и сузила глаза, как это делали ковбои в старых вестернах.

— Хорошо, так почему ты промахнулся?

— Почему я промахнулся? — переспросил он. — Потому что меня больше волновала возможность узнать тебя, нежели победа в очередной игре.

На этот раз я даже не пыталась скрыть ошеломленное выражение на своем лице. Он только что сказал мне самый великолепный комплимент, который даже круче того, в котором говорилось о том, что он хочет целовать мои губы. Твою ж мать. У меня даже не нашлось острого замечания, которым я могла б ответить. Мне было все равно, даже несмотря на то, что мое остроумие меня подвело.

Уходя, мы остановились, чтобы посмотреть на продаваемые там леденцы и игрушки. Из-за того, что под них выделено было очень мало места, они представляли собой кучу сваленного барахла.

Кaleb что-то разглядывал в углу, пока я разглядывала его.

— Посмотри на это, — подозвал он меня. Я втиснулась между ним и кучей детских игрушек «Beanie Babies», чтобы взглянуть. Это был денежный пресс, производящий сувенирные монеты, в который ты должен поместить 50 центов и монетку. Машина спрессует монетку, выдавив на ней случайный текст, оставив твои 50 центов в качестве оплаты. Кaleb полез в свои карманы.

— Ты сделаешь это, — сказал он, погружая монеты в мою ладонь. Я опустила одну из них в узкую прорезь и нажала на кнопку «старт». Пресс начал жужжать и трястись. Мне показалось, что мы стоим слишком близко к нему, и я бы отошла подальше, если бы было куда отходить. Так получилось, что я уронила несколько игрушек «Beanie Babies» с полки. Когда мы наклонились, чтобы поднять их с пола, машина издала слабый рыгающий звук, и монетка приземлилась со звоном в специальное углубление. Кaleb начал потирать руки, пока я хихикала.

— Сейчас ты увидишь то, что увидишь не часто, — сказал он, слегка коснувшись моего носа.

Я проглотила свою изнеженность и снова вернула строгое выражение лица. Мой нос теперь покалывал.

— Это всего лишь сувенирная машина, успокойся.

— Но это не просто монетный пресс, — сказал он, указывая на описание аппарата, которое я раньше не заметила.

— Это романтический монетный пресс.

Я побледнела.

Монетка была еще теплой, когда мои пальцы прикоснулись к ней. Я протянула её Калебу, даже не потрудившись прочитать сообщение, выдавленное на ней.

— Так, так, — его голос был самодовольным. Любопытство взяло верх надо мной. Я схватила его за руку и потянула, пока монетка не оказалась прямо перед моим носом, и я не смогла прочесть:

Один поцелуй

В любом месте, в любое время

Нервы ни к черту! Я выкрутилась из положения, начав отходить к двери.

— Удачи в получении поцелуя.

Он не проронил ни слова, да и не должен был. Положение его тела и улыбка, появившаяся на лице, лучше всего говорили мне о том, о чем он думал.

Я расспросила его о Лоре, пока мы возвращались назад в общежитие. Он рассказал мне, что они встречались в течение недели на первом году обучения, и что она была довольно милой девушкой. К тому моменту, как он проводил меня до двери моей комнаты, я была настолько поглощена мыслями о нем, целующем меня, что споткнулась, запутавшись в собственных ногах.

— Осторожнее, Герцогиня, — сказал он, хватая меня за локоть, — если вы вывихнете себе что-нибудь, я окажусь перед необходимостью донести Вас до Вашей комнаты. — Он засмеялся над выражением ужаса, застывшем на моем лице. — Большинство девчонок было бы рады такой перспективе, не думаешь?

— Я не из их числа.

— Да, я заметил.

Он сделал шаг по направлению ко мне, а я отступила назад к двери, пытаясь прижаться к тонкой фанере. Калеб был невыносимо близко. Поместив руки по обе стороны от моей головы, он был всего в нескольких дюймах...от моего лица. Я могла ощутить его дыхание на своих губах. Я хотела видеть его губы, наблюдать за тем, что они будут делать, но вместо этого мои глаза встретились с его. Если бы я просто могла удерживать его взгляд, он бы не заметил, как приподнимается моя грудь из-за тяжелых вдохов, и что мои ногти вцепились в дверь позади меня. Он двинулся ближе, и его нос практически касался моего. Мои губы приоткрылись. Как долго мы стояли вот так? Мне показалось, что минут пять, но я знала, что вряд ли прошло больше десяти секунд. Калеб приблизился ко мне еще на миллиметр. Мне некуда сдвинуться. Если бы я еще плотнее прижалась к двери, то пришлось бы вдавливать в дерево. Я так боялась... но чего? Меня целовали раньше.

Он заговорил, и его лицо было настолько близко к моему, что я могла почувствовать, как его губы задела мои.

— Я не собираюсь целовать тебя, — сказал он. Я почувствовала, как сместилось мое сердце. Вот только вверх или вниз? Вверх или вниз? Не знаю, была ли я разочарована или же почувствовала облегчение. Он продолжил: — Не сегодня, Оливия. Но я все еще планирую поцеловать тебя.

Я почувствовала как волна смятения, возникшая в животе, пройдя через грудь, достигла моего рта.

— Нет.

Это звучало так глупо; детские слова неповиновения. Не знаю, почему я сказала это, разве что для того, чтобы вернуть себе хоть часть контроля, который он украл у меня.

Кaleb уже повернулся, чтобы уйти, но мое «нет» остановило его. Руки его покоились в карманах брюк. Казалось, коридор вокруг него сжимался, поглощая его присутствие. Как он это делал? Я ожидала, что он скажет что-нибудь еще, может быть даже пофлиртует со мной еще немного. Вместо этого он усмехнулся, взглянул на пол, затем опять на меня... и ушел.

Он снова выиграл. Это небольшое движение было гораздо сильнее и оставило больше впечатлений по сравнению с тем, как если бы он на самом деле прижался своими губами к моим. Теперь у меня появилось ощущение предстоящей охоты.

Я едва успела осознать то, что только что произошло, как широко распахнулась дверь, и Кэмми потянула меня в комнату за ремень моих джинсов.

— Расскажи мне все! — потребовала она. В её волосах находились бигуди огромного размера, а лицо было намазано чем-то, сильно пахнущим лимоном.

— Здесь нечего рассказывать, — загадочно сказала я, почти мечтательно.

— Я позволю тебе оставить себе свитер, который одолжила сегодня.

Обдумав это предложение, я кивнула.

— Он отвез меня в «Jaxson's ice cream»... — начала я.

Настоящее

Мне нужно прекратить мечтать. Я трачу слишком много времени, думая о прошлом и вспоминая, как мы познакомились. Внезапно я осознаю, что сижу за своим рабочим столом и рассеянно смотрю на документ, который мне необходимо было набрать на компьютере, и что в таком состоянии я нахожусь уже несколько часов. Я принесла с собой на работу пончики, и один из юристов фирмы копался в коробке, пачкая рукава в сахарной пудре. Сделав свой выбор, он уселся на край стола, опрокинув мой стакан с ручками. Меня передергивает, но я продолжаю держать руки на коленях.

— Ну, как обстоят дела с юридической школой? — он игнорирует беспорядок, который создал, и откусывает пончик. Я представляю стопку листовок с информацией о юридических школах, лежащую у меня на комод, и вздыхаю. Сегодня. Сегодня я сделаю это.

— Прекрасно, спасибо, мистер Гоулд. — Я не могу так больше, поэтому собираю ручки и ставлю их в стакан.

— Ты знаешь, Оливия, что девушка с твоей внешностью может добиться многого в этом мире, если правильно разыграет свои карты.

Он жует с открытым ртом.

— Ну, я надеялась, что мой талант и огромное трудолюбие помогут мне добиться многого, мистер Гоулд, а не моя внешность.

Он смеется надо мной. Я представляю, как втыкаю ему ручку в шею. Кровь. Придется потом смывать много крови. Пожалуй, я лучше не стану этого делать.

— Если когда-нибудь захочешь преуспеть в этой области, милая, дай мне знать. Я смогу объяснить тебе, как добраться до вершины. — Он улыбается мне, подмигивает, и это меня убивает. Я не ненавижу этого блеющего козла с измазанными в сахарной пудре губами.

— Объяснить мне? — спрашиваю я с ложным энтузиазмом. Мистер Гоулд ковыряется зубочисткой в зубах и указывает взглядом мне на свое обручальное кольцо, которое, как он любит забывать, должно символизировать верность.

— Стоит ли мне объяснять это тебе?

— Нет, — скучно вздыхаю я, — но ты должен будешь объяснить это другим, когда я расскажу им, что ты меня сексуально домогаешься. — Я достаю пилочку для ногтей из выдвижного ящика своего стола и начинаю заниматься ногтем большого пальца. Когда я смотрю на него, его выражение лица переходит из привычного помидорно-красного в уродско-мрачное и чертовски испуганное.

— Мне очень жаль, что ты расцениваешь мою заботу о своем будущем как сексуальное домогательство, — произнес он, быстро слезая с моего стола.

Я оценивающе смотрю на него, начиная с его костлявых плеч, которые сильно выделяются под его костюмом от Армани словно два теннисных мячика, и заканчивая его, к сожалению, маленькими ступнями.

— Как насчет того, что мы общаемся с тобой только на темы, касающиеся работы, и ты приберегаешь свою заботу для жены - Мэри, её вроде бы так зовут, да? — Он отворачивается, расправляя плечи. Ненавижу мужчин...ну, большинство из них.

Мой интерком^[13] потрескивает.

— Оливия, ты не могла бы зайти ко мне на секундочку? — Это Берни.

Бернадетт Веспа Сингер - моя начальница, и она любит меня. При её росте в пять футов у неё очень толстые лодыжки, кажущиеся продолжением икр, вечно смазанная персиковая помада и жесткие черные волосы, которые похожи на шерсть пуделя. Она - гений своего дела и чертовски хороший юрист. С девяносто пятипроцентной уверенностью она может дать фору любому мужчине. Берни - мой кумир.

— Мистер Гоулд предложил мне помощь в моем продвижении по карьерной лестнице, — спокойно произнесла я, входя в её кабинет.

— Вот ублюдок! — она ударяет по столу так сильно, что стоящая на нем игрушка, качающаяся головой, приходит в действие.

— Ты хочешь выдвинуть обвинение, Оливия? Вот он чертов петушиный ублюдок. Думаю, он спит с судьей Уолтерс.

Я качаю головой, как бы говоря «нет», и сажусь на стул, стоящий перед её столом.

— Ты - моя крошка-помощница, жестокая и амбициозная, словно черт.

Я улыбнулась. Именно это она сказала, когда наняла меня. Я взялась за работу, зная, что Берни немного сумасшедшая, но это не важно, ведь она всегда выигрывает свои дела.

— Как идут дела с тем товарищем, о котором ты мне рассказывала? — спрашивает Берни. Она чешет свой нос кончиком ручки, который оставляет следы на её лице.

Я краснею так отчаянно, что это похоже на признание вины.

— Ты знаешь, что в конце концов он обо всем узнает, — говорит она, еще сильнее сузив и без того свои глаза-бусинки на меня. — Не делай ничего глупого, а то у тебя на руках может появиться еще один чертовский судебный процесс.

Я кусаю себя внутри за щеку.

Не знаю, почему я рассказала ей об этом. Теперь, когда она смотрит на меня своими изучающими глазами, я начинаю жалеть о том, что все ей рассказала.

— Знаю, — я делаю вид, будто вожусь с пуговицами на блузке. — Мы можем сейчас не говорить об этом?

— Что такое с этим парнем? — игнорирует она меня. — Он хорошо обеспечен? Я никогда не могла понять, почему милые девушки вроде тебя бегают за мужчинами. Тебе следует приобрести вибратор. Ты никогда не должна возвращаться к прошлому. Давай, я напишу тебе название подходящего для тебя, — она набросала что-то на желтом стике и вручила его мне.

— Спасибо, — я взглянула на стену повыше её головы и взяла бумажку.

— Всегда пожалуйста. Увидимся позже, детка. — Она помахала мне из офиса своими полными, испачканными в чернилах пальцами.

Я пригласила Калеба к себе на ужин. Та же самая собака, те же самые уловки. Наше свидание в кофе внезапно закончилось, когда прыщавый парень из-за прилавка перевернул табличку на двери на «Закрыто» и погасил свет. Мы с сожалением вылезли из-за стола и вышли наружу.

— Могу я увидеться с тобой снова? — Он стоял прямо возле уличного фонаря, который создавал свечение вокруг его плеч.

— Что ты сделаешь, если я скажу «нет»?

— Не говори «нет».

Это был один из тех моментов, когда я заигрывала со своей совестью и делала вид, будто собираюсь делать правильные вещи.

— Приходи ко мне на ужин, — ляпнула я. — Я, конечно, не очень хороша в готовке, но,

эй...

Сначала он выглядел удивленным, но затем улыбнулся.

— С удовольствием.

И вот так это случилось.

Плохо. Плохо. Плохо.

Прежде чем уйти с работы, я звоню по номеру, который был указан в нижней части постера с информацией о розыске Добсона Орчарда. Детектив записал мою фамилию, номер телефона и поблагодарил за информацию. Он обещал позвонить, если что-нибудь изменится. Затем я звоню в свою любимый тайский ресторанчик и заказываю огромный поднос красных овощей карри на вывоз.

Пиклз поджидает меня за дверью, когда я добираюсь до дома. Бросив пакеты на стол, я залезаю в холодильник и достаю «Кока-колу».

— Ты такой жалкий, Пиклз, — говорю я, присоединяя поводок к его ошейнику. — Ты же знаешь, у меня сегодня нет на это времени.

Наша «быстрая» прогулка занимает около двадцати минут, а все благодаря тому, что Пиклз меня не слушается и отказывается писать по команде. К тому моменту, как мы возвращаемся домой, у меня остается около получаса до прихода Калеба. Я перекладываю заказанные овощи карри из упаковки в кастрюлю, которую запикиваю в духовку, чтобы овощи дольше оставались теплыми. Начищаю два бокала под вино, а затем беру все ингредиенты, чтобы сделать салат, и раскладываю их в алфавитном порядке на рабочей поверхности.

Калев приходит на пять минут раньше.

— Это тебе, — говорит он, протягивая мне бутылку вина и горшочек с небольшой гардений. На ней распустился один белый цветок, и я останавливаюсь, чтобы понюхать его.

— Это мои любимые цветы, — говорю я, слегка удивленно.

— Правда? Думаю, мне повезло.

Я хриплю. Если бы он только знал.

Я отвлекаюсь, пытаюсь успокоить Пиклз, пока он истерично бросается на ногу Калеба. Когда Калев наклоняется, чтобы погладить его по голове, мопс визжит и убегает прочь.

— Это что-то вроде «он может трогать тебя, но ты не можешь трогать его» — поясняю я.

— Он дразнится точно также, как и его хозяйка.

— Ты не достаточно хорошо знаешь его хозяйку, чтобы делать такие выводы, — улыбнулась я.

— Полагаю, ты права.

Он начинает осматривать мою гостиную, и я начинаю чувствовать себя неловко. У меня небольшой домик, перенасыщенный фиолетовым цветом. Конечно, он бывал здесь прежде, но не помнит этого. Я собираюсь объяснить ему, почему у меня нет более изысканных вещей, когда его глаза загораются.

— Раньше у тебя были длинные волосы, — говорит он, неторопливо рассматривая подборку фотографий на стене. Я поднимаю руку и перебираю пряди, оставшиеся от моих когда-то длинных локонов.

— Да, в университете. Я нуждалась в переменах, и поэтому отстригла около двенадцати дюймов. — Я прочистила горло и ушла на кухню.

— Я немного поздно начала готовить ужин, — сказала, беря нож и делая паузу, чтобы

понаблюдать за ним. Он переходит от одной безделушки к другой, внимательно осматривая все. Я наблюдаю за тем, как он берет керамическую сову с моей книжной полки. Он переворачивает её и проверяет основание, а затем аккуратно ставит её на место. Именно он купил мне эту сову.

— Я бы устроила тебе экскурсию по дому, — говорю я ему, — но ты можешь увидеть его весь с того места, где стоишь.

— Он милый, — улыбается Калеб. — Девчачий. Определенно подходящий тебе.

Я приподнимаю брови. Честно, не знаю, что значат его слова. Он не знает меня...он знал, но сейчас не знает. Я запуталась, и теперь злобно нарезаю лук.

Четыре года назад Калеб помогал мне заселяться. Мы вместе красили мою гостиную в желто-коричневый и спальню в фиолетовый. Зная о моем стремлении к совершенству, он вытер свой валик над моей кроватью, чтобы досадить мне. Оставил на потолке фиолетовое пятно, я была в ярости.

— Теперь ты будешь думать обо мне каждую ночь, прежде чем закроешь свои глаза, — сказал он, смеясь над моим уязвленным лицом. Я ненавидела несовершенства, ненавидела недостатки. Пятно на ковре, чайники в чашке чая, все, что делало вещи не такими, какими они должны быть. Никогда не ела чайники. После нашего расставания я была благодарна этому пятну краски. Оно было последним, что я видела, прежде чем ложилась спать и первым, что я видела, когда просыпалась. Я смотрела на этот фиолетовый шрам, словно лицо Калеба было спрятано где-то глубоко внутри него. Калеб был моим несовершенством, с этим слегка американизированным британским акцентом и тем фактом, что он с легкостью мог заниматься любым видом спорта и при этом цитировать любого философа. Он был таким миксом классика и спортсмена, романтика и придурка, и это сводило меня с ума.

— Могу я тебе помочь? — Это звучало как вопрос, но, не дожидаясь ответа, он отталкивает меня в сторону, забирает нож и принимается за грибы. Я останавливаюсь по пути к духовке и наблюдаю, как он занимается овощами.

— Итак... вспомнил ли ты что-нибудь на этой неделе? — я вытаскиваю противень из духовки и ставлю его на плиту.

— Вспомнил.

Мое тело становится твердым, и кровь приливает к голове.

— Я просматривал журнал о путешествиях и наткнулся там на фотографию кемпинга в Джорджии. Не знаю, был ли я там. Все что я знаю так это то, что мог всего лишь представлять это в своей голове, но я почувствовал, что раньше уже видел подобные пейзажи.

Я отвожу взгляд, прежде чем мои глаза заговорят за меня. Он разбивал лагерь там, все верно, вместе со змеей по имени Оливия.

— Тебе следует разбить там лагерь. Возможно, это даст определенный толчок твоим воспоминаниям. — Я понимаю всю глупость сказанного мной только тогда, когда слова слетают с моих уст. Я в команде «амнезия». Его воспоминания положат конец моей глупой игре.

Он приоткрывает рот, чтобы сказать мне что-то, но мой дверной звонок его обрывает. Калеб удивленно смотрит на меня, его рука зависла над болгарским перцем.

— Ты ждешь еще кого-то? — спрашивает он.

— Нет, если ты, конечно, не пригласил свою позабытую анонимную группу. — Я мою руки, уворачиваясь от гриба, который он кидает в мою сторону, указывая головой на дверь.

Тот, кто раньше звонил в дверь, теперь принялся барабанить в неё обеими руками.

Я открыла замок, не потрудившись посмотреть в глазок, и распахнула дверь. Передо мной стоит женщина. Её кулак завис в воздухе.

— Могу я вам чем-то помочь?

Я сразу исключаю «Свидетелей Иеговы», потому что они всегда приходят парами, да и её макияж слишком неявный, чтобы быть менеджером по продажам. Она смотрит на меня со смесью страха и тревоги. Когда я уже собираюсь сказать «нет, спасибо» и закрыть дверь, то замечаю аккуратные следы от слез, стекающих по её щекам. Мы стоим и смотрим друг на друга, а затем я в ужасе все понимаю.

Лия.

— Лия? — Я слышу голос Калеба позади, и меня передергивает. — Что ты здесь делаешь?

— Собираюсь спросить тебя о том же, — её голос дрожит, пока она изучает наши лица.

— Я ужинаю с подругой. Как ты...?

— Я следила за тобой, — произнесла она быстро, — ты не отвечал на мои звонки, и я решила узнать почему. — Она прошептала последнюю часть этой фразы, замуривая глаза, словно отгоняя меня.

— Как ты мог это сделать, Кaleb?

Словно по команде, она опустила голову и начала рыдать, прикрываясь ладонями. Я вижу её шмыгающий нос и отворачиваюсь в отвращении. Я самый ужасный счастливчик в мире.

— Лия, — Кaleb пронесется мимо меня и обнимает её.

Я наблюдаю за происходящим со стороны. Страх сжимает мой живот, словно кулак.

— Давай я отвезу тебя домой, — он оборачивается, произнося губами поспешное «мне очень жаль», пока выходит за дверь. Я смотрю им вслед. Она выглядит по-детски рядом с ним. Он никогда не позволял мне ощущать себя рядом с ним маленькой и хрупкой. Я ударяю в свою закрытую дверь, выкрикивая проклятья. Такое ощущение, будто мне уже не одна тысяча лет.

Следующим вечером я, свернувшись на диване калачиком, готовлюсь провести захватывающую ночь, изучая свои программки из различных юридических школ, когда раздается звонок в дверь.

Я стону, уткнувшись лицом в подушку. Роузбад.

Я открываю дверь, не удосужившись посмотреть в глазок.

Это не Роузбад. Это Кaleb. Я с опаской смотрю на него.

— Так, так, так, — говорю я, — посмотрим, откуда выскочит рыжеволосая девушка.

Он застенчиво улыбается мне, проводя рукой по своим волосам.

— Мне очень жаль, Оливия, думаю, ей приходится тяжелее, чем я предполагал.

— Слушай, я, правда, не хочу вмешиваться в вашу с подружкой драму....

Мои слова, видимо, его поразили, потому что он заморгал так, словно букашка попала ему в глаз.

— Я понимаю это, — говорит он. — Она не против, чтобы у меня были друзья, просто её все это повергло в небольшой шок.

— Она не хочет, чтобы у тебя был такой друг, как я, Кaleb. Если она сказала, что она не против нашей дружбы, то она солгала.

— Друг как ты? — говорит он, улыбаясь. — Ты намекаешь, что ты привлекательна?

Я закатали глаза. Совсем не в тему.

— Хорошо, хорошо, — говорит он, поднимая вверх руки, — но я хочу, чтобы у меня был такой друг, как ты, независимо от того, кто и что думает. Это считается?

Я заставляю его ждать. Притворяюсь, что думаю об этом. Я прикусываю губу и слегка хмурюсь. Затем я отхожу в сторону, позволяя ему войти в дом. Он выглядит чертовски самодовольным.

Мы решаем, что хотим пирог. Я вытаскиваю миксер и все необходимые ингредиенты, пока Калев мастерит нам шапки поварят из бумажных полотенец. Я поражаюсь тому, что еще несколько недель назад я думала, что никогда его больше не увижу, и вот сейчас он в моей кухне. Мы много смеемся, и когда тесто готово для того, чтобы уже вылить его в специальную форму для запекания, Калев портит все настроение.

— Лия делает лучший красный бархатный торт^[14].

Я вливаюсь в него взглядом, потому что не хочу сейчас думать о его подруге-неженке и потому, что я никогда не ела красный бархатный торт. Когда он продолжает говорить об этом, я беру немного слегка жидкого теста и бросаю ему в лицо.

Конечно же, я промахиваюсь, и оно приземляется прямо на стенку позади его головы. Калев поворачивается, чтобы взглянуть на это.

— Ты знаешь, — говорит он на удивление спокойно, — тебе правда стоит поработать над своей меткостью.

И прежде чем я успеваю понять, что происходит, он переворачивает миску вверх дном и одевает мне её на голову.

Коричневое тесто растекается по всему полу, и выглядит это так смешно, что я еле удерживаюсь на ногах. Я тянусь к столешнице, чтобы удержаться, как понимаю, что мои ноги выскальзывают из-под меня. Калев протягивает руку, чтобы удержать меня, и вместо того, чтобы принять его помощь, я пытаюсь измазать его тестом. Я размазываю его прямо по лицу Калеба. Он вскрикивает, и в считанные секунды моя крошечная кухня превращается в поле боя. Мы кидаемся яйцами, маслом и мукой, а когда они заканчиваются, в ход идут шоколадные чипсы, которые мы горстями запускаем друг в друга. В какой-то момент я набрасываюсь на него, и мы вместе соскальзываем на пол. Мы так сильно смеемся, что из моих испачканных в тесте глаз начинают течь слезы. Я склоняюсь над ним, пока он лежит, распластавшись на спине. Его нос измазан яйцами, и в обеих его бровях застряла мука. Мне сложно представить, на кого похожа в этот момент я. Внезапно смех прекращается, поскольку мы понимаем всю неловкость нашей ситуации. Мы могли бы сейчас целоваться. Прямо как в кино.

Я зависаю над ним на несколько секунд, чтобы увидеть, сделает ли он первый шаг. Его глаза несомненно устремлены на мой рот, и я затаила дыхание в ожидании. Мое сердце прижато прямо к его грудной клетке, и мне интересно, может ли он почувствовать, как быстро оно бьется.

— Оливия, — шепчет он.

Я сглатываю.

— Мы все еще можем испечь пирог.

Выпечка? Я оглядываюсь по сторонам и издаю стон. Ну как он может думать сейчас о выпечке?

Два часа спустя мы сидим на полу моего небольшого балкона, все еще запачканного тестом, и едим пирог, приготовленный Калевом. Я вытаскиваю комочек засохшего теста из

волос и перекидываю его через перила, в то время как Калеб оттирает пятно с моей ладони.

— Любимая книга? — спрашивает он.

— «Мадам Бовари».

Он хихикает.

— Любимое времяпрепровождение?

— Депрессия.

— Любимое времяпрепровождение? — спрашивает он снова. Мы играем в эту игру уже на протяжении часа. Эта игра довольно односторонняя, так как он не помнит своих любимцев.

Я чешу подбородок. — Поедание пищи.

— Любимое воспоминание?

Тут я выдерживаю паузу. Все мои любимые воспоминания связаны с ним.

— Был такой....парень...который распланировал супер необычное свидание. Он устроил мне охоту за подсказками, которые должны мне были сообщить, где должно было пройти наше свидание и где можно купить бюстгальтер. Каждый раз, когда я добиралась до очередного места с подсказкой, меня там поджидал подарок и указание на следующее место с подсказкой. Закончилось все тем, что я добралась до места, где у нас был наш первый поцелуй. Он установил там стол, который был накрыт для ужина, и позаботился о музыке. Мы танцевали. Это было... — Я не знала, как закончить предложение.

Калеб притих. Когда я повернулась, чтобы посмотреть на него, его взгляд был устремлен в небо.

— Как его звали?

Я покачала головой.

— Ни за что.

— Но почему? Не разрушай мой мир - скажи мне...

— Звезды выглядят такими серебристыми сегодня, — говорю я, меняя тему. — Может быть, скоро ты вспомнишь своих фаворитов, — тихо говорю я. Он пожимает плечами.

— Или просто у меня появятся новые любимцы. Начнем с тебя. — Его слова должны были обрадовать меня, вместо этого они напоминают мне о том, что наши отношения похожи на бомбу замедленного действия.

— Я могу стать твоей самой любимой среди девушек?

— Уже стала, Герцогиня.

У меня мутнеет в глазах, и сердце делает легкий скачок. Неужели мне это показалось?

— Как ты только что назвал меня?

Калеб выглядит смущенным.

— Герцогиней, но только не спрашивай меня почему, просто это первое, что пришло мне в голову. Прости.

Я смотрю прямо перед собой в надежде, что он не видит выражение ужаса на моем лице.

— Не извиняйся, все в порядке, — мягко говорю я. Но это не так. Герцогиней меня все называли в колледже.

— Я лучше пойду, — говорит он, быстро вставая.

Мне хочется спросить, вспомнил ли он еще что-то, но я слишком испугана.

Я провожаю его до двери, и он нагибается, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Пока, — говорю я.

— Пока. — И затем он уходит в ночной воздух, оставляя меня одну.

Он все вспомнит и причем скоро! Я должна придумать, как мне выкроить еще немного времени.

Герцогиня подумала о том, чтобы напиться, но вместо этого позвонила Кэмми.

— Ну, сейчас самое время! — слышится вдалеке её голос.

— Прости, Кэм, я была занята.

— Занята чем? Я думала, ты прекратила есть чипсы.

Мой хруст прекратился. Я удерживаю половину съеденного «Dorito» за щекой и ничего не говорю.

— Ты что-то задумала, — говорит Кэмми спустя минуту. — Рассказывай, давай, мне что именно...

— Хммм....ээммм... — бормочу я. Мне ничего не удастся скрыть от этой девушки. У неё установлен радар на сплетни.

— Я видела Калеба, Кэмми, — ляпнула я, нервно кусая ногти.

На том конце провода повисла тишина. Она знает, что я не способна шутить такими вещами.

— У него амнезия, и он совсем не помнит, кто я.

Я слышала, как она вздохнула.

— Оливия.. скажи мне, что ты не...

— Я это сделала.

— ТЫ В СВОЕМ УМЕ? — Я убираю телефон подальше от своего уха.

— Кэмми, когда я увидела его, то с новой силой почувствовала все то, что испытывала, когда мы были вместе. У меня было такое ощущение, что все продолжается. Словно последних трех и вовсе не было.

— У тебя есть право любить его, но ты не можешь это контролировать. Ты не имеешь права на то, чтобы обманывать его....СНОВА! — И откуда только взялся этот маленький монстр?

— Ты мне нравилась больше, когда была первокурсницей.

— Да, хорошо, некоторые из нас растут, Оливия, а некоторые всегда играют в одни и те же скучные игры. Ты никогда не задумывалась о том, что возможно вы не вместе потому, что так не должно быть? Отпусти его!

— Не могу, — с нежностью говорю я. На этот раз голос Кэмми более нежный.

— Оливия, ты можешь заполучить любого мужчину, какого только захочешь. Ну почему он? Почему это всегда Калеб?

— Потому что....потому что я не нуждалась ни в ком, пока не встретила его.

— Ты знаешь, что рано или поздно он узнает.

— Мне пора, — говорю я. Не хочу думать об этом. Слезы начинают медленно катиться из моих глаз.

— Я люблю тебя, Оливия. Будь осторожна. — Я вешаю трубку, чувствуя невыносимую тяжесть в животе. Он забыл меня. Я могу постараться заставить его вспомнить не то, что я сделала по отношению к нему, а то, что он чувствовал ко мне.

Я иду к своему шкафу, добираюсь до верхней полки и достаю пыльную коробку. Положив её на ковер, я осторожно снимаю крышку и начинаю рассматривать содержимое. Тут есть несколько конвертов с письмами, несколько фотографий и небольшая деревянная шкатулка, на крышке которой изображен цветок. Я беру шкатулку и открываю её, запуская

руку в кучу воспоминаний, где есть место брелку, CD-дискам и потертой книге матчей. Моя рука все еще внутри, когда я вижу самое важное воспоминание. Я наклоняю шкатулку, пока все находящееся внутри не сдвигается на одну сторону, и мне не удастся увидеть на дне сияющий овальный пенни.

— Ты, — осуждающе говорю я, вытаскивая и прокатывая его между пальцами. — Это все твоя вина.

Прошлое

— Я не полезу в бассейн! Вода в нем ужасно холодная!

— Во Флориде сейчас ноябрь, Оливия. Семьдесят градусов^[15]. К тому же, этот бассейн с подогревом. Ну, давай же. — Калевб разбежался в своих боксерах и нырнул в бирюзовую воду кампусного бассейна. Я пыталась не смотреть на его мышцы.

— Ты не сможешь затащить меня в бассейн, делая свои женоненавистнические комментарии, — сказала я, наклоняясь, чтобы плеснуть немного воды ему в лицо. Он схватил меня за запястье прежде, чем я успела отойти.

Наши глаза встретились.

— Не надо, — предупредила я. Даже на секунду я не подумала о том, что он решиться сделать это. Но следующее, что я поняла - я падала вниз головой в ледяную воду.

Хватая ртом воздух, я выплыла на поверхность. Мои волосы облепили лицо. Калевб убрал их, смеясь.

— Не могу поверить, что ты сделал это! — задыхалась я, пихая его в грудь. У меня было такое ощущение, будто я толкала раскаленные камни.

— Ты прекрасно выглядишь, когда мокрая, — сказал он. — Думаю, тебе будет легче плавать, если ты снимешь хотя бы часть своей одежды.

Бросив на него пронзительный взгляд, а начала быстро плыть к бортику бассейна.

— Оу, а ты не хочешь веселиться, как я посмотрю. — Его голос лучился, когда он произносил это, но нотка вызова все-таки присутствовала в нем.

— А, к черту все, — пробормотала я, останавливаясь на расстоянии фута от лестницы. Я была из тех девушек, которые «прыгали с моста» назло друзьям.

В любом случае, на мне было хорошее нижнее белье. Я нырнула и плыла под водой, извиваясь словно змея. Вынырнула из воды я лишь несколько секунд спустя, одетая в майку.

Калевб бессознательно произнес: «Вау».

— Для твоего веселья, — выпалила я, снимая свою мокрую одежду и бросая её ему прямо в голову. Он прятался и кружился вокруг того места, где стояла я, барахтаясь в воде.

— Милый шнурочек, — ухмыльнулся он, гуляя по мне взглядом.

— Неужели ты не можешь глазеть на меня не так открыто? — Я почувствовала себя оскорбленной и начала погружаться в воду до тех пор, пока на поверхности не осталась одна лишь голова.

— Я думал, что наши отношения строятся на честности, — улыбнулся он.

— Пфффф. Наши «отношения», — хихикнула я, — базируются на «а тебе слабо» и шантаже.

Его глаза сверкали. Черт, у него были такие выразительные глаза. Мне хотелось погасить эти огоньки в его глазах и пнуть в самое болезненное место.

— Шантаж - слишком грубое слово, — произнес он, подплывая ближе.

— Ты грозился сообщить в университетскую газету о том, что я была причиной твоего промаха, Дрэйк. — Сейчас он был уже слишком близко ко мне. Я начала отступать назад. В уголке его правого глаза был шрам, который я никогда не замечала раньше. Он всего лишь напоминал полумесяц, но почему-то казался опасным, точнее сексуально опасным. Я покачала головой. Эти мысли были не моими...они принадлежали Кэмми, черт бы её побрал.

— Откуда у тебя этот шрам? — спросила я, передвигаясь на носочках по дну бассейна, пытаюсь отойти от него. Он рассеяно коснулся пальцем шрама.

— Я украл купюру из бумажника своего деда достоинством в один фунт стерлингов, и, когда он поймал меня, то решил наказать своей тростью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я почувствовала приближение одного из тех моментов а-ля «так вот почему он такой испорченный» и приготовилась к тому, чтобы попытаться понять его.

— Правда?

— Нет.

Я почувствовала, что краснею, и ударила его по руке так сильно, как только могла.

— Я упал с велосипеда, когда мне было двенадцать, — засмеялся он, протирая то место, куда пришелся мой удар. — Очень скучная история.

— По крайней мере, это правда, — произнесла я, уже начиная сердиться. — Таким как ты не обязательно врать, чтобы казаться интересными.

— Таким как я? — спросил он. — Ты находишь меня интересным, Ливви?

— Нет, не считаю, и не называй меня Ливви. Ты знаешь, что на самом деле ты очень простой и скучный, — сказала я, принимаясь.

Он перевел взгляд с меня, устремив его прямо на воду.

— Ты потеряла часть своего украшения?

— Что? — Его внимание переключилось так неожиданно, что я почувствовала себя оскорбленной.

— Там на дне бассейна что-то есть. — Он указал на место между нашими ногами. Я сузила глаза, чтобы увидеть то, на что он смотрел.

— Я не ношу никаких украшений, — нетерпеливо говорю я, — наверное, это просто пенни или нечто подобное.

Я подтолкнула эту штуку пальцем ноги. Это было что-то более крупное, чем просто пенни. Прежде чем Калеб успел сказать что-то еще, я быстро погрузилась с головой под воду и взяла эту вещь. Когда моя голова вновь появилась над водой, Калеб автоматически придвинулся ближе ко мне.

— Что это? — он не сводил глаз с моего сжатого кулака.

— Давай посмотрим, — театрально произнесла я, медленно разжимая пальцы. Это были не драгоценности. Это был старый сплюснутый пенни, на котором красовалась гравировка, сообщающая владельцу о том, что у него есть право на один поцелуй.

Прежде, чем я поняла, что сделала, я бросила сувенир ему в ладонь.

— Ты полон уловок сегодня, не так ли?

Он смеялся... всегда смеялся. — Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Прежде чем я успела ответить что-либо умное, Калеб протянул руку и обхватил меня вокруг талии. Даже в холодной воде его прикосновения ощущались поистине горячими. Он притянул меня к себе, и наши тела оказались прижатыми друг к другу: грудь к груди, живот к животу. Я была настолько потрясена, что сначала даже не возражала. Я не была так близко к другому человеку с тех самых пор, как была еще ребенком. Он усмехнулся, его глаза заволокло дымкой, в которой читалось желание. Я прекратила сопротивляться и позволила своим губам встретиться с его. *Все это ради Кэмми*, сказала я себе. Не было ничего «милого и приятного» с этим парнем. Его язык гулял вдоль внутренней поверхности моей нижней губы. Сначала он был нежен, пытаюсь склонить мои упрямые губы к сотрудничеству. Я

отвечала единственной вещью, которую знала: холодным безразличием. Кaleb, не боясь отсутствия энтузиазма с моей стороны, отстранился. Его руки все еще обнимали меня за талию, его пальцы располагались чуть выше линии моих трусиков. Наши лбы соприкасались. Мое дыхание сбилось, словно при удушье. Это было...смущающе.

— Поцелуй меня в ответ, Оливия. — Его голос был властным, и на секунду во мне вновь вспыхнуло тоже чувство неповиновения, которое я испытала, когда он приказал мне пристегнуть мой ремень безопасности. Я с трудом сглотнула и закрыла глаза. Я не выиграла тот бой. Возможно, я не выиграю и этот. Я не могу и не хочу его выигрывать.

Я могла бы это сделать. Целоваться проще простого, как есть или ходить. Его губы вновь приблизились к моим, и я наклонила голову в его сторону, как это обычно делают в кино. На этот раз я была готова. Я хотела этого. Я подпрыгнула, когда мы соединились и его губы, которые были прижаты к моим, вытянулись в удивленной улыбке. Он засмеялся в мой рот. Это приводило меня в бешенство, и в то же время было невероятно сексуальным. Я попыталась вырваться, но он притянул меня обратно. Поцелуй. Поцелуй. Поцелуй. Он был с привкусом шоколадного пирога, шипучей страсти и мурашек по коже. Никто никогда не целовал меня так прежде.

Затем он сделал очень странную вещь - он отошел и удерживал меня на расстоянии вытянутой руки. Чары были рассеяны.

— Оливия... — Его голос был грубым. Я покачала головой. Не хочу слышать то, что он собирается мне сказать.

— Мне нужно идти, — быстро произнесла я. Вода, которая до этого была неподвижна, начала колебаться, пока я пыталась выбраться на бортик бассейна. Одним плавным движением я приподнялась на руках и вылезла из воды, после чего оглядела свое дрожащее тело. Я, находясь в одном нижнем белье, нежилась в бассейне с университетским Казановой. Я была шлюхой. Схватив с пола свою мокрую одежду, я тревожно огляделась. Кто-нибудь увидит меня идущей назад и несущей с собой мокрую одежду.

— Оливия, — повторил он. Я не хотела смотреть на него. — Возьми, — он протянул мне свою сухую трикотажную рубашку, которую я с благодарностью приняла и натянула через голову. Он приоткрыл рот.

— Послушай, независимо от того, что ты хочешь сказать, не делай этого!

Он кивнул. Мы вышли через ворота на стоянку. Кaleb взял свое полотенце, которым пользовался в тренажерке, из машины и протянул его мне. Я вытерла лицо и волосы, а затем вернула ему полотенце, глядя под ноги. Мне было слишком стыдно, что я могла произнести хоть слово. Мое поведение было ужасным. Я не хотела производить на него неправильное впечатление. Я сжала зубы и закрыла глаза.

— Спокойной ночи, Кaleb. — Быстро сказала я, словно задыхаясь. Я чувствовала его взгляд на своей спине, когда уходила. Почему он поступил так? Первый раз я позволила себе зайти дальше, и получила тяжелый удар прямо в лицо.

— Завтра он забудет тебя, — прошептала я себе под нос, — и тогда ты сможешь двигаться дальше по жизни, забыв, что чувствовала, когда он тебя целовал.

На следующее утро я проснулась с ощущением, словно проглотила целую горсть гравия. Горло горело, и все мое тело болело. Я закуталась в одеяло, пытаясь позабыть всплывающие картины прошлой ночи. Это были глупые и безрассудные изображения, которые появлялись снова и снова до тех пор, пока мне не захотелось закричать. В моей жизни не было места для ошибок. У меня не было семьи и кучи денег за плечами. У меня был один единственный

шанс добиться чего-то в жизни, и Калеб был тем отвлечением, которое могло разрушить всю мою жизнь.

Он позвонил дважды в течение дня и один раз после ужина. Я поставила телефон на беззвучный и запретила Кэмми отвечать на него. Я оделась для занятий в понедельник утром, все еще зеленая и полная решимости сделать вид, будто ничего не произошло. У нас была социология вместе, и он, вероятно, не понимал, что это была одна из самых больших аудиторий в этом семестре, и я сидела настолько близко к началу комнаты, насколько далеко позади сидел он.

Когда я пришла, аудитория заполнялась довольно быстро. Смутно оглянувшись и плохо соображая, я пошла к дальней левой стороне помещения. Там было пять мест, скрытых под выступом и от этого находящихся в тени. Я хотела спрятаться там. Обычно там сидели парни, любящие подремать на парах, и еще один, который выглядел как смесь Фреда Флинстоун из мультсериала «Флинстоуны» и Унабомбера [\[16\]](#). Сегодня мне повезло. Там была парочка места, которые еще не заняли. Я начала нестись по проходам, плотно прижимая свою сумку сбоку. Я была уже на полпути от цели, когда услышала свое имя, произнесенное профессором с кафедры.

— Мисс Каспен?

Я замерла. Профессор Граббс обращался ко мне через микрофон, и люди начали оборачиваться на своих местах, чтобы посмотреть на меня. Я попыталась идти так, словно не услышала его.

— Мисс Каспен? — снова произнес профессор. — Куда вы идете?

Я медленно повернулась, улыбаясь и обнажая стиснутые зубы. Невыносимое, ужасное...

— Доброе утро, профессор, — приветливо произнесла я.

Все три его подбородка качались под его улыбающимся ртом, словно маятник. Калеб, голова которого еще буквально минуту назад была склонена над учебником, повернулся на стуле и смотрел на меня. Я с тоской оглянулась через плечо и увидела, как два студента заняли кресла, на которые метила я.

— Что-то не так с Вашим обычным местом? — спросил профессор Граббс, указывая рукой на первый ряд. — Это - мое дыхание? — Он подул на руку и сделал вид, что принюхивается. По всему помещению прокатилась волна смеха.

Я взглянула на него и спокойно направилась в переднюю часть аудитории.

Профессор Граббс походил на трехсот футового быка со склонностью к спорам. Студенты были запуганы его громким голосом и внушительным присутствием. Я же находила его привлекательным. Но не сегодня - сегодня я его ненавидела.

— Складывается ощущение, будто Вы прячетесь от кого-то, — он оперся на кафедру, и на секунду мне показалось, что она сломается под его весом.

Мои глаза уставились на Калеба. Он улыбался.

Arrrrrr!

— Скрываюсь от кого-то? — спросила я, когда села. — Зачем мне от кого-то скрываться? И благодарю Вас за то, что Вы не проанализировали каждое мое движение прямо перед всей аудиторией, — шипя, добавила я.

Профессор Граббс лукаво посмотрел на меня, а затем прокашлялся в микрофон.

Он не спускал с меня глаз, когда произносил:

— Есть ли в этой аудитории те, кто подозревают, что Оливия Каспен избегает их?

Калеб поднял руку.

Я опустила голову до тех пор, пока мой подбородок не коснулся моей груди.

— Мистер Дрэйк? — профессор Граббс не скрывал удивления. — Пожалуйста, спуститесь и займите место рядом с Оливией, хочу посмотреть, как она будет изворачиваться.

Я услышала его шаги, затем почувствовала его присутствие рядом, когда он сел на стул. Я опустила голову.

— Вы очень красивый юноша, — сказал профессор Граббс. — Не припомню, чтоб видел Вас так близко прежде.

Я приподняла голову и фыркнула. Профессор Граббс уставился на нас, его глаза перемещались с Калеба на меня с неприкрытым любопытством.

— Во мне проснулась жажда знаний, сэр. Думаю, отныне я всегда буду сидеть так близко.

— Теперь я знаю, что слухи верны, мистер Дрэйк.

— Какие слухи, профессор? — Голос Калеба был веселым и даже слегка поддразнивающим.

— Слухи о том, что Вы полны дерьма. — По аудитории раздался слабый смех. Кaleb неустрашимо улыбнулся, купаясь во внимании.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил он тихо, когда лекция уже началась.

— Да. Я прекрасно себя чувствую. — Я смотрела прямо перед собой, затаив дыхание от запаха его одеколona.

Когда он засунул руку в сумку, его нога задела мою. Я дернулась в сторону, но было слишком поздно: волшебное, окрыляющее чувство уже поселилось в моем животе.

— Прости, — ухмыляясь, сказал он одними губами. Я сердито посмотрела на него и кинула свой учебник с такой силой на стол, что профессор Граббс сделал паузу в своей лекции и посмотрел на меня.

— Понятно, — сказал Кaleb себе под нос. — Если ты будешь делать так каждый раз, когда ты рядом со мной, то окружающие поймут, как сильно ты меня любишь.

Моя челюсть отвисла.

Я старалась слушать лекцию, честно, но к концу пятидесятиминутной половины пары я не могла вспомнить ни единого слова, сказанного профессором. Зато я запомнила запах одеколona Калеба и могла бы вам подробно рассказать о всех движениях, которые он сделал: о постукивании карандашом по учебнику на три счета, о перемещении его ног из-под стола так, что одна из них двигалась вверх-вниз, оперевшись на палец другой, лениво вытянутой ноги. Во время перерыва, я вскочила со своего места, словно пушечное ядро, и понеслась к двери. Он не последовал за мной. Когда же я обернулась, чтобы посмотреть, где он был, то не смогла его увидеть. Моей первой реакцией было облегчение, которое затем сменилось разочарованием. Возможно, он, наконец, получил сообщение и решил держаться подальше от меня.

Позже он подждал меня возле входа в спальный корпус. Я выпрямила спину и потратила несколько секунд, чтобы взять свои эмоции под контроль. Дыши, Оливия, он всего лишь еще один парень, а они все сделаны из одного и того же дерьма. Я остановилась в нескольких футах от того места, где он стоял, ведь если бы я подошла ближе и учуяла запах его одеколona, то потеряла бы решимость. Живописная картина. Мы стояли в свете уличного фонаря, находясь в эмоциональной конфронтации, и ремешки сумок диагонально пересекали наши грудные клетки.

— Кaleb, — сказала я, мой голос был слишком высоким, — я собираюсь быть честной с тобой. — Он кивнул, медленно моргая.

— Я просто не заинтересована.... в том, в чем.... заинтересован ты. Ты нравишься мне, но только как друг. — Я сделала паузу, чтобы посмотреть на выражение его лица, которое было таким же нечитабельным, как и «Война и мир», а затем я бросила последний аргумент, чтобы доказать свою точку зрения. — Просто я не думаю, что мы совместимы.

— Но мне так не кажется. — Он выглядел очень взволнованным, поэтому я перевела взгляд на свои туфли, лишь бы не быть замороженной его глазами.

— Ну, прости меня. Просто мне кажется, что мы находимся на гребнях двух разных волн, — запнулась я.

— Нет, это не то, что я имел в виду. Я знаю, что нравлюсь тебе также сильно, как и ты нравишься мне. Но это твой выбор, да и я джентльмен. Раз уж ты хочешь, чтобы я отступил - хорошо. Прощай, Оливия, — сказал он и ушел прочь.

Я ошеломленно посмотрела ему в след. Неужели я только что сделала это?! Мне захотелось догнать его и сказать, что я только отчасти имела это в виду, и что каждый раз находясь рядом с ним, я чувствую себя опьяненной, и если б он мог, то пусть, пожалуйста, поцелует меня еще раз, чтобы я поняла, что поступаю правильно.

Но, конечно же, я этого не сделала.

Кaleb, будучи верен своему слову, избегал меня следующие пять месяцев. Порой это проявлялось очень ясно. Например, когда мы проходили мимо друг друга по кампусу, он смотрел прямо сквозь меня.

Я не переставала думать о том, что по поводу этой ситуации сказала моя мама.

— Настоящий кусок человеческого мяса, и ты испортишь его, потому что боишься. Ты слишком похожа на своего отца, Оливия.

Я была тормозом отношений. Я ударяла, пинала и выталкивала людей из своей жизни, благодаря чему у них никогда не было шансов причинить мне боль.

Жизнь продолжалась, но теперь она не была такой, как прежде. Что-то изменилось во мне. Я не могла сказать, что именно изменилось, но где-то в глубине моего сознания появилась новая дверь, которая, несмотря на все мои усилия держать её закрытой, постоянно открывалась. Мои мысли текли туда, чтобы блуждать по пустой комнате и поднимать из воспоминаний образы Калеба. Иногда на протяжении нескольких дней мне становилось ужасно грустно, мое настроение раскачивалось, и я испытывала невероятный гнев по отношению к нему, застрявшему в моей голове. Где-то на втором месяце своей эмоциональной пытки, я прекратила бороться. Вероятно, я больше не хотела быть островом. Возможно, настало время открыться и начать экспериментировать с отношениями.

Я стала пользоваться популярностью среди парней практически в одночасье. В список помощников я внесла Кэмми, которая дала мне пару уроков по укладке феном волос и научила меня пользоваться косметикой, и как настоящая подруга познакомила меня с бюстгальтером с эффектом «пуш-ап». Этот новый, гладкий и цепляющий образ, наряду с некоторыми усилиями с моей стороны, сделал меня не такой суровой в глазах окружающих и принес мне сначала одно, затем и второе свидание. Через четыре месяца я уже владела своими собственными термобигудями и собрала вокруг себя небольшую группу ярых поклонников.

Я встречалась с Брайаном, главным достоинством которого был его мозг, с Тоби, который владел «Ламборгини» и водил меня по дорогим ресторанам, и конечно же с

Джимом - поэтом, который был слишком вычурным. Он выкуривал пачку «Мальборо» за день и цитировал Толстого. Джим был моим любимчиком. Все, что он говорил или делал, было настолько смелым, что это заставляло меня трепетать. Была, конечно, одна проблемка: все эти мужчины не могли заполнить «номер Калеба» в моей голове. Он был как зуд, который никогда не проходил. Я вспоминала о нем, когда смотрела на деревья, здания или стояла у кассы в «Таргет», выбирая жевательную резинку. Я думала о нем, когда чистила зубы и когда Кэмми спорила со мной по поводу цвета своих новых туфель (которые, по её мнению были лососевые, а по моим оценкам - коралловые). Спустя пять месяцев, я устала видеть его лицо в своей голове. Кaleb насыщал своим присутствием мое существование, попутно опьяняя меня. Хуже всего было то, что он был повсюду, участвовал во всем и улыбался всем. Я не могла отделаться от него. Я прекратила встречаться с Тоби и Брайаном и держала Джима на заднем плане, потому что он действительно нравился мне как личность. Я забросила свидания (в любом случае - это не мое) и вместо этого профессионально занялась слежкой.

Я была в курсе того, с кем встречается Кaleb благодаря сплетням Кэмми, у которой, как у любого новичка, была куча свободного времени и слишком мало домашних заданий. Я знала, что он встречался с Сюзанной, потому у неё были убийственные ноги, и с Мариной, потому что она любила баскетбол и у неё тоже были убийственные ноги. Я знала, что он взял Эмили в «Disney World» отмечать месяц их отношений, и что Даниэль получила сумочку от «Burberry» на свой двадцать шестой день рождения. Я знала все это, и, тем не менее, так и не могла заставить себя поговорить с ним.

— Ты напоминаешь мне того гнусного карлика из «Властелина Колец», — прокомментировала однажды Кэмми. Я только что закончила расспрашивать её о вечере, проведенном Кalebом в ночном клубе «Passions», где она видела его с очередной блондинкой.

— Он - хоббит.

— Да. Моя прелесть, верно?

Я кинула в неё игрушечной птицей.

В начале марта, когда перелетные птицы расправляют свои крылья для возвращения домой, Кaleb начал встречаться с куклой Барби. Её звали Джессика Александер. Она была студенткой по обмену из Лас-Вегаса, где работала профессиональной танцовщице в шоу Тони Брэкстона. Её ноги были бесконечно длинными, волосы невероятно светлыми, и ходили слухи о том, что ее родители были наследниками состояния Оскара Майера - короля хот-догов. Я перестала есть хот-доги и убедила себя в том, что ему станет с ней также скучно, как и со всеми предыдущими. Блондинки никогда не отличались особой активностью своего серого вещества. Поэтому, это был лишь вопрос времени.

Моя теория рассыпалась в пух и прах, когда вышла университетская газета с февральской историей на обложке. Я нашла Джима, читающего копию этой газеты в кафе, где должна была встретиться с ним за чашечкой латте. Лицо Джессики улыбалось с обложки газеты, заголовок которой гласил: «Красота и книги». Я выхватила газету у него из рук и начала читать статью с искривленным от ревности ртом.

— У неё самый высокий балл по своей специализации? — Мой желудок сжался. — Какая у неё специализация? Что это еще за «Pre-Polka Dots»?

Джим засмеялся, вытаскивая из пачки сигарету и чиркая спичкой одним резким движением.

— Вообще, «Pre-Law». Она одна из ваших, и определенно преуспевает в этом лучше, чем ты.

У меня пересохло во рту.

— Почему я не видела её ни на одной из своих пар? — парировала я, сканируя статью и пытаюсь понять, правда это или нет.

— Возможно, она уже изучила дисциплины, которые ты сейчас проходишь. А может она пропустила их, потому что такая умная. — Я хмыкнула и глотнула своего кофе. Вот теперь она была помехой. Я имею в виду, разве не достаточно того, что в будущем все сосисочные деньги перейдут ней? Она заполучила Калеба и лучший средний балл? Если он собирался встречаться с умной девчонкой, то ею должна быть я. Ею должна быть я!

Он хотел меня, а я оттолкнула его, потому что кровь скромницы бежала по моим венам.

Я решила подружиться с врагом. Проникновение в компанию её подруг было, пожалуй, единственным способом, используя который я могла доставить ей неприятности. Я должна была понравиться ей. Я начала наблюдать за подружками Джессики, которые прилипли к ней, словно зубной протез к челюсти. Они были невероятно дружелюбны, правда, им не хватало правдивой искренности Кэмми. Я называла их «прикузья» («прикидывающиеся друзьями»). Их объединила тяга к покупкам и постоянное упоминание слова «кажется» в каждом предложении. «Так круто, кажется, ходить с вами по магазинам. Кажется, ты так хорошо знаешь мой стиль». «У тебя, кажется, самые лучшие волосы». «Когда Брэд порвал со мной, ты, кажется, была в моей группе поддержки».

Джессика жила всего лишь в нескольких дверях от меня, и я начала улыбаться ей, когда мы встречались в коридоре. Постепенно я перешла на вежливое «привет». Будучи популярной, она отвечала остекленевшими глазами и легкой улыбкой, автоматически появляющейся в уголках её рта. Несколько недель спустя она начала замечать меня и первой махать мне рукой, а однажды она даже сказала мне, что ей понравились мои туфли. Я знала, что красивые девушки склонны замечать других красивых девушек только тогда, когда почувствуют конкуренцию с их стороны. И теперь я немного гордилась тем, что обратила на себя взоры такой королевы красоты, как она. Если она замечала меня, то, возможно, её парень тоже меня заметил.

Наша первая нормальная беседа произошла днем, когда я была в прачечной кампуса. Я только забрала свою чистую одежду из сушилки, когда она пришла с полной корзиной грязного белья. Рассмотрев это как знак судьбы, я затолкала свою аккуратно сложенную одежду в стиральную машинку и завела разговор, который был примерно таким...

— Будь поосторожней с этой машинкой, на прошлой неделе она порвала мою пижаму от «Channel». — Она посмотрела вверх своими большими глазами, её рука зависла над открытым люком стиральной машинки. Конечно же, у меня не было пижамы от «Channel», я даже не знаю, производят ли они вообще пижамы, но если все-таки производят, то у этой девчонки точно она есть.

— Неужели она была новой? С серебряной вышивкой на манжетах? — Бинго. Я кивнула.

— Ужас. Клянусь, кажется, этот универ экономит денежные средства на том, что могло бы обеспечить элементарные удобства.

Я вылили колпачок синего кондиционера в машинку и захлопнула её.

— Ты, кажется, переехала сюда из Лас-Вегаса? — спросила я, когда подошла к автомату с охлаждаемыми напитками и закинула монеты в слот для денег.

Джессика кивнула. — Да, кажется, мне необходимы перемены. Я приехала сюда только на семестр, но затем, когда встретила своего молодого человека, решила остаться.

— Кто твой парень? — Я нажала на кнопку на автомате, и «Кока-Кола» свалилась в специальный отсек. Мне пришлось присесть на корточки, чтобы забрать её.

Её лицо изменилось, когда она произнесла его имя. Я ненавидела её за это.

— Калев Дрейк. Он в баскетбольной команде. Он - очень классный парень, настоящий джентльмен.

Её голос был невероятно раздражительным.

— Неужели? В наше время сложно найти парня, который... — я пыталась подобрать правильные слова, которые она могла бы использовать, — не был бы тупым качком, — улыбнулась я.

Джессика кивнула мне, нахмутив брови. Я почувствовала притяжение, которое напоминало притяжение зубного протеза к челюсти. Она потихоньку принимала меня в свои «прикузья».

— Без всякого преувеличения, я никогда не позволю ему уйти. Я собираюсь выйти замуж за этого парня.

Я ненавидела, когда «без преувеличения» использовали совсем не для «не преувеличенных» вещей. Я открыла «Кока-Колу» и ответила ей приветливой улыбкой.

Только через мой труп...без всякого преувеличения.

* * *

Флорида была влажной. Вечно голубое небо носило небольшие серые тучи, словно аксессуар. Так продолжалось уже на протяжении недели, и мне надоело видеть зонтики по всему кампусу. Я решила взять свой учебник и пойти в помещение, отведенное для отдыха студентов, чтобы подготовиться к парам. Запихнув несколько бутербродов и книги в сумку, я направилась к двери, набросав Кэмми записку, чтоб она захватила мне обед из столовой.

Я спустилась на лифте вниз и пошла на запад в направлении одной из комнат отдыха студентов, расположенных в моем здании. Комната была темная и пропахшая грязными носками, но во многом благодаря этому она почти никогда не была занята, да и мне нравились остатки атмосферы этого места. Я завернула за угол и увидела знакомую светлую голову на фоне окна. Джессика. Я планировала прокричать свое самое радостное «привет», но затем заметила, что она была не в настроении и сидела, обхватив себя руками за плечи. Свои плачущие плечи. Подобная сцена мне была очень хорошо знакома. Я осторожно огляделась вокруг. Блондинки, попавшие в беду, никогда не бывают одни. Рядом, как правило, всегда есть друзья, которые готовы утешить, приласкать, успокоить...

Коридор был пуст. Я сделала шаг и остановилась. Может быть, они расстались. Надежда щекотала мою грудь, и раздраженная я откинула её подальше. Бесполезно забегать вперед.

— Джессика? Ты в порядке? — Я положила руку ей на плечо, и она повернулась посмотреть на меня своими влажными от слез глазами. Куча серых салфеток валялась на подоконнике. Я задалась вопросом, как долго она уже прячется здесь.

— Привет, — ответила она охрипшим голосом.

— Что произошло? Почему ты плачешь?

Она отвернулась к окну, уткнувшись в него носом. Довольно длительное время она молчала, и, шаркая, я начала переминаться с ноги на ногу на случай, если она забыла, что я

была рядом. Я уже собиралась кое-что сказать, когда она начала всхлипывать.

— Я... *хнык*.. думаю,... *икота-хнык*... что я... *вдох-икота*... беременна...

Я позволила новостям проникнуть в мою голову. Она немного смягчила свой плач, и теперь начала легонько посапывать в салфетку. Я оценила свое положение, её положение и его положение. Оно было хреновым у всех.

— Так, хорошо, — вздохнула я, — а ты уже рассказала ему?

— Нет.

— Кто-нибудь еще знает об этом?

Она покачала головой.

— Мои... *всхлип*... родители откажутся.... от меня и.... я боюсь.... *вдох*... потерять его.

— Конечно. — Сочувствующе произнесла я, и часть меня действительно сопереживала ей. Часть настолько незначительная, что в сравнении с ней атом был размером с кулак.

— И что ты собираешься делать? — я схватила грязные салфетки с подоконника и выбросила их в мусорное ведро.

— Я ничего не могу сделать. Я....я договорилась о встрече в субботу, и мне нужно, чтобы кто-нибудь забрал меня, но я не хочу просить друзей, понимаешь? Я все еще новенькая здесь. Не хочу, чтобы они начали смотреть на меня иначе. — Сомневаюсь, что они сделают это. За семестр до приезда Джессики, две девчонки из её самых близких «прикузей», по слухам, подвергались подобной процедуре.

— Почему ты не скажешь об этом Калебу? Он должен понять. Я имею ввиду, что он ведь тоже наполовину причастен к этому.

— Нееееет, — она схватила меня за руку и посмотрела на меня своими большими глазами. — Я сказала ему, что принимаю противозачаточные... и я действительно хотела начать принимать их снова, но была так занята учебой и им..... Я никогда и не думала о том, что это произойдет. Я всегда была осторожна в таких вопросах. У меня нет никого, кому я могла бы довериться.

Тогда она сама потянулась ко мне: руками обхватила меня за шею, положив свою голову мне на плечо. Я поняла, что она обнимает меня, ища некое утешение. Я похлопала её по спине и вышла из объятий.

— Я заберу тебя.

— Правда? — она вытерла слезы, оставляя на щеках следы черной туши. — Ты, правда, сделала бы это?

— Конечно. Тебе не придется привлекать друзей, да и Кaleb никогда не узнает об этом.

— Тогда в субботу в семь часов, — ответила она, схватив меня в такие отчаянные объятия, что я даже слегка вздрогнула. — Спасибо тебе большое, Оливия.

Вот это был сюрприз. После того разговора, который состоялся в прачечной, она ни разу не спросила, как меня зовут, даже после того, как я спросила её имя. Популярные девушки считают, что все знают, кто они такие. Это и ежу понятно! Джессика Александер. Разве ты не читаешь университетскую газету? У Джессики же не было причин спрашивать мое имя.

— Не припомню, чтоб говорила тебе, как меня зовут, — улыбнулась я ей.

— Все знают, как тебя зовут. Ты - та девушка, из-за которой Кaleb промахнулся, верно? — Я испытала невероятный шок вплоть до окрашенных красным лаком ногтей пальцев ног. Как я могла забыть 15 минут славы? Минуты, подкосившие мою репутацию? Я отшатнулась, испытав чувство неловкости. Это было темное, очень темное время моей жизни.

— Не переживай, он рассказал мне о твоих...пристрастиях... — слово «пристрастия» сорвалось с её языка словно было палочкой-выручалочкой. Оно упало между нами, выкрикивая ужасное для меня продолжение... — о том, что ты лесбиянка, — произнесла она, улыбаясь, — ведь любая девушка, оттолкнувшая Калеба либо лесбиянка, либо сумасшедшая. Увидимся в субботу.

Вот черт.

Оцепенелая, я пошла обратно в свою комнату, рассматривая два варианта.

Первый. Кaleb решил, что единственная причина, по которой я могла оттолкнуть его, заключалась в том, что я была лесбиянкой. Второй. Кaleb говорил всем, что я лесбиянка, чтобы отомстить мне за то, что я унизила его отказом. В любом случае, я заполню воздух своей гетеросексуальностью, чтобы уничтожить эти сплетни.

Прошлое

Я везла мрачную Джессику в клинику субботним утром, как это и было запланировано. День был скучный, и она смотрела в окно большую часть поездки, делая случайные комментарии о магазинах, которые мы проезжали, и ресторане, в который её водил на свидание Калеб. Мне было интересно, способна ли она говорить о чем-либо, кроме Калеба, когда она указала на рекламный щит «Calvin Klein» и сказала, что Калеб гораздо горячее, чем парень, рекламирующий нижнее белье. Я представила его в боксерах, вылезающего из бассейна, и испытала легкое головокружение. Он был именно таким. Грязным, отвратительным подонком.

Клиника была роскошной, определенно не из тех теневых мест, которые расположены на окраине города и известны во многом благодаря интернету. Вот так выглядит место, куда приходят богатенькие девочки, чтобы стереть следы своей неосмотрительности...В стиле Бока-Ратон^[17].

Зал ожидания был набит малогабаритной мебелью и репродукциями картин. Я уселась за столик в самом дальнем углу и смотрела на кашпо из макраме, пока Джессика разговаривала с регистратором. После этого она села рядом со мной, чтобы заполнить кучу различных форм. Скрип ручки по бумаге был единственным звуком, раздававшимся в комнате. Прежде чем уйти вслед за медсестрой, она посмотрела на меня своими глазами-блюдцами и сказала...

— Думаешь, я поступаю правильно?

Мои брови подернулись. Я была всего лишь водителем. Я не хотела быть её совестью. Если я скажу ей «нет», то мы сразу же уберемся отсюда, ведь она ищет причину уйти, поэтому я сказала «да»... отлично... это сделало меня сообщником.

Я подумала о Калебе. Он поступит правильно и женится на ней, если она сохранит ребенка. Они, вероятно, разведутся в течение пяти лет. Распавшаяся семья, разбитые сердца...и я без него. Я с трудом сглотнула.

— Безусловно, да, — сказала я, кивая.

Она улыбнулась и схватила меня за руку.

— Спасибо тебе, Оливия, — сказала она, сжимая руку. Я мягко размяла свои пальцы и спрятала руку под сумочку.

Омойбог, омойбог, омойбог!

Она встала, чтобы уйти, а мне захотелось схватить её за руку и побежать в сторону машины. Что я здесь делаю? Я могла заставить её передумать! Она сделала шаг, второй... Момент для проявления доброты был упущен. Совесть больше не проявлялась. Медсестра провела Джессику через двойные двери, после чего она пропала из виду. Я почувствовала, как вся кровь в моих венах превратилась в уксус. Что я наделала? Ради чего? Ради него? Неужели я использую эту информацию, чтобы получить то, чего хотела? Я раскачивалась взад-вперед, обхватив живот руками.

— С Вами все в порядке? — спросила девушка, занимавшаяся регистрацией посетителей, вглядываясь сквозь матовое стекло, позади которого сидела.

— Кажется, я что-то не то съела, — сказала я. Она понимающе кивнула и указала в направлении ванной комнаты. Я спряталась в кабинке, прижавшись спиной к двери, минут

на 30, пытаюсь убедить свою оскорбленную совесть, что это был её выбор, и я к этому не имею никакого отношения. Когда прошло довольно много времени, я вернулась в зал ожидания и села на свое прежнее место.

Я пролистала парочку журналов, периодически отвлекаясь на свои ногти. Пока я себя пытала изнутри, в зале появилась еще одна молодая девушка. На вид ей было лет шестнадцать, и она пришла в сопровождении своей мамы, которая прятала глаза за парой темных очков. Пока мать спешила к окну регистрации, её дочь плюхнулась в кресло и начала набирать сообщение на телефоне. Её пальцы двигались так быстро, словно порхали над клавиатурой. Я отвела взгляд в сторону. Моя мама не позволила бы мне сделать это. Я вспомнила её слова: «Будь я проклята, если я моя дочь начнет убегать от ответственности. Стоит сделать это однажды, и это будет повторяться на протяжении всей твоей жизни». Я очень скучала по маме. Возможно, если б она все еще была жива, я бы не прогнала так сильно.

Медсестра подошла ко мне час спустя, наклоняясь, чтобы сказать мне что-то шепотом, который, как казалось, в этой больнице использовали все. Возможно, если мы будем разговаривать тихо, то сможем не привлекать внимание к тому, что здесь действительно происходит.

— Джессика готова. Вы можете пригнать свой автомобиль к заднему выходу, чтобы забрать её.

Я вздрогнула. Они избавлялись от неё через заднюю дверь. Подло, словно она была мусором. Я выскочила на улицу и запрыгнула в свою машину, радуясь тому, что вскоре покину это место. Медсестра стояла позади кресла-каталки, в котором сидела Джессика, положив руки ей на плечи. Джессика была бледна и походила на очищенный картофель. Она улыбнулась, когда я подъехала - своего рода улыбкой-облегчением - от которой мне стало не по себе. Я выскочила из машины и поспешила открыть переднюю пассажирскую дверцу.

— Ей нельзя поднимать тяжести и делать какие-либо физические упражнения в течение ближайших двух недель, — проинформировала меня медсестра. Я кивнула.

— Ты в порядке? — спросила я ее, когда она соскользнула с кресла на переднее сидение моей машины.

Она слегка кивнула.

Я уезжала с парковки, испытывая чувство тревоги, ноющее в моем животе.

Я сделала то, что запланировала, и теперь мне необходимо держать Джессику настолько далеко от себя, насколько это возможно. Она заставляла меня испытывать чувство вины, а такую роскошь я не могла себе позволить, особенно сейчас, когда я пыталась украсть Калеба.

Я включила радио, когда мы выехали на шоссе. Джессика опять провела большую часть пути, уставившись в окно. Часть меня хотела спросить, что она чувствует: грусть или облегчение. Но та часть меня, которая хотела Калеба, удержала язык за зубами. Так было надо, напомнила я себе. Я была здесь не для того, чтобы заводить друзей.

Когда серые крыши кампуса появились в поле зрения, мы обе вздохнули с облегчением. Я припарковала машину перед зданием и выскочила наружу, чтобы открыть ей дверь.

— Тебе нужна моя помощь, чтобы добраться до комнаты?

Она покачала своей головой, словно говоря «нет», и вздрогнула, когда я помогла ей вылезти из машины. Она была очень бледная, и её обычно пухлые и сочные губы выглядели вялыми и робкими. Это была не та Джессика Александер, которая красовалась на обложке

университетского журнала менее двух месяцев назад. Даже её волосы были тусклыми и безжизненными, свисая сальными прядями вокруг лица.

Она обняла меня, после чего направилась в сторону лифта. Я смотрела, как она нервно ударяла по кнопке, прислонившись к стене и обхватив своё тело руками. Когда лифт наконец-то подъехал, она повернулась в последний раз, чтобы вяло помахать мне рукой, после чего зашла в лифт и скрылась за закрытыми дверями. Я облокотилась на свою машину, внезапно почувствовав себя обессиленной. Я решила не возвращаться в свою комнату. Кэмми будет там, и когда она увидит меня, то включит свою ужасную пронизательность, чтобы понять, что произошло. Вместо этого я поехала в кафе, расположенное в нескольких милях отсюда, чтобы позавтракать, где я заняла место у барной стойки с новостной газетой в руках, которую раздавали на улице.

Темой номера была история Лоры Холбермен и отсутствие каких-либо новых улик в её деле. Детектив, расследующий дело, ставил под сомнение версию о похищении, ведь все доказательства указывали на то, что девушка сбежала из дома. Её обезумевшие родители просили всех, кто обладал хоть какой-нибудь информацией полезной для дела, сообщить её сотрудникам полиции.

Я пожалела о том, что не уделяла больше внимания этой девушке, когда она посещала пары вместе со мной. Тогда были мои дни-до-Калеба, и меня не беспокоило, с кем он встречается и почему. Она была совсем не похожа на тех девушек, которые хотят сбежать. Она была популярной и веселой, душой компании, и согласно газете, хотела стать телеведущей новостей. Я уставилась на зернистую фотографию Лоры и представила, как она сидит в образе ведущей за столом в шести часовых новостях. А сейчас она сама стала шести часовыми новостями. Мне стало жаль её, где бы она не была. Что-то ужасное произошло, и не важно похитили её или нет, но теперь, вероятнее всего, Лора не увидит, как её мечты осуществляются.

Я подумала о своих собственных мечтах, когда откусывала кусок от своего рогалика. Я хотела стать юристом, чтобы сажать плохих людей в тюрьму. Сейчас же я сама стала плохим человеком, потому что устраивала заговоры и плела интриги из-за какого-то глупого мальчишки. Я даже не думала о своих мечтах в последнее время. Это было похоже на Калеба, который все мои амбиции заменил одержимостью. Господи, я действительно шла по наклонной. Закончив пить кофе, я бросила деньги на прилавок. Если эта одержимость так уничтожает мои амбиции, то что произойдет, если я все-таки заполучу его? Буду ли я также восхищаться Калемом, если стану ему просто подружкой и никем больше? Будет ли это означать, что я следую по стопам матери, которая предупреждала меня, чтоб я держалась подальше от мужчин, пока не воплещу свою мечту в реальность.

Я была уже близка к тому, чтобы отказаться от навязчивой идеи заполучить Калеба, когда приехала в кампус. Припарковав автомобиль на забитой парковке, я направилась в сторону своего общежития, переполненная решимости. Мне нужно было прекратить все это безумие, прежде чем я окончательно разрушу все, над чем так усердно работала. Когда я поднималась по лестнице, то услышала разносившиеся эхом по третьему этажу голоса. Я притормозила, когда поняла, что один из них принадлежал Джессике. Она ворковала своим сладким, девчачьим голосом, который продвинутые кокетки использовали, чтобы соблазнять мужчин. Я шла медленно, пытаюсь понять, что она говорила.

— Не сегодня. У меня... ты понимаешь...

Я поднялась по последним нескольким ступенькам и завернула за угол. Джессика

стояла на носочках, руками обвив шею Калеба. Они стояли нос к носу, и он смотрел на неё с обожанием. Я резко остановилась, и они оба обернулись, чтобы посмотреть на меня.

— Оливия! — сказала она смущенно. — Привет.

— Привет, — сказала я, глядя на Калеба. Он посмотрел сквозь меня, словно меня не существовало, и повернулся обратно к Джессике. Оу. Похоже Джессика недавно вышла из душа. Её влажные волосы, обрамляющие лицо, были собраны в пучок. Она выглядела намного лучше, нежели когда я видела её в последний раз несколько часов назад. И тут меня осенило. Кaleb, должно быть, намекал на секс. Джессика же, получившая строгое указание воздержаться от всякого рода «физических упражнений» в ближайшие четырнадцать дней, пыталась отвлечь его историей о своих менструальных циклах.

Я смущенно переставила ноги. Её лицо было красным, и она многозначительно смотрела на меня.

— Хм.... — я указала на дверь, которую они перегородили, и приподняла брови, демонстрируя свое раздражение.

— Ой, прости. — Захихикала Джессика и потащила Калеба в сторону. Уверена, она подмигнула мне, когда я протискивалась мимо них, задев рукой спину Калеба. Он вздрогнул от моего прикосновения, и я улыбнулась, довольная.

Придурок.

Я быстро направилась в свою комнату, ощущая, как слабые проявления злости начинают усиливаться в моей груди. Как она может быть всем для него, после того что она сделала? Я засунула ключ в замочную скважину и повернула так сильно, что пальцы руки заныли. Прошло всего лишь несколько часов после того, как она убила их ребенка, а она уже висит на нем, словно веревочный сыр. Она - идиотка, и он должен быть моим. Все просто. Мне хотелось бы узнать, как подружить его со своими амбициями. Я могла бы иметь все сразу. И я буду. Ворвавшись в свою комнату, я велела Кэмми заткнуться, прежде чем она сможет проронить хоть слово. Упав на свою кровать, я притворилась, будто читаю учебник. К концу недели отношения Джессики и Калеба будут разорваны в клочья, и у меня появится второй шанс.

Настоящее

— Оливия? Ты придешь? — голос Калеба повис на другом конце провода, ожидая моего ответа. Я вздохнула, оглядывая свою квартиру и теребя свитер. Он хотел, чтобы я приехала к нему на ужин, а мне кажется, что это уже переходит все границы. Нет, я и раньше пересекала границы, но сейчас ведь я пытаюсь быть порядочным человеком. Мне и раньше с трудом удавалось скрывать некоторые вещи из его личной жизни, а сейчас мне начинает казаться, будто он подговаривает весь мир ополчиться против меня.

— Серьезно, Калек, не думаю, что это хорошая идея. Твоя девушка расстроится, если узнает. Почему мы не можем встретиться в ресторане?

— Моя стрепня гораздо вкуснее, чем в любом из тех ресторанов, в которых тебе когда-либо приходилось бывать. К тому же, вероятность того, что мы столкнемся с ней в ресторане куда больше.

Если она не преследует тебя, как и в прошлый раз.... с горечью думаю я.

— Разузнать мой адрес не составило для неё особого труда, — недовольно сказала я. — К тому же, я только познакомилась с тобой. Благоразумно ли будет с моей стороны, прийти на ужин домой к незнакомцу? Кто знает, а вдруг ты маньяк?

— Оливия, ты уже пригласила меня к себе и выжила. Я открою бутылку вина... будет весело.

— Я не очень люблю веселье.

— Будет опасно.

Я улыбнулась.

— Я пью только красное вино.

— Заказ принят, мэм.

— И убедись, что она не появится на этот раз.

Калек рассмеялся. — Правда? А я подумал, будет здорово, если она присоединится.

Мы обсудили день и время проведения ужина, после чего я повесила трубку, переполненная чувством тревоги. Уткнувшись лицом в подушку, я застонала от стыда. Я сошла с ума.

Снова зазвонил телефон. Думая, что это Калек, который желает обсудить еще кое-какие детали, я быстро схватила трубку.

— Слушаю.

— Оливия? — это определенно другой голос.

— Даааа?

— Оливия! Ты - сексуальная бестия! Где ты пропадаешь всю мою жизнь?

— Джим?

— Единственный и неповторимый, детка. Как поживаешь? Опять ищешь приключения на свою задницу?

— Куда же без этого, — говорю я, смеясь. — Чему обязана за удовольствие слышать тебя?

— Я сейчас в городе и больше всего на свете хочу провести немного времени с девушкой своей мечты.

— Девушка мечты! Последний раз, когда мы виделись, ты назвал меня строптивой и

сказал, что я - бездарность.

— Это всего лишь слова, детка. К тому же, ты только что отклонила очередное признание в любви. Припоминаешь парню его словесные оскорбления, да? И это происходит сейчас, когда я еду тебя забирать?

Джим. Джим. Тот самый парень, которого я использовала, чтобы заявить о своей сексуальности. Тот, с которым я грешила прежде, чем смогла украсть Калеба. Но, несмотря на все это, он оставался верным. Джим звонил каждый раз, когда работа проводила его мимо моего почтового индекса, и у нас была бурная ночь танцев, обедаловки или других порочных удовольствий, которые только посещали нас. Потом он уезжал, и мне это нравилось.

— Как долго ты пробудешь в этих краях?

— Пару-тройку дней, не больше. Думаю, мы могли бы добраться до «Wave», напиться, зажечь на танцполе...

— Ммм... звучит романтично. Через сколько ты сможешь добраться сюда?

— Через пятнадцать минут. Мне нужно заехать за сигаретами.

— Отлично, — сказала я. — Буду готова.

Повесив трубку, я нанесла помаду на губы. Я все еще думала о Калебе, но нужно заставить себя прекратить. Сегодня будет лишь Джим, я и прекрасно проведенное время без каких-либо навязчивых идей. Я скользнула в пару черных брюк, зеленую рубашку с открытыми плечами и собрала волосы в хвост.

Джим подобрал меня возле моего дома. Я запрыгнула в его машину - восстановленный Мустанг 1969 года, окрашенный в зеленый цвет с продольными желтыми гоночными полосами - и улыбнулась ему с пассажирского сидения.

— Ты словно «Перкоцет»^[18] в плохой день, Ливви, — говорит он, удивляя меня и целуя прямо в губы. Я подаюсь назад, покачивая головой.

— Мmmm, обожаю, когда ты сравниваешь меня с отпускаемыми по рецепту лекарствами. — Я пристегиваюсь ремнем безопасности и начинаю возиться с радио. Джиму нравится «Phish»^[19], которых я практически возненавидела с тех пор, как они начали подражать «Grateful Dead»^[20].

Джим подмигивает мне, удерживая сигарету между губами. Обычно, я не выношу, когда люди курят при мне, ведь из-за этого я начинаю чувствовать себя грязной. Не облегчает ситуацию и тот факт, что моя мать умерла от рака. Но, есть что-то привлекательное в том, как Джим курит, и это заставляет меня наблюдать за ним. Я наблюдаю за ним в ожидании: фитиль его зажигалки выплевывает маленький язычок огня, и Джим погружает свою сигарету в него, вдыхая. Я почти могу услышать, как кончик его сигареты удовлетворительно шипит, принимая огонь внутрь. Это моя самая любимая часть - он глубоко затягивается, его веки трепещут, словно у наркомана, а затем он выпускает из носа серый дым, который взвивается в небо так грациозно, словно пепельный ангел. Прекрасная картина.

Я удовлетворенно откидываюсь назад. Джим по-своему красив. Он подводит глаза и носит джинсы, которые облегают его тело, словно кожа ящерицы. Его взлохмаченные волосы окрашены в черный цвет, из-за чего его голубые глаза кажутся почти лавандовыми. Я всегда думала, что британский акцент свойственнее ему даже больше, чем Калебу. Я отмахнула дым и начала напевать мелодию старой песни, которую очень любила моя мама.

— Почему ты сегодня такая счастливая? — спрашивает он, стряхивая сигаретный пепел в пустую банку из-под «Red Bull». — Что-то ужасное происходит во вселенной, когда ты

поистине счастлива и что-нибудь напеваешь.

Он стремглав вклинивается в поток машин, почти задевая бампер грузовика, движущегося перед нами.

— Не знаю. Просто счастлива.

Джим приподнимает бровь.

— Давай, Ливви. Я знаю, что-то произошло.

Пауза. Затем я произнесла:

— Кaleb вернулся.

Шокирующая тишина. По радио играет «Gladys Knight»^[21]. Пальцы Джима рассеянно постукивают по рулю в такт песне.

— Он вернулся. — Это прозвучало как утверждение, вместо вопроса. Я слышу отвращение в его голосе и не виню его. Кaleb всегда был бельмом на глазу Джима, особенно, когда, в конце концов, я выбрала Калеба вместо него.

— Оливия, — он выключает радио и тушит сигарету, что означает, я снова буду наблюдать за процессом поджигания через пару минут. — Почему он вернулся?

У меня не было намерения говорить ему об амнезии.

— Не знаю. Он просто вернулся, и мне, правда, не важно, почему.

Джим сужает глаза и, кажется, подозрительно смотрит на дорогу.

— Не знаю, что происходит между тобой и этим мудаком. Четыре года, потом плохой разрыв, а ты все еще в чертовом химическом романе с баскетбольным Кеном.

Я не хочу это слышать. Не от Джима. Не от Кэмми. В моих самых диких фантазиях я никогда не представляла такой поворот в своей истории. Тысячи девушек могли сказать мне, что сделали бы нечто другое, нежели то, что сделала я в тот день, когда притворилась, что не знаю Калеба, но мне все равно. Это было мое решение.

— Это произошло случайно. Я не искала его, так что просто заткнись.

Мы останавливаемся перед клубом, и я выпрыгиваю раньше, чем парковщик успевает открыть дверь. Я жду Джима, пока он вытаскивает свое длинное тело из машины и бросает ключи работнику парковки. Он злится. Я вижу это на его лице. Он не раз обвинял меня в использовании его в качестве запасного варианта, когда Калеба нет рядом. Я иду перед ним, игнорируя уколы его глаз. Сегодня я чувствую себя агрессивно настроенной, поэтому мне это дается довольно легко. В любом случае, это не его собачье дело - навязчивость, подводка для глаз, панк. Джим ненавидит слабость, и Господи, моей слабостью является Кaleb. Но я верю, что к тому моменту, как мы начнем танцевать, он возьмет себя в руки.

«Wave» заполнен вибрирующими телами от стены до стены. Джим хватая мою руку и тянет меня через толпу танцующих, пока мы не достигаем бара. Большинство девушек обернулось, чтобы посмотреть на нас. Что такой горячий рокер делает с такой простушкой, как я? Я ошетиливаюсь под их любопытными взглядами, поливая их парочкой грязных взглядов.

Джим кладет полтинник на липкий бар и заказывает четыре шота текилы. Я готовлю наши лаймы и улыбаюсь ему.

— Ты все еще злишься? — спрашиваю я.

Бармен ставит перед нами рюмки, и мы берем себе по две. Джим пожимает плечами.

— Это важно?

Я заливаю первую в свое горло и посасываю лайм, убирая вкус. Текила отвратительна.

— Не хочу, чтобы ты злился. Я едва вижу тебя.

Джин делает это тройное моргание, из-за чего выглядит очень раздражительным, а потом целует меня в щеку.

— Давай просто веселиться.

Он заказывает еще два шота, и мы чокаемся. Мы задерживаемся у бара еще на несколько минут, наблюдая за танцполом. Мы все еще слишком трезвые, чтобы забыться.

— Пойдем на танцпол двигать задницей, — говорит он, бросая кожуру лайма в мусорное ведро. Я следую за ним в извивающуюся толпу, когда текила доходит до моей головы.

Мы танцем, пока мои ноги не онемели, а волосы не стали влажными от пота. Джим трогает меня больше, чем обычно. Я связываю это с возвращением Калеба. Парням всегда надо пометить то, что принадлежит им. Я позволила ему притянуть себя ближе. Я слишком пьяна, чтобы беспокоиться сейчас об этом. Это напоминает мне о сцене из фильма «Грязные танцы», где Бэйби появляется на вечеринке сотрудников, сжимая арбузы. Мы танцуем лицом-к-лицу, грязно. Джим не верит в толчки и трения - признак танцев подростков. Он называет это грязным ухаживанием. Мы танцуем лицом к лицу. Я нахожу что-то очень честное в этом.

Мы не уходим, пока DJ не начинает собираться свое оборудование.

— Ты сможешь вести? — спрашиваю я его, слегка покачиваясь в пространстве.

Джим хихикает. — Я трезв, как священник воскресным утром, — завывает он протяжным южным акцентом.

По пути домой я держу глаза закрытыми и позволяю ветру обдывать свое лицо. Мы мало разговариваем. Джим проигрывает старые диски «Marcy Playground», который мы слушали еще в универе. «Sex and Candy»^[22]. Я хихикаю, когда он начинает громко подпевать словам.

Когда мы останавливаемся у моего дома, он выпрыгивает из машины и следует за мной до двери.

— Это было свидание? Почему ты провожаешь меня домой? — смеюсь я, копаясь в своей сумочке в поисках ключей, пока он наблюдает.

Когда я поднимаю глаза, он забавно смотрит на меня.

— Джим? — спрашиваю я, делая шаг к нему. — Ты в порядке? — Думаю, может, он болен. Его лицо озадаченное и немного покраснело, как у человека, который решает, тошнит его или нет. Я останавливаюсь, когда он неожиданно дергается вперед. Сначала я думаю, что ему плохо, но в последнюю минуту он поворачивается прямо к моему лицу и пытается поцеловать меня. Я отворачиваю свою голову, так что его губы оставляют влажный след на моей щеке. Когда он отклоняется назад, я вижу его красные глаза. — Что ты делаешь? — спрашиваю я. Джим и я никогда не заходили на эту территорию. Это было негласное правило.

Он так близко, что мне приходится наклонять голову назад, чтобы смотреть ему в лицо. Мы не целовались с университета.

— Это потому, что я не он, Оливия? Не чертов Калеб?

Я качаю головой. Чувствую себя такой туманной. Кажется, я не могу достаточно быстро формулировать слова.

— Между нами все не так, Джим. Почему сейчас?

— Ты знаешь, секс не всегда что-то значит. Можно заниматься им просто ради развлечения.

Его глаза моргают, моргают, моргают, словно он пытается изгнать меня из своего

видения. Что я должна на это ответить?

— Думаю, друзья должны оставаться друзьями, не усложняя ситуацию сексом.

— Друзья, — напевает он с неприятным шипением. — Я устал быть твоей чертовой заменой.

Я вздрагиваю. Это очень точно подмечено, но слышать это неприятно.

— Ты настоящая динамщица, ты знаешь это? — Я смотрю с удивлением. Много раз он называл меня так в шутку, но никогда с таким тоном в его голосе. Его лицо покрылось пятнами, и глаза покраснели. Он пугает во мне здравомыслящую часть женщины, которая кричит мне бежать. Я делаю шаг назад.

— Джим, ты пьян, — говорю я медленно.

— Я пьян, а ты - сука. — Затем он наваливается на меня, его рот прижимается к моим плотно сжатым губам, его руки оказываются между моих ног. Я испускаю приглушенный крик от этой атаки и стараюсь оттолкнуть его. Он не шелохнулся под моим толчком, и я понимаю, что ничего не могу сделать, чтобы остановить его. Я пытаюсь умолять, но, кажется, что все мольбы попросту скатываются с него. Он ощупывает меня, пытаюсь спустить мои брюки. Дверь моих соседей меньше чем в 10 ярдах на другой стороне здания. Если я смогу освободиться, то смогу побежать туда. Затем наступает момент, когда он отвлекается, и его хватка на моей руке слабеет. Я пользуюсь шансом побороться за свои руки и сильно бью его по лицу. Шокированный он отстраняется, и его руки прижимаются к тому месту, куда я его ударила. Я приготовилась к тому, что он с большим и сильным напором вернется, но он просто смотрит на меня. Мне некуда идти. Я загнана в угол рядом с собственной входной дверью. Я подумываю о том, чтобы закричать, но единственный человек, который может услышать меня, это Роузбад. И что она сможет сделать? Поэтому я пытаюсь уговорить его.

— Иди домой, Джим, — мой голос твердый. Эти несколько секунд, которые он тратит на то, чтобы взвесить свои варианты, обернулись грязными воспоминаниями для меня. Я зла, пристыжена и напугана, пока стояла и наблюдала, как он решает, стоит насиловать меня или нет.

Боже, пожалуйста, пусть он уйдет.

Расстояние между нами растет, когда он поворачивается и, спотыкаясь, идет к своей машине.

Я практически сваливаюсь на свою дверь. Когда я оказываюсь по другую сторону, то запираю замок и бросаюсь на диван. Рыдаю в подушку, пока горло не становится ободранным, а потом я просто поднимаю трубку и звоню единственному человеку, которому когда-либо доверяла.

— Кaleb...

— Оливия? — Его голос тяжелый со сна. — Что случилось?

— Ты можешь приехать... ко мне домой?

— Прямо сейчас? — Я могу слышать, как он перемещается по своей комнате... включает свет... возится с вещами.

— Кaleb...пожалуйста...я...

— Сейчас буду.

Когда Кaleb приезжает, его волосы растрепаны, он одет в шорты и потрепанную футболку.

— Что случилось? — спрашивает он, как только видит меня. Кaleb придерживает меня

за подбородок своими пальцами и поворачивает мое лицо из стороны в сторону. Я рассказываю ему о Джиме, о клубе и о том, что он сделал после.

Кaleb шагает по моей гостиной. Его лицо исказилось от гнева.

— Где его отель, Оливия? — Его кулаки сжаты. Боюсь, если он найдет Джима, то узнает, кто я на самом деле.

— Нет! Я не хочу, чтобы ты уходил. — Я тяну его за руку, пока он не садится рядом со мной. Его гнев постепенно переходит в заботу, и он прижимает меня к своей груди. Я не прикасалась к его груди очень долгое время, и сейчас я чувствую себя разбитой. Он пахнет мылом, рождеством и самим собой, а я плачу, как ребенок, от незнакомой безопасности, которую дают мне его прикосновения. Никто раньше не держал меня так. Не знаю, стоит ли мне уцепиться за эту возможность.

— Ты можешь остаться здесь сегодня? — шепчу я.

Он целует меня в лоб и смахивает мои слезы большим пальцем.

— Да, конечно я останусь.

Я чувствую облегчение, но продолжаю дрожать. Он крепче сжимает меня. Что я бы делала, если бы его не было рядом? Кому бы я позвонила? Сейчас Кaleb здесь, но часы тикают. Я поставила себя в ситуацию, где я буду терять его снова и снова. Первый раз был просто ужасен.

Я прячусь в его теплоте, наслаждаюсь ощущением заботы и засыпаю. Моя голова прижимается к его груди, слушая стук его сердца - самый красивый стук, который я когда-либо слышала.

Прошлое

Решение было принято. Я рассказала Кэмми об аборте, когда мы склонились над нашими обеденными подносами в кафетерии.

— Ты шутишь, — сказала она, когда картошка фри выпала из ее рта.

— Нет, — ответила я, сглатывая комок в горле. — Я слышала, как она говорила об этом с той высокой девчонкой. Блин, ну той, которая постоянно берет ее скраб.

Я съела последние кусочки фри и слизнула соль со своих пальцев.

— Надя? — спросила Кэмми, отталкивая свою тарелку.

— Да, Надя, но ты никому не можешь рассказать о том, что я тебе сказала, Кэм. Наступит конец света, если все это выйдет наружу.

Я изучила красивое лицо своей соседки и нахмурилась. Возможно, это будет единственный раз, когда Кэмми будет держать свой рот на замке. И что тогда мне делать?

— Как думаешь, Калебу было бы все равно? Или же он хотел бы оставить его?

Я уставилась на нее блестящими глазами и почувствовала слабость в животе. Я никогда действительно не задумывалась об этом. Он бы хотел сохранить его. Я знала это всем своим сердцем. То, как он говорил о своей семье той ночью в Джексоне... Как он сказал мне, что хочет быть отцом... Я закрыла свои грешные глаза и вздохнула.

— Почему ты думаешь, что я знаю ответ на этот вопрос?

Кэмми пожала плечами. — Ты, вроде как, знаешь его. Ты ведь провела с ним некоторое время, и я просто подумала...

— Я ничего о нем не знаю, — огрызнулась я, вставая и хватая свой поднос. Ну, кроме того, что я хотела его больше всего на свете. Я посмотрела на Кэмми и почувствовала панику. Вот оно.

У Кэмми был словесный понос. Все разойдется по университету и, причем, довольно быстро. Теперь я официально обеспечила себе место в первом ряду на поезд в ад.

Чух-чух!

— Я возвращаюсь в общежитие, — сказала я. Мне хотелось, чтобы она последовала за мной, ведь так я смогу присматривать за ней. Сейчас я уже не была уверена, что действительно хотела...

— Хорошо. Я еще немного потусуюсь здесь. — Кэмми улыбнулась мне милой улыбкой. Ее лицо выглядело вполне невинно, но ее глаза были зловещими. Я могла разглядеть монстра сплетен, который, карабкаясь по ее пищеводу, отчаянно пытается выбраться из ее рта.

Я повернулась на каблуках и убежала прежде, чем она смогла увидеть слезы в уголках моих глаз.

Чух-чух...

Новости об аборте разразились громом и прошлись целым поездом сплетен, который достиг Калеба буквально через два дня. Бывшая девушка Калеба нанесла ему свой удар. Она воспользовалась шансом вычеркнуть Джессику, чтобы заполучить его. Я наблюдала, как она посылала Джессике грязные взгляды последние несколько недель. Я с легкостью узнала их, потому что тоже их посылала.

Весь разрыв занял около 10 минут. Он был засвидетельствован большей частью

студентов, которые слетелись на сцену, словно мухи над кровоточащей тушкой. Меня там не было, но Кэмми рассказала мне, что сама она заняла место в первом ряду. Бывшая рассчитала все отлично, рассказав ему все перед тем, как он должен был встретиться с Джессикой для ужина, а затем осталась, чтобы наблюдать за происходящим. Джессика нашла Калеба, ожидающего ее на ступенях кафетерия. Их обмен репликами был краток. Джессика в истерике во всем призналась Калебу, некоторые даже говорили, что он пробил стену, другие же, что бросил скамейку в дерево. В действительности же, он просто ушел от неподвижно сидящей девушки и никогда больше с ней не разговаривал.

Джессика уехала домой на следующий же день после разрыва и, якобы, оставила все позади. Я гадала: знала ли она, что это была я, думала ли она вообще обо мне после того дня, или же мое лицо было размыто в той части её сознания, в которой собирались все непопулярные ребята.

Я неделю страдала от чувства вины. Словно крепкая рука давила мне на шею. Я опускала голову от стыда и обходила общежитие, словно тень. На восьмой день, я уже нашла оправдание тому, что сделала.

Я укрылась в любви к себе. Я воспользовалась превосходством над девушкой, которая искала кого-то, кому можно доверять, и использовала ее затруднительное положение ради своей выгоды. Я была дочерью своего отца. Я ненавидела себя.

Мой отец - Оливер Каспен (без среднего имени) - был худшим ублюдком, которого женщина только могла встретить на своем пути. Моя мама говорила, что он был тонкой копией Элвиса Пресли: темный, сексуальный и с постельного цвета глазами. Из его рта доносились очень милые вещи, но когда отец терял интерес, он усмехался ненавистной усмешкой и ударял туда, где это ощущалось больнее всего. Но прежде, чем он снимет свою очаровательную маску, которую носил, и, прежде чем скажет тебе, что единственная причина, по которой он был с тобой - это то уродливое отродье, которое ты родила, он всегда был улыбчив, одаривал тебя поцелуями и комплиментами. Вот как он заполучил мою маму и такое уродливое отродье, как я.

Отец остался с нами лишь на три года, отсчитывая от моего рождения, а потом ушел с дорожной сумкой за плечом. Периодически, когда я еще была подростковым возрасте, он «мирился» с моей мамой, получая вид на жительство на левой стороне ее кровати, а затем снова сеял свой дикий овес в другом месте. Он проигрывал наши деньги, отложенные на продукты, а затем спокойно клялся, что от вины из-за их потери он не мог сомкнуть и глаз. И ведь все это происходило, когда у нас нечего было есть, кроме коробки несвежих крекеров. Мой папа.

Однажды, когда наши шкафы были пусты, и я с жадностью грызла свой большой палец, он пропал с последним долларом моей мамы. Мой пятилетний мозг думал, что он пошел найти нам какой-нибудь еды, но несколько часов спустя, он вернулся, и так сильно пах филадельфским сырным стейком^[23], что у меня потекли слюни. Оливер Каспен присматривал за Оливером Каспеном. Это была та соломинка, что сломала спину моей матери. Она вышвырнула его из нашей дерьмовенькой квартиры-студии с такими ругательствами, которые я раньше никогда не слышала.

Борьба за Калеба началась сразу после того, как уехала Джессика. Девушки требовали внимания Калеба, словно шимпанзе на ветке.

— У него есть банан, который хочет каждая девушка, — прокомментировал однажды Джим, наблюдая, как пара блондинок скакали вокруг него, словно свободно привязанный

аэростат с гелием. Кaleb смеялся над тем, что одна из них сказала. Затем она наклонилась и оставила поцелуй на его щеке, от которого он покраснел и в удивлении отстранился. Я ревниво посмотрела в сторону. Еще раз я подобное не вытерплю. Я мысленно убивала кого-нибудь каждые 5 минут.

Возможность появилась в тот же день, когда я завалила свой тест по латинскому языку. За все годы обучения я не получала меньше «С», так что большая, обведенная красным и дважды подчеркнутая «F» преобразовалась в мозговой шок. Я теряю хватку. Не могу сконцентрироваться. Кaleb укоренился в моем мозгу, словно паразит, и теперь кормится моими эмоциями и мыслями.

Надо срочно что-то делать. Я стояла между зданиями, сжимая свой тест по химии и глядя стеклянными глазами на случайный кирпич в стене, когда кто-то подошел и всунул флайер мне в руку. Обычно я бы выбросила его, но на этот раз, обвиняя во всем свое шоковое состояние, я его развернула.

ВЕЧЕРИНКА У ЗАКА

Где? Ну, где же?

Когда? Суббота, в 10 вечера.

Принести: пиво.

Когда я вернулась в комнату, то сразу же ткнула флайером в лицо Кэмми.

— Давай пойдем туда.

Она склонилась над ватманом, используя жидкую подводку для глаз, чтобы написать по трафарету «Бизнес План» в самом верху. На секунду она оторвала взгляд и взглянула на флайер, а потом начала дуть на буквы.

— У тебя кризис среднего возраста?

— Мне всего лишь двадцать, шутница. Нужно находиться посередине своего жизненного пути, чтобы задумываться о кризисе среднего возраста. Почему ты не используешь маркер?

— У меня его нет, и я не в настроении для шуток. Сдавать проект завтра, а единственное, что я знаю о бизнесе, так это только то, как пишется это слово.

— Ну, ты даже этого не знаешь, потому что умудрилась не дописать еще одну букву «С»^[24].

Кэмми нахмурилась, взглянула на свой постер и приступила к работе над последней буквой «С».

— Мне нужно, чтобы ты пошла со мной...

Я подошла к своему ящику и достала коробку маркеров.

— Что ты собираешься делать на вечеринке?

Я подавила желание ударить её и постаралась звучать мило.

— Не знаю. Нормальные вещи, которые люди делают на вечеринках...как, например...веселиться.

— Ты не пьешь, не танцуешь и не куришь. Извини, Оливия, но никто не захочет говорить с тобой о политике. Если ты не собираешься приходить на вечеринку со спиртным, то твое появление будет.... эм, неуместным.

— Я могу танцевать, — сказала я, защищаясь, — к тому же, любой может пить - для этого не нужен особый талант.

— Да, но особый талант нужен для того, чтобы вести себя не как дура, когда ты напиваешься, —она рисовала сердечки в уголках ватмана, в каждое из которых поместила

маленькие улыбающиеся лица.

Она впустую тратила воздух.

Я драматически вздохнула.

— Я сделаю твой проект за тебя при условии, что ты пойдешь со мной.

Кэмми перевернулась на спину и замахала руками в воздухе, словно плыла брасом.

— Аллилуйя! Ты сказала волшебные слова.

Я хмыкнула. Мне бы все равно пришлось делать плакат за нее. Я бы проклинала все, если бы позволила бизнес-плану своей соседки выглядеть так, словно это открытка ко Дню Святого Валентина.

В субботу я подготовилась с точностью нейрохирурга. Все должно было пройти отлично. Я собиралась выиграть это сражение, взяв к себе в помощницы помаду «Mad Merlot» и «Sexy» от «Victoria Secret»^[25]. В 10 часов Кэмми и я плыли вверх по лестнице, расположенной дома у Зака, окруженные облаком выдыхаемого людьми никотина. Моя голова кружилась, а мое платье было настолько маленьким, что обтягивало мою грудь, словно удав.

— Хорошо, что ты похожа на нормальную девушку, — сказала Кэмми, улыбаясь мне в знак одобрения.

— Ты говоришь «нормальную», подразумевая противоположность чему?

Я дергала платье, пытаюсь прикрыть свою обнаженную грудь, которая выглядывала как два пухлых кекса из бюстгальтера с эффектом «push up», который мне одолжила Кэмми.

Она ухмыльнулась мне и потянула платье на место.

— Ну, у тебя они есть, и это не может не радовать, — она указала на мою грудь. — И зачем ты прятала их в этих ужасных старых рубашках, которые носишь. И да, макияж делает тебя такой сексуальной, я бы даже сказала экзотичной. В общем, подруга, ты отлично привела себя в порядок.

Я надеялась на это.

— Ты готова, О? — спросила Кэмми, сжимая мою руку. Вообще, я чувствовала себя плоховато, но, сделав глубокий вдох, я кивнула.

— Хорошо, потому что это будет самая интересная ночь в твоей жизни.

Дверь открылась, и мы зашли в комнату, наполненную телами и противным запахом пива. Мой первый инстинкт - сделать шаг назад. Кэмми толкнула меня через дверной проем в сторону стола, наполненного бутылками.

— Сначала напитки, — сказала она, протягивая мне красный пластиковый стакан, — а затем, ты начнешь делать то, зачем пришла.

Кэмми плеснула водки в мой стакан и добавила немного клюквы. Я так нервничала. Сделав слишком большой глоток для своего рта, я пролила жидкость на перед своего платья.

— Осторожно, Джулия Робертс. План в том, чтобы быть трезвой. — Кэмми неодобрительно осмотрела меня, после чего я сделала еще один глоток, на этот раз аккуратней. Было хуже, чем я думала. Люди потели и трогали все, выдыхая свое алкогольное дыхание друг другу в лицо... Микробы! Похоть! Они вели себя как животные. Внезапно я почувствовала прилив паники. Это было слишком тяжело - быть кем-то другим. Должен быть другой способ сделать это.

— Не думаю, что смогу, — сказала я, поворачиваясь. Дверь была в десяти шагах. Все что мне надо было сделать, так это уклониться от пары тел, и я смогу выскользнуть на прохладный ночной воздух, прежде чем у меня будет возможность унижить себя.

Кэмми схватила мою руку.

— Вон он, — прошипела она мне в ухо. Он играл в пул в комнате слева от нас. Хриплый смех доносился до места, где мы стояли, и я уловила слова «вибратор и слесарь».

— Ну, может, мы сможем ненадолго остаться, — тихо сказала я. Был ход Калеба. Он сосредоточенно наклонился над столом и забил два мяча в лузы.

— Что мне теперь делать?

— Ты должна привлечь его внимание, при этом не привлекая его внимания.

— Я не играю в девчачьи игры.

Кэмми махнула кому-то через комнату.

— Слушай, просто не будь очевидной, — сказала она. — Нет ничего более непривлекательного, чем девушка, которая бросается на парня. — И это говорит мне та же Кэмми, которая натирает детским маслом свое декольте каждое утро, чтобы привлечь внимание к своим «лучшим частям».

— Как, черт возьми, мне это сделать?

— Ты была единственной, кто хотел прийти. Разберись с этим сама, — и с этими словами, она покинула меня. Первокурсники подонки. Я постояла у стола с напитками несколько минут, а затем поняла, что я, должно быть, выгляжу, как лузер, и побрела прочь. Хорошо, я должна что-нибудь сделать, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что я здесь.

Я увидела диджейский пульт, и идея сама пробралась в мой мозг. Танцевать! Вот моё секретное оружие!

Парень, одетый в футболку «Korn», печатал что-то на своем компьютере за столом. Когда я подошла, он мило кивнул мне, и его глаза незамедлительно нашли мое декольте.

— Могу я попросить песню? — перекрикивала я музыку. Он кивнул моим девочкам и положил листок бумаги с карандашом мне в руку. Я быстро написала название песни и исполнителя на бумаге, после чего протянула её ему.

— Мое лицо здесь, — сказала я, потянувшись и приподнимая его подбородок, в то время как он смотрел куда угодно, только не мне в глаза. Парень улыбнулся и подмигнул мне.

Вот дегенерат. Кажется, он мне нравится.

— Твоя следующая, — перекрикивает он музыку, после чего поднимает большие пальцы, когда я бреду прочь.

Я с трепетом осмотрела танцпол и с горечью заметила там единственного человека - преждевременно пьяного парня, который волочил ноги и качал бедрами не попадая в ритм. Я камикадзе, но это была моя навязчивая идея, и я собиралась исполнить ее. Я сделала огромный глоток, допивая то, что осталось от моего коктейля с водкой, и вызвала в памяти наш поцелуй в бассейне. Мысль об этом придала мне временный прилив смелости. Я хотела, чтобы меня снова так целовали - возможно, что даже каждый день моей жизни.

Я ступила на танцпол как раз в тот момент, когда моя песня полилась из динамиков. У меня ушло лишь десять секунд, чтобы завладеть всей комнатой. Люди одновременно перестали делать то, что делали ради того, чтобы наблюдать за мной. Я была хороша. Я была очень, очень хороша. Молча поблагодарив мою маму за 8 лет бесплатных уроков танцев, которые она отспорила в местной студии, я крутила бедрами в сложном движении.

«Я одержима, как только мысли о тебе....»

Я увидела лицо Кэмми, которое появилось из-за угла, чтобы посмотреть, что

происходит. Ее рот вытянулся в форме буквы «О», и она подмигнула мне с одобрением.

«Мне вредно испытывать это....»

Другие люди начали присоединяться ко мне на танцполе, держа уважительную дистанцию и покачиваясь вокруг меня, словно были моей собственной подтанцовкой.

— Кажется, сегодня у нас в доме есть одна горяченькая штучка, — услышала я, голос диджея в микрофон. Пока народ все приходил и приходил, чтобы понаблюдать за мной, я увидела Калеба, выходящего вместе с друзьями из задней комнаты. Правильно, взгляните и увидите, отчего столько волнения. Я позволила волосам соблазнительно упасть мне на глаза и повернулась бедрами в его направлении.

«В этот раз, пожалуйста - кто-нибудь придите и спасите меня....»

Я наблюдала за его лицом в тот самый момент, когда он заметил меня, и тут мой желудок совершил маленький взволнованный танец. Бинго! Зрительный контакт. Кроме небольшого сужения его глаз, его лицо не показывало ни йоту эмоций. Черт! Я начала трясти бедрами в такт музыки и с удовлетворением увидела, как он приподнял бровь. Когда Рианна запела: *«Ты появляешься, и я тут же осознаю своё безумие...»*^[26], я посмотрела прямо на Калеба и поманила его пальцем. Он совсем не выглядел удивленным. Оттолкнувшись от стены, Калев пошел ко мне, все еще держа руки в карманах. Он позволил мне около секунды потанцевать вокруг него, улыбаясь крикам и свистам, после чего схватил меня за талию и начал танцевать синхронно с моими шагами. Он был хорош. Все было очень плавно, как я и ожидала.

Когда песня закончилась, мы танцевали под следующую, и следующую. Мои волосы стали влажными и прилипли в шее, когда Калев, наконец, вытянул меня с танцпола. Я держалась за его руку, когда он вел нас через океан тел в сторону крыльца. Мы облокотились локтями о перила и позволили прохладному воздуху бегать по нашей липкой коже.

— Ты полна сюрпризов. — Это были первые слова, которые он сказал меня за последние несколько месяцев. Я смаковала звук его голоса, прежде чем ответить.

— Почему? Потому что я умею танцевать? — Я приподняла волосы со своей шеи и посмотрела ему в глаза.

Калев покачал головой и прикусил губу. Ради такого я готова умереть прямо здесь и сейчас!

— Нет. Потому что ты пришла... потому что надела это платье, — он улыбнулся, рассматривая мое декольте, — и не потому, что ты умеешь танцевать, но потому, что танцевала.

— Ты думаешь, я скованная, — вздохнула я, наблюдая, как девушку выворачивает в аэрографии, стоявшие в ста ярдах от нас.

— Все думают, что ты скованная.

Я знала, он говорил это не потому, что хотел быть грубым. Это просто был факт - как то, например, что зеленые яблоки - кислые.

— Ты словно пара туфель на шести сантиметровых каблуках. Вся такая привлекательная и сексуальная, но заставляешь людей чувствовать себя неудобно, когда они лишь смотрят на тебя.

Отлично, я официально превращаюсь в обутую ламу.

— И даже после сегодняшнего? — спросила я его, ковыряя краску на перилах.

— Думаю, ты сломала каблук и носишь шлепанцы, как и остальные из нас. — В его голосе слышался смех.

— Я могу завтра снова надеть свои туфли, — сказала я. — И почему мы говорим метафорами?

Калеб рассмеялся и внезапно снова стал серьезным.

— Мне нравятся твои туфли. Они сексуальные. — Его голос был хриплым и сексуальным. Я знала, он может затащить любую девушку - возможно даже меня - в постель, используя лишь свой голос.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала я, внезапно вырываясь из транса, в который он меня ввел. Он наклонил голову. Этот маленький жест так возбудил меня, что я забыла, что должна была сделать несколько секунд назад. Хватая его за руку, я положила свою монету ему в руку. Он улыбнулся мне почти вопросительно и посмотрел вниз. Это был пенни. Я нашла его в кармане его рубашки в то утро, после нашего поцелуя.

На этот раз я сделала первый шаг. Я шагнула к нему, устраняя пространство между нами, когда он посмотрел на меня. Обняв меня за талию, он одним плавным движением развернул наши тела так, чтоб моя спина прижалась к стене. Он пытался защитить наш момент от остальных, бродивших по крыльцу. Я пропала за его спиной, но все еще могла слышать хихиканье и удивленные возгласы.

Этот поцелуй отличался от первого. Мы целовались раньше, поэтому на этот раз уже не было нерешительности и застенчивости. Он делал такие вещи своим ртом, которые пробуждали во мне довольно пикантные мысли. Я тяжело дышала, когда он отстранился. Мои руки были прижаты позади меня и давили на грубую штукатурку дома. Калеб рассмеялся, проводя руками по моим волосам, слегка потянув их за концы.

Я все еще прижималась к стене, думая о том, удержат ли меня ноги, если я сделаю хотя бы шаг. Задняя дверь открылась, пропуская наружу шум вечеринки.

— Пошли, — сказал он, беря меня за руку. — Я хочу снова увидеть, как ты танцуешь.

Я влюбилась сильно и быстро. Моя любовь напоминала апперкот Тайсона. Сегодня я просто наслаждалась его компанией, а завтра я уже не могла жить без него. Мы виделись с ним каждую свободную минуту - даже если эта встреча была ради быстрого, голодного поцелуя перед занятием. Когда наши оценки стали отвратительными, мы установили границы: не разговаривать по телефону после наступления темноты и не видеться друг с другом, за исключением обедненного времени. Большую часть времени, мы нарушали наши правила спустя лишь несколько минут после того, как сами ж их и приняли. Это была бесполезная попытка держаться от него подальше. Он был моей слабостью. Мне всегда было мало, и когда мне удавалось заполучить его, то я сразу начинала думать о том, когда же снова смогу его заполучить.

Мы казались счастливее, чем другие пары. Мы словно навсегда застряли в состоянии блаженства, причем такого сильного, что наши рты были изогнуты в улыбках, даже когда мы спали. Калеб учил меня веселиться, учил тому, чего я никогда не знала ни в детстве, ни в юности. Он приносил мне кексы, а потом сразу же размазывал мне их по лицу. Он брал меня кататься на байдарках и переворачивал её в воду. Однажды, когда его братство организовало ночь желейных боев, он убедил меня принять участие в ней, а затем сам же вызвал меня на борцовский поединок. По колено в желе непонятного цвета, я атаковала его, целясь по коленкам. Мне посчастливилось, и я выбила его из равновесия. Закончили мы поединок, лежа на спинах. Калеб смеялся так сильно, что казалось, будто он рыдает. Я любила его каждой клеточкой своего тела. Он показал мне, кем я была, показал то, чего бы я никогда бы не узнала без его ловкого обращения с моей личностью.

Этим летом, я устроилась на работу с частичной занятостью в маленьком книжном магазине. Я была единственным сотрудником, и порой мне приходилось работать допоздна. Я запирала магазин в полночь. Магазин делил парковку с баром, который назывался «Gunshots», и почти каждую ночь я слышала свисты и улюлюканье от пьяных байкеров, которые засиживались снаружи. Я терпеть не могла подобные ситуации и всегда, идя к машине, держала кулаки сжатыми. В любом случае, в подобные моменты мне очень хотелось кого-нибудь ударить.

Я работала уже три недели, когда приехал Кaleb, чтобы повидаться со мной. Его лицо было красным и напряженным, когда он прошел через двери.

— Что случилось? — спросила я, обходя стойку, чтобы обнять его. Я заглянула за его плечо, гадая, успела ли какая-нибудь барная крыса сказать ему что-то такое, что могло так разозлить его. Они частенько бросали вслед грубые комментарии.

— Ты здесь одна?

— Ну, сейчас здесь есть несколько клиентов, — сказала я, осматривая проходы.

— Когда ты уходишь ночью, до машины ты идешь одна? — Его голос был нетерпеливым, и я думала, к чему же он клонит.

— Да.

— Ты здесь больше не работаешь, — сказал он решительно.

— Что?! — у меня отвисла челюсть. Он никогда раньше так не разговаривал со мной.

Он указал на бар. — Это опасно. Ты женщина, к тому же ты идешь одна, и тебе совсем не помогает то, что ты выглядишь так, как ты выглядишь.

— Ты говоришь, что я должна бросить работу из-за того, как я выгляжу? — Я приподняла бровь и вернулась за ресепшн. Он разозлил меня.

— Я говорю, что тебе не безопасно быть здесь одной, а потом еще и самой идти к машине.

— Я могу позаботиться о себе. — Я начала укладывать книги, которые должна была загрузить на тележку.

— Господи, это же огромные и пьяные мужики.

Я пожала плечами.

Кaleb выглядел как разгоряченный энергетический шар, и это заставляло меня переживать.

— Я не уволюсь, — сказала я, уперев руки в бедра. — Мне нужна работа. Не у всех у нас есть богатые родители и трастовые фонды, которые способны обеспечить беззаботную жизнь.

Его лицо стало белым. Он ненавидел, когда кто-либо говорил о том, что он обеспечен, а особенно если этим «кем-либо» была я. Он вышел из магазина, даже не попрощавшись. Я бросила ручку в дверь, желая, чтобы он все еще стоял здесь, чтоб я смогла ударить его по голове.

Позже этой ночью, когда я запирала магазин, то увидела его машину на парковке.

Подойдя к окну с водительской стороны, я постучала по стеклу ключами.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, когда он опустил окно.

Он пожал плечами.

Раздраженная, я пошла прочь, больше ничего не спросив.

После этого каждый раз, когда я уходила с работы, я видела машину Калеба, припаркованную неподалеку. Мы никогда не признавали друг друга на парковке и никогда

не разговаривали об этом во время нашего обычного времяпрепровождения. Но ровно в полночь он всегда был там, убеждаясь, что я в безопасности. Мне это нравилось.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к огромной популярности Калеба. Может пять человек в кампусе и знали мое имя, но его имя было выгравировано на медной доске в спортзале университета.

— Я чувствую себя так, словно встречаюсь со звездой, — сказала я, когда однажды вечером мы пошли поужинать, и пара девушек, сидящих за соседним столиком, помахала ему руками. Он закатил глаза и повел себя так, будто я была слишком драматичной. Но моя ревность юлила в моем мозгу каждый раз, когда какая-то фифа преклонялась перед ним.

У этих девушек не было никакого уважения к тому, что он - мой парень. Они просто ждали шанса наброситься на него так, как в свое время сделала я.

Были еще и проблемы с сексом. Мы не заходили так далеко. Кэмми ночами расспрашивала меня, как далеко мы зашли.

— Мы просто целуемся, — говорила я ей, уже в который раз. Мы уже лежали в наших кроватях, свет был выключен, и Кэмми сосала леденец, издавая прихлебывающие звуки.

— Ты должна почистить зубы, когда закончишь с этим.

— И он никогда не пытался сделать нечто большее? — спросила она, игнорируя меня.

— Я не хочу, чтобы он даже пытался.

— Оливия, смотри, этот парень заставляет меня хотеть секса, и я уверена, что 99% студенток согласятся со мной. В чем твоя проблема? погоди! К тебе приставали?

Она произнесла «при-ста-вали». Я закатила глаза.

— Нет, заткнись. Я просто не хочу. Вот почему, если я не хочу прыгать к нему в постель, то я обязательно подвергалась сексуальному насилию?

— Привееет, Кaleb - мужчина. Он хочет секса, и если ты ему его не даешь, он найдет его где-нибудь еще.

Я перевернулась и отказалась продолжать говорить на эту тему. Что вообще Кэмадора знает об этом? Не первокурсники ли были известны своею глупостью и непостоянством? Не был ли мой отец известен «нахождением секса где-нибудь еще»?

Нет. Я не буду использовать своего отца как оправдание, чтобы снова потерять Калеба. Кaleb был верным, внимательным, и он никогда не подталкивал меня к тому, чтобы делать нечто большее, чем поцелуй, потому что он уважает меня. Я вспомнила последний раз, когда мы целовались. Это было в его комнате, лежа на его кровати. Все его тело было напряжено, он завелся и был готов зайти дальше. Что, если он использовал каждую унцию самоконтроля, когда был со мной? Слово «динамщица» появилось в моей голове, и я заползала подальше под свою крышку стыда.

Не то, чтобы я не думала о сексе с ним. Я все время думала об этом. Но, думать и делать - это две разные вещи. Я не была готова к сексу и не знала, почему.

Лору Холбермен нашли на той же неделе, когда мы с Калемом впервые решили прогуляться. Полиция нашла ее босую, блуждающей в аэропорту Майами. Её веки висели низко над глазами молочного цвета. История Лоры заключалась в том, что ее похитил мужчина, пока она бегала в парке по тропе в двух милях от школы. Зовя на помощь, он утверждал, что растянул лодыжку, и умолял ее помочь. Он попросил довести его до машины, которая была припаркована выше по тропинке. Неохотно, но Лора согласилась. Она взвалила на плечи его вес и прошла короткое расстояние до его белого фургона. Фургоном был старый «Астро». Ржавчина разъедала металл, словно рак. Внимательность могла бы

помочь Лоре. Наглухо затонированные стекла и слегка смятая задняя дверь мигали, словно предупреждающие знаки. Когда она усадила его на водительское сидение, он обронил ключи, позволив им упасть в траву у ног Лоры. Когда она наклонилась за ними, мужчина поднял лом с пассажирского сидения и одним мощным движением ударил Лору в висок. Затем он толкнул ее в спину и отвез в место, которое газеты называют «логовом насильника».

Лора вспомнила, что ее держали в своего рода подвале, но как долго она не могла определить, потому что большую часть времени она была в отключке. Человек, которого она описала как «застенчивого» использовал ее для удовлетворения своих сексуальных потребностей, да и просто ради компании. И вот однажды, без каких-либо причин, он поцеловал ее в щеку и высадил в аэропорту. Она сказала полиции, что его зовут Девон. Лора Холбермен считалась пропавшей без вести около 6 месяцев.

Пока Лора лежала на больничной койке, а полицейские задавали ей различные вопросы, мы с Калэбом были на благотворительном аукционе, который должны были посещать старшие члены братства. Это было одно из тех забавных мероприятий, на которые все приходят в дорогих костюмах и платьях, а официанты кружат по комнате с подносами шампанского. Калэб заметил группу людей, которые собрались в сплоченную группу.

— Я ходил с ними в старшую школу, — сказал он небрежно, стягивая оливку ртом с зубочистки.

— Со сколькими из этих девушек ты встречался? — спросила я, осматривая группу. Почти все девушки были достаточно красивы, чтобы мы могли лицезреть их на обложках журналов, а несколько из них даже встретили Калэба чувственным приветствием, которое заставило моего зеленого монстра хрустеть костяшками пальцев.

— Почему это так важно? — спросил он, и я увидела веселье в его глазах.

— Потому что я открыто тебе сообщила, с кем я целовалась, когда ты хотел это знать, — отрезала я нетерпеливо.

Он улыбнулся и склонил голову, чтобы мягко говорить мне на ухо.

— Адриана Парсево, — его голос был таким тихим, что я должна была напрячься, чтобы услышать его. Я приложила ухо ближе к его губам и вздрогнула, когда почувствовала их рядом с моей мочкой. — Она в маленьком серебряном платье, — я устремила свой взгляд к поразительной девушке, чье платье не прикрывало даже десятую часть ее не заканчивающихся ног. Что за проблема была у Калэба с ногами?

— Мы встречались некоторое время. Она была очень... ммм...экспериментальной, — последнее слово и тон в его голосе намекали на многое, и я почувствовала, как прилив ревности сдавил мою трахею. Калэб, казалось бы, наслаждаясь моей реакцией, продолжил.

— Девушка, с которой она разговаривает, ну та, что пьет мимозу, ее зовут Кирстен, если я не ошибаюсь. У нее есть родинка, которая контуром напоминает Африку, на внутренней стороне ее бедра.

Я тяжело выпустила воздух через нос и посмотрела на него. Он засмеялся озорным и сексуальным смехом, который взволновал спящих бабочек в моем животе.

— Ты сама спросила, Герцогиня...

Я представила его, целующего этих девушек, в то время как его пальцы очерчивали их родинки. Мое дыхание застряло в горле. Я ненавидела их и ненавидела его за то, что они ему нравились.

— Ты хочешь услышать больше? — спросил он, губами прикусывая край моего уха.

— Нет, — неприветливо сказала я, имея в виду именно это. Спрашивать - было большой ошибкой.

Как только мы забрались в его машину, я набросилась на него. Крепко поцеловав его, я перебралась через сидение и забралась ему на колени. Он рассмеялся в мой рот, понимая, что его игра ударила по струнам, и схватил меня за ягодицы. Я проигнорировала этот жест и продолжила работать, вознамериваясь доказать самой себе как же я сексуальна.

Настроение Калеба быстро изменилось, и все улыбки пропали, как только мы переплелись вместе в таком сильном поцелуе, что оба начали задыхаться. Я думала, что умру, когда его пальцы опустили бретельки моего платья, и я почувствовала прикосновение воздуха к своей груди. Потом было нечто большее, чем просто воздух. Его руки и рот нашли меня, и я задумалась над тем, почему я раньше этого не делала. Потом я что-то сказала. Не знаю, что это было, но мой голос, казалось, вытащил его обратно в реальность. Калев оторвался от меня в тот самый момент, когда услышал мои слова, и стал держать меня на расстоянии вытянутой руки. Я никогда не делала ничего настолько бессмысленного и смелого, поэтому мне никогда не приходилось остановиться на таком раннем этапе прелюдии.

— Почему? — Я задыхалась, все еще сжимая его рубашку. Он мягко поцеловал меня в губы. Весь сексуальный заряд пропал. Он включил зажигание.

Я перебралась на свою сторону машины и плюхнулась на сидение. Это произошло потому, что он не любил полумер. Не было никакой «возни» с Калевом. Большинство парней были бы счастливы воспользоваться ситуацией и получить как можно больше. С Калевом же все было по-другому. Ты либо проходишь полностью весь путь, либо остаешься на мелководье поцелуев. Он не будет обесценивать свой путь к сексу, утаскивая меня все дальше и дальше от моего целомудрия, при этом давая мне кусочки того, что я теряла. Я облокотилась на свое сидение, собираясь покончить со всеми своими запретами, выбросив их на ветер. Зачем вообще они нужны? Я едва могла вспомнить ответ на этот вопрос, когда думала о его руках и том, как прекрасно они понимали, где именно ко мне надо прикоснуться.

Я подумала о том, что бы сказала моя мама. Она была бы счастлива из-за того, что я нашла себе такого парня, как Калев, но она все еще опасалась бы его. Мой отец подарил нам целый пакет подозрений, который засел глубоко внутри и каждый раз обнажал свои ужасные зубы. — Оберегай свое сердце, и оно не будет разбито, как в свое время было разбито мое, — очень часто, около двух раз в неделю, говорила бы мама.

Шерри - лучшая подруга моей мамы - подвела жизнь Оливера Каспена к внезапному концу 4 июля того года, в котором мне исполнилось 11 лет. Она использовала свой 22-х калиберный дробовик, чтобы сделать дело, запачкав при этом его мозгами занавеску розового цвета с изображением фламинго, которая висела в душе. Моя мама не знала, что Шерри была одной из тех женщин, которых мой отец использовал ради секса и денег. Она напоминала мне кокер-спаниеля с водянистыми глазами и характером столь же липким, как и сырое яйцо. Я знала о романе своего отца с Шерри, еще до того, как о нем узнала моя мама. Вечерами, когда мама работала допоздна, и мой папа забирал меня из школы, мы навещали его «друзей». Так уж сложилось, что все его «друзья» были женщинами, которые имели доступ либо к деньгам, либо к наркотикам, а порой и к тому, и к другому.

— Ты же не собираешься рассказать свой маме об этом маленьком визите, — сказала Шерри, указывая мне пальцем. — Ей достаточно того, что лежит на её тарелке, а твоему

папе просто нужен тот, с кем можно поговорить.

Они часами разговаривали в комнате Шерри. Иногда по радио играло старье и сигаретный дым просачивался из-под двери. После того, как отец выходил из спальни, он был очень милым со мной. По пути домой мы всегда останавливались, чтобы купить мороженое. Я не потеряла его, когда он ушел. Для меня он был просто каким-то мужчиной, который забирал меня из школы и подкупал мороженым.

Последний раз я видела его примерно за 10 месяцев до его смерти, и все это время он даже не звонил и не поздравлял меня в мой день рождения. Оливер Каспен - мой тезка, умер, оставив меня с кучей плохих воспоминаний и засовом на сердце, к которому только у него был ключ. У меня были проблемы с отцом, из-за которых отношения с Каледом были обречены с самого начала.

Настоящее

Воскресным утром я проснулась в своей кровати. Мои волосы пахнут потом и сигаретами. Я застонала, перевернулась, и меня вырвало в мусорную корзину. Моя мусорная корзина? Я не помню, чтобы ставила ее сюда. Потом я услышала, как в туалете спустили воду.

Боже мой - Кaleb!

Я вжалась в подушку и закрыла глаза руками.

— Привет, великолепная, — Кaleb идет с подносом и ярко улыбается на всю комнату. Я снова стону и прячу лицо в подушку. Прошлая ночь: алкоголь, предательство друга, неловкий телефонный звонок.

— Мне так жаль, что я позвонила тебе. Не знаю, о чем я только думала, — квакнула я.

— Не сожалею, — сказал он, ставя поднос на мою прикроватную тумбочку. — Я испытал немало удовольствия, осознавая, что был твоим первым выбором. — Он поднимает стакан воды, маленькую белую таблетку и протягивает их мне. От стыда я опускаю голову и прикусываю ноготь большого пальца.

— Я также сделал для тебя несколько тостов, если ты, конечно, уже готова для них. — Я взглянула на хлеб с маслом, и мой желудок сжался. Я покачала головой, и он быстро унес поднос.

Мой герой.

— Я звонил в отель этим утром, — говорит он, не смотря в мою сторону. Я выпрямляюсь в постели и чувствую, как моя голова начинает кружиться. — Твой друг выписался прошлой ночью. По-видимому, он очень торопился покинуть город, — Кaleb прислоняется к стене и смотрит на меня сквозь ресницы. Если бы меня так не тошнило, я бы улыбнулась при виде его в моей спальне.

— Друг, ха? — я забавлялась со своим утешителем.

— Это была не твоя вина. Такие мужчины, как он, должны быть кастрированы. — Я кивнула и фыркнула в знак согласия. — Но, если он когда-нибудь снова появится рядом с тобой, Оливия, я убью его.

Мне это нравилось. Мне это очень нравилось.

Заглавная песня сериала «Друзья» доносится из моего маленького телевизора, когда я выхожу из душа. Я шаркаю в гостиную в своем халате и тапочках, осматриваясь вокруг, словно не зная, где нахожусь. Кaleb быстро перемещается на диване, освобождая мне место, и я сворачиваюсь в углу, после чего решаюсь на некоторую честность.

— Ты мне нравишься, Кaleb, — ляпнула я и закрыла лицо в смущении руками. — Господи, это звучит, как признание пятиклассницы.

Он оторвал взгляд от телевизора, его золотые глаза смеялись.

— Ты хочешь встречаться?

Я ударяю его по руке.

— Я не шучу. Это серьезно. Мы вместе - не очень хорошая идея. Ты не знаешь, кто ты, а я точно знаю, кто я, и именно поэтому, ты, вероятнее всего, захочешь спастись.

— Но ты ведь на самом деле не хочешь, чтобы я это делал. — Он был наполовину серьезным. Ну, или, по крайней мере, он больше не улыбался.

— Нет, не хочу. Но это будет к лучшему. — Я просовываю руки в рукава своего халата, нервничая и чувствуя боль в своем животе. К тому же, взгляд, которым он смотрит на меня, не делает все происходящее проще.

— Ты играешь мной здесь, словно с каким-то йо-йо^[27], — говорит он, держа обе свои руки на коленях, словно готов встать в любой момент.

— Знаю, — быстро говорю я. — Мне кажется, я не тот тип девушек, с которыми ты хотел бы дружить.

— Я не хочу быть просто твоим другом.

Я замерла; мое видение покачнулось и расфокусировалось, а мое жалкое и злое сердце начало раздуваться, словно воздушный шарик.

Я в растерянности. Мне не следует поступать с ним так, но я хочу. Потираю виски. Все это было слишком сложно и несправедливо. После трех долгих лет, я много чего хочу, но это не реально. Он не знает, кто я, а если бы знал, то не сидел бы сейчас в моей гостиной.

Я прогоняю воздух через нос. Хорошая Оливия умоляет меня разорвать с ним все раз и навсегда. Она помнит гребаный аэропорто-синий и пятно краски на потолке. Помнит, что случается, когда эти воспоминания прорываются сквозь нашу пустую жизнь и напоминают о том, как ужасно происходящее. Мы поворачиваемся обратно к телевизору. Нам обоим неловко и некомфортно. Пару часов спустя Калеб ушел, высосав остатки надежды из моих легких.

— Запри все двери и позвони, если я тебе понадобится, хорошо? — Я киваю, прикусывая нижнюю губу. Я не хочу быть одна, но я слишком смущена, чтобы просить его остаться.

— Увидимся завтра. — Я посылаю ему сигнал «останься», пристально глядя на его красивое лицо. Он вроде бы колеблется, и на мгновение, мне кажется, что это работает.

— Что случилось? — шепчу я. Пожалуйста, не позволяй ему вспомнить. Пожалуйста, позволь ему вспомнить.

— Ничего... просто мне кажется, будто мы уже делали это прежде... У меня что-то вроде дежавю^[28], понимаешь?

Прекрасно понимаю, потому что вы всегда так мы прощались, когда были вместе. Он никогда не оставался на ночь, потому что я не позволяла.

— Ну, пока.

— Пока, — говорю я.

Я делаю себе чашку чая и устраиваюсь на диване. Однажды я его уже потеряла из-за своей гнилой внутренности. Моя лож начала распутываться одна за другой до тех пор, пока он не стал слишком отягощен ею, после чего посмотрел мне прямо в глаза и попрощался навсегда. Я помню чувство оцепенения, когда я смотрела ему вслед, а затем и всю оставшуюся часть дня, пока не поняла, что он не вернется. Никогда. Тогда, стены моей эмоциональной плотины рухнули вокруг меня. Боль, которую я испытала в первые шесть месяцев, была ужасно сильной, жгучей и усиливающейся каждый день, словно боль в горле. Спустя полгода, когда боль уже стала постоянной, нехватка его не давала мне покоя. Калеб ушел, Калеб ушел, Калеб ушел...

Даже сейчас, когда он вернулся в мою жизнь, я все еще чувствовала его отсутствие. Время, проведенное с ним, я знала, было заимствовано, и вскоре ужасная боль вернется снова. Это лишь вопрос времени, когда он узнает о нашем совместном прошлом и моей цепочке лжи.

Я решила заполучить еще день. Если у меня мало времени, то я должна, по крайней мере, быть с ним так долго, как это возможно. Я поднимаю трубку и набираю номер его квартиры. Он не отвечает, так что я оставляю сообщение на его автоответчике, прося перезвонить мне, что он и делает спустя 10 минут.

— Оливия? Ты в порядке?

— Я в порядке, все хорошо. — Я отмахнула его обеспокоенность, словно он мог увидеть меня. — Я еду к тебе, — быстро говорю я. — Не хочу сидеть в одиночестве, к тому же ты все равно обещал мне ужин.

Я жду, затаив дыхание.

Повисла пауза, в течение которой я кусаю губы и зажмуриваюсь. Может у него есть планы с Лией.

— Отлично, — наконец говорит он. — Тебе нравится стейк?

— Я люблю мясо в любом виде. — Я вздрогнула, когда он засмеялся. — Дай мне направление. — Я записываю серию автомобильных дорог и улиц, которые он мне диктует, но потом отбрасываю ручку в сторону. Я знаю здание, которое он описывает. Его невозможно не заметить, когда едешь через водоканал, чтобы добраться до вереницы шикарных кафе и бутиков, которые выстроились на пляже. В нем около тридцати этажей, сияющих словно «OZ».

Когда я приезжаю, то вручаю ключи от своего «Жука» помощнику камердинера и иду в прохладный вестибюль.

Швейцар приветствует меня. Его глаза изучают меня, начиная с ног и медленно поднимаясь к моему лицу. Я миллион раз видела этот взгляд на лицах друзей Калеба. Я была среди них, но не одной из них. Их глаза были настроены на «Laboutin» и «Gucci», поэтому, когда я появлялась в своей обычной одежде, их взгляды скользили мимо, словно я наскучила им. Большинство их разговоров начиналось с фраз, вроде «Когда я отдыхал в прошлом году в Италии...» или «Новый папин парусник...». В таких случаях я была молчаливым слушателем, который никогда не покидал Флориду, особенно не на игрушечной шхуне своего покойного папочки. Мой папа был из тех парней, которые бросают свои пустые пивные бутылки в мужчин, удачливее себя.

Когда я жаловалась на это Калебу, он обучал меня искусству снобизма.

— Смотри на них так, словно ты знаешь все их секреты, и они покажутся тебе скучными.

Когда я в первый раз сунула свой нос к одной из богатеньких наследниц, она спросила меня, где я купила свои туфли.

— В «Payless», — ответила я. — Правда забавно, наши туфли идентичны, однако на те деньги, что ты заплатила за свои, можно было месяц кормить маленькую страну. — Калев подавился коктейлем из креветок, а наследница никогда со мной больше не разговаривала. Я почувствовала в себе большую власть. Тебе не нужно быть богатым и могущественным, чтобы запугать кого-нибудь, достаточно лишь быть субъективным.

Я не смотрю на швейцара, но быстро моргаю в его сторону, словно он меня раздражает. Он улыбается.

— Вы пришли к кому-то в гости, мисс? Вы в гоооооости, миииисс?

— К Калебу Дрэйку, — говорю я. — Вы не могли бы сказать ему, что Оливия здесь? — И только потом я услышала, как открылась дверь лифта, и увидела, как Рики Рикардо кивнул кому-то за моим плечом.

— Оливия, — говорит Калев, кладя руку мне на поясницу. Я подпрыгиваю от его прикосновения.

Калев улыбается швейцару.

— Этот парень жульничает в покер. Он надул меня на сотню долларов на прошлой неделе. — Маленький придурок сияет в ответ. И почему внимание Калеба превращает людей в живых светлячков?

— Сэр, это были самые честные сто долларов, которые я когда-либо заработал.

Калев хмыляется и ведет меня к лифту.

— Тусуешься с персоналом? — спрашиваю я, когда дверь за нами закрывается.

— Я играю с ними в покер по вторникам, — говорит он, смотря на меня искоса. — Что? Они мне нравятся. Без всякого притворства. Кроме того, я ж не помню никого из своих друзей. — Он позволяет мне выйти из лифта первой, а затем следует за мной. У меня такое чувство, что он смотрит на мою задницу.

— Какое красивое .... место.

Он гримасничает. — Но как-то не по-домашнему, да? Немного грубо.

— Ну, вы оба такие, так что тебе это место подходит.

— Уверен, что могу купить дом за те деньги, которые потратил на эту квартиру.

— И минивэн, — улыбаюсь я.

Он гримасничает. — А вот в этом я не уверен.

— Вот и она, — говорит Калев, останавливаясь у двери с номером «749». — Только не пугайся восемнадцати футовых потолков и плазменного телевизора - они впечатляют, но не стоит их опасаться.

Я следую за его плечами в гостиную.

Его апартаменты впечатляют. Фойе, как выяснилось, такое же большое, как и моя спальня. Оно пустое, за исключением массивной люстры, которая висит над светло-кремовой плиткой. Смотрится здорово. Он ведет меня в гостиную, которая, как он и обещал, имеет невероятно высокие потолки. Вся основная стена - окно, из которого открывается вид на океан.

— А теперь, скажи мне, — говорю я, останавливаясь, чтобы полюбоваться пейзажем, — тебе мамочка помогла отделать квартиру или ты просто нанял кого-то?

— Не знаю, — пожимает он плечами. — Но думаю, если я и встречался с декоратором, то лишь для того, чтобы получить бесплатные советы по обустройству.

— И что это значит? — Я потянулась и прикоснулась пальцем к покрытию огромного атласа, который стоял на подставке.

— А вот кухня, — говорит он, ведя меня в комнату, наполненную нержавеющей сталью. Затем ведет меня в коридор и останавливается, прежде чем открыть дверь.

— Мой кабинет.

Я заглядываю через его плечо в комнату, которая заполнена книжными шкафами высотой до потолка. Мой желудок сжимается от волнения, и я испытываю сильную необходимость пописать. Книги. Замечательные, великолепные книги.

— Ты прочитал все это?

— Надеюсь, нет. Иначе это будет означать, что у меня не было абсолютно никакой жизни до амнезии.

— Ну, не знаю, — говорю я, пока мои глаза бегали по названиям. — Думаю, ты наслаждался хорошей классикой... может, «Большие надежды». — Я вытаскиваю книгу с

полки и кладу ее ему в руки. Он щурится, но не убирает книгу обратно, а кладет ее на стол.

Фотография Лии в рамке стоит в стратегически верном месте. Очевидно, она поставлена ею самой рядом с монитором его компьютера. Это одна из тех фотографий, которые снимаются студии, но при этом фотографы пытаются сделать так, чтобы фото выглядело естественно. Лия смотрит немного влево от камеры, ее рот надут и слегка открыт. «Поцелуй меня, я прекрасная шлюшка», — говорит она в черно-белых тонах.

— Когда-нибудь я хочу иметь огромный кабинет...., — говорит он, следя взглядом за моими глазами, рассматривающими фото Лии. — ....больше книг, которые я еще не читал, камин и один из тех больших, арочных дверных проемов с тяжелым дверным молотком.

— Ты собираешься повесить эту фотографию в своем новом кабинете? — спрашиваю я. Мне больно осознавать, что она так прочно вошла в его жизнь.

Кaleb пожимает плечами и с интересом смотрит на меня.

— Возможно. Но девушка в фоторамке может быть и другая. Я предпочитаю брюнеток. Я поворачиваюсь к нему лицом.

— И моя спальня...

У него черное шелковое постельное белье, которое сейчас все помято, кровать разобрана. Мне становится плохо, когда я думаю о всех тех женщинах, которые кувыркалились на его простынях.

— А где ванная комната? — спрашиваю я тихо. Он ведет меня через спальню, наблюдая за мной взглядом. Душ с шестью разными насадками. Ванна, утопленная в пол, в которой с легкостью может поместиться человек пять. В углу даже встроен небольшой винный бар. Он смеется над выражением моего лица.

— Это еще одна моя любимая комната.

— Вау, — говорю я.

— Если ты когда-нибудь решишь остаться переночевать здесь, то у тебя появится возможность ею воспользоваться. — Вся кровь прилила к моей голове.

Мы возвращаемся обратно в гостиную. Я сажусь на диван, пока Кaleb уходит, чтобы принести бутылку вина с кухни. Он возвращается с двумя бокалами, сбалансированными в одной руке, и бутылкой красного вина в другой.

Наполнив наши бокалы, он протягивает мне один, при этом его пальцы задевают мои.

Когда он исчезает из комнаты, чтобы начать готовить обед, я опустошаю бокал, словно это был шот, и снова его наполняю. Я в любую секунду ожидаю либо появления Лии, либо возвращения его памяти, и мне не хочется быть трезвой, когда это произойдет.

— Итак, могу я увидеть кольцо, которое ты купил для своей миленькой, маленькой подружки? — спрашиваю я, когда он возвращается в комнату. Не знаю, почему я спрашиваю об этом, но уверена, вино сделало меня гораздо смелее.

— Почему ты хочешь увидеть кольцо? — он смотрит на меня из-под ресниц.

Хммммм, потому что хочу увидеть, что могло бы быть моим.

— Любопытство. Я девушка, и мне нравятся драгоценности. Но ты можешь и не показывать его мне, если не хочешь.

Он исчезает в спальне и возвращается, неся маленькую голубую коробочку. «Тиффани». Как предсказуемо.

— Ого, — говорю я, открывая крышечку. Бриллиант огромный. Самая красивая и неприятная безделушка, которую я когда-либо видела. Ну, за исключением Кэмми...

— Ему нужен собственный почтовый индекс.

— Примерь его, — он протягивает мне коробочку и моя рука автоматически ее отталкивает.

— Разве примерять чужое кольцо - не плохая примета?

— Плохая примета для невесты, думаю я, — насмехается он.

— В таком случае... — Говорю я, потянувшись за ним. — Подожди! — Я убираю руку. — Сначала ты должен сделать предложение. — Я протягиваю ему коробку и сажусь обратно, ожидая шоу.

— С тобой все должно быть постановочно, не так ли? — говорит он, вставая и поворачиваясь ко мне спиной. — Попроси, и ты получишь. — Когда он поворачивается обратно, черты его лица немного дёрганные и нервные.

— Браво, — я хлопаю в ладоши.

— Оливия, — начинает он. Я смотрю на него с притворным удивлением. Затем, он вдруг становится серьезным... или кажется таким. Я задерживаю дыхание. — Ты принадлежишь мне. Ты веришь мне? — Чувствую, как начинаю потеть.

Сдерживая дыхание, я киваю. Это должно было быть смешным, но это не звучит весело. Это звучит так, как я буду себе это представлять через кучу лет, сидя одна в комнате с кучей кошек.

— Ты выйдешь за меня, Оливия? Ты единственная женщина, которую я умею любить. Единственная женщина, которую я хочу любить. — Он не опускается на одно колено, да ему это и не нужно. Я покачиваюсь, находясь на краю своей эмоциональной встряски.

Знаю, что должна дать какой-нибудь ответ. Я пытаюсь найти свой разум, но он высох точно также, как и мой рот. И тут вино отвечает за меня. Я целую его, потому что он рядом и у меня нет другого, достаточно хорошего ответа. Это всего лишь касание губами, теплое и поспешное, но он замирает и смотрит на меня. Его брови приподняты в удивлении.

— Я подарил бы тебе бриллиант еще неделю назад, если бы знал, что взамен получу это. Я пожимаю плечами.

Он поднимает мой палец и изучает бриллиантовое кольцо Лии. — Оно выглядит...

— Глупо, — закончила я за него. — Вот, возьми его, — я потянула кольцо, но оно застряло на костяшке пальца. Я попыталась снова. Оно... застряло.

— Чеееерт! — стону я. — Прости, Кaleb. Это была очень глупая идея.

— Не извиняйся. Твои пальцы, скорее всего, просто опухли. Давай подождем немного и попробуем еще раз попозже. — И затем он исчезает на кухне, чтобы проверить ужин, оставляя меня на диване с полупустой бутылкой вина и кольцом, как у Клубнички^[29], на моем пальце.

— Не понимаю, как ты можешь думать не так, как думал раньше? — спросила я, пока мы сидели и ели ужин за столом в его столовой. От вина я стала очень болтливой, и теперь мой язык опасно заплетается. — Сейчас тебе не нравится кольцо, которое ты выбрал еще до амнезии, тебе не нравится девушка, не нравится твоя квартира... Как один человек может в одночасье стать совершенно другим?

— Никто ничего не говорит об отсутствии симпатии к девушке. Она, безусловно, мне симпатична. Просто, возможно, что раньше у меня был один вкус, а теперь он другой.

— Так, значит, амнезия сделала тебя другим человеком?

— Может да, а может и нет. Но амнезия показала, что я уже не тот человек, которым притворялся раньше.

Он прав. За те годы, что Кaleb отсутствовал в моей жизни, он превратился в

профессионального бакалавра, вплоть до этих дрянных, шелковых простыней. Это был уже не мой Калеб. Не тот Калеб, который оставил каплю фиолетовой краски на моем потолке.

— Ты любишь Лию? — слова вылетели из моего рта раньше, чем у меня был шанс проглотить их. Во рту остался горьковатый привкус.

— Она милая, очень добрая и изощренная. Она всегда говорит нужные вещи в нужное время. Но я не могу снова начать испытывать к ней те чувства, которые должен был испытывать.

— Может быть, этих чувств никогда раньше и не было.

— Ты когда-нибудь думала, что пересекаешь черту? — Он опускает столовые приборы и кладет локти на стол.

— Эй, мы - всего лишь двое незнакомцев, которые узнают друг друга. Здесь еще нет никаких черт. — Я отталкиваюсь от стола и скрещиваю руки. Мое настроение испортилось, словно старое молоко, и мне захотелось борьбы.

— Перемирие, — говорит он, поднимая свои руки. И прежде чем я успеваю согласиться, он хватает наши тарелки и несет их на кухню.

Я помогаю ему сложить посуду в посудомойку, после чего Калеб достает лед с кухни и кладет его на мой палец.

Я наблюдаю за движениями его пальцев томным взором. Его следующее движение почти заставляет меня упасть в обморок. Он пытается объяснить мне правила футбола, и я притворяюсь, что мне это интересно, когда он тянется за моим пальцем и мягко кладет его себе в рот. На этот раз кольцо легко снимается. Он достает его из своих губ и помещает в коробочку без лишних слов, а потом относит ее назад в спальню. Я сжимаю и разжимаю свой кулак.

— Мне надо идти, — говорю я, вставая.

— Не уходи, — говорит он.

Мой телефон начинает звонить, и я ухожу от его взгляда, копаясь в сумочке. Мой телефон почти никогда не звонит. Он у меня только для экстренных случаев, ну и для Кэмми. Я ожидала увидеть именно ее номер, когда посмотрела на экран, но вместо него высвечивался номер Роузбад.

— Кто-то вломился в твою квартиру, — кричит она, когда я отвечаю на звонок.

— Успокойся, Роуз, я не совсем понимаю... Что случилось?

— Кто-то вломился в твой дом! — кричит она, словно я попросила ее увеличить звук, вместо того, чтобы говорить яснее.

Я качаю головой, которая все еще наполнена вином. Потом будто щелкнуло. Кто-то вломился в мой дом.

— Сейчас буду. — Я повесила трубку и посмотрела на Калеба. — Кто-то вломился в мою квартиру, — повторила я слова Роузбад. Калеб схватил свои ключи от машины.

— Я отвезу тебя, — говорит он, ведя меня к двери. Калеб ведет машину гораздо быстрее, чем я, и я очень благодарна ему за это. Пока мы едем, я думаю о Пиклз, о котором я забыла спросить у Роузбад. Я, молча, молюсь, чтобы с ним все было в порядке. Калеб провожает меня до двери, где ожидают двое полицейских.

— Вы Оливия Каспен? — спрашивает старший офицер. У него мертвые глаза и куча язвин и шрамов на лице.

— Да. Где моя собака? — Я пытаюсь заглянуть за них, но их тела в униформе создают барьер между мной и входной дверью.

— Мы можем увидеть какие-нибудь ваши документы? — Я вытаскиваю водительское удостоверение из сумочки и протягиваю их ему.

Убедившись, что я Оливия Каспен, офицер отходит в сторону. — Ваша собака у соседки, — говорит он немного добрее. Я вздохнула с облегчением.

Я убедилась, что Калев следует за мной, и переступила порог. Не знаю, что я ожидала увидеть. Но, точно не это. Все, что вор хотел бы украсть, все еще здесь: телевизор, DVD плеер, стерео. Я моргнула в замешательстве, и затем мои глаза узрели творящийся хаос, который раньше был моим домом. Все разбито. Все. Фотографии, статуэтки, светильники. Мой диван исполосован, и внутренности торчат из него, словно белая рвота. Я услышала, как издала звук, наполовину напоминающий всхлип, наполовину вопль. Калев взял меня за руку, и я в ответ вцепилась в него. Я перехожу из комнаты в комнату, осматривая так весь дом. Слезы текут из моих глаз, когда я вижу повреждения или, если быть точнее, уничтожение всего, чем владею. Мой журнальный столик был единственным предметом мебели, который остался неповрежденным. Однако, злоумышленник потратил время, чтобы вырезать на деревянной столешнице слово «ШЛЮХА».

— Это не похоже на ограбление, — слышу я, как Калев говорит одному из офицеров. Я ускользаю в спальню, не дожидаясь его ответа. Я перешагиваю через свою испорченную одежду и свой шкаф.

Коробка памяти, в которой я хранила все памятные для меня вещи, лежит на полу вверх дном. Я опускаюсь на колени и начинаю рыться в антикварных безделушках, с облегчением проводя пальцами по каждой из них, возвращая их обратно в коробку. Здесь почти все. Почти. Я нажимаю ладонями на глазницы и с силой тру глаза. Почему? Почему? Только у одного человека есть причин использовать то, что пропало. Она порождение дьявола, зло с красными волосами и мотивами, такими же большими, как и зад морской богини Урсулы.

Моя голова автоматически поворачивается в сторону Калева. Время. У меня не осталось времени. Сейчас она наверняка была уже на полпути в его квартиру, без сомнения, сжимая доказательства в руках. Я начинаю дрожать. Я не готова. Я еще не могу с ним попрощаться. Не сейчас.

— Мисс? — Полицейский, стоящий в дверях шкафа, смотрит прямо на меня. — Вам необходимо заполнить отчет, чтобы мы знали, что они украли. — Я вижу, как Калев протискивается мимо него и тщательно обходит мои уничтоженные вещи. Он поднимает меня с пола и ведет обратно в гостиную, его руки, словно якоря для моих рук.

Я чувствую, как гнев поднимается к моим глазам, моему носу, моему рту. Он пробегает по моим конечностям и танцует чечетку у меня в животе.

Я хочу схватить эту сучку за её маленькую куриную шею и давить со всей силы до тех пор, пока она не сдохнет. Я нащупала свое спокойствие и повернулась к полицейским.

— Они ничего не взяли, — говорю я, махнув рукой в сторону телевизора. — Это не ограбление.

— Вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы сделать с вами нечто подобное, Мисс Каспен? Может быть, Ваш бывший молодой человек? — говорит он, украдкой бросая взгляд на Калева. Есть ли он у меня? Я сжала зубы. Я могу рассказать ему все прямо здесь и сейчас, ударив эту сучку под дых.

Калев смотрит на меня. Я открываю рот, чтобы сказать им что-нибудь, но Калев меня опережает.

— Расскажи им о Джиме, Оливия, — говорит он мягко.

Джим? Нет, Джим никогда не сделал бы ничего подобного. Нет, это женская работа. Детальная и безупречная.

— Это не Джим, — говорю я. — Пойдем, заберем Пиклза.

После того, как они ушли, Кaleb берет меня за руку и нежно говорит. — Я хочу, чтоб сегодня ты осталась у меня.

Я не собираюсь делать ничего подобного, но молчу, пока не смогу придумать план. Мы запираем дверь и идем к Роузбад, где Пиклз с бешеной истерикой бросается прямо на меня. Роузбад кудахтает вокруг меня, словно наседка, трогая и подталкивая, пока я не схватила обе ее руки, заверив, что я в порядке.

— Подожди здесь, — говорит она, исчезая на кухне. Я знаю, что грядет. Как только Роузбад впервые положила на меня глаз, она решила, что должна заботиться обо мне. Ее первым подарком был охотничий нож, который принадлежал ее дорогому, ныне уже мертвому Берни.

— Если кто-то ворвется, используй это, — она ткнула ножом, демонстративно разрезая воздух, а затем протянула его мне рукояткой вперед. Я была удивлена и шокирована, но все-таки спрятала нож под кроватью.

Сейчас каждый раз, когда Роузбад видит меня, она бежит обратно в свою квартиру, чтобы забрать что-нибудь недоеденное или какой-нибудь излюбленный ею предмет, который она специально отложила для меня. У меня не хватает духа, чтобы отказаться.

Она выходит из кухни, неся большой мешок полный апельсинов, и прижимает его к моей груди. Кaleb вопросительно приподнимает бровь, в ответ на что я пожимаю плечами.

— Спасибо, Роуз.

— Обращайся, — подмигивает она мне. И затем тихим шепотом добавляет, — Ты украла сердце этого парня. Заставь его жениться на тебе. — Я посмотрела на Калеба, который притворялся, что изучает рукоделие Роуз в рамке. Он изо всех сил пытался сдержать улыбку.

Я целую Роуз в морщинистую щеку, и мы уходим. Кaleb взял мои апельсины и подарил мне загадочную улыбку. Почему он это сделал, я так и не поняла.

— Что?

— Ничего.

— Скажи мне...

Он пожимает плечами. — Она и ты. Это очень мило.

Я краснею.

Мы забираемся в его машину и выезжаем на дорогу. Я считаю уличные фонари, пытаюсь придумать способ, как удержать его подальше от Лии.

Когда мы оказываемся возле входа в его дом, я ругаю себе под нос. Мы останавливаемся у его высотки, а я не хочу быть пойманной. Я должна что-нибудь сделать, причем очень быстро.

— Ты можешь остановиться?

— Что случилось? Тебе больно? — Я качаю головой, после чего он направляется к торговому центру. — Оливия?

Мы небрежно останавливаемся на парковке «Wendy's»^[30], и я неуместно думаю о «Frosty»^[31]. Затем мне в голову пришла неплохая идея.

— Мы можем поехать и разбить лагерь на природе? В том самом месте, которое ты видел в журнале.

«...после того как купим «Frosty»? — добавляю я мысленно.

Калеб хмурит лоб, и я сжимаюсь в своем сидении. Он собирается сказать «нет», сказать, что я странная и сумасшедшая.

— Пожалуйста, — упрощаю я, закрывая глаза. — Я просто хочу быть далеко, далеко... — от Лии и правды.

— Это восемь часов езды. Уверена, что хочешь это сделать?

Мои глаза распахиваются, и я яростно киваю.

— Я могу отпроситься с работы. Мы можем купить то, что надо, когда доберемся туда. Давай просто поедem...пожалуйста.

Он прокручивает мое предложение в своей голове, я вижу это в медленных движениях его глаз — сначала по рукам, на рулевое колесо, после чего он кивает.

— Хорошо. Если это то, чего ты хочешь...

Я посылаю свои глубочайшие благодарности Богу и улыбаюсь.

— Хочу. Спасибо тебе. Поехали прямо сейчас.

— Сейчас? Без всего необходимого?

— Ну, у меня все равно ничего нет. Ты же видел мой шкаф. Давай просто сделаем из этого небольшое приключение.

Калеб разворачивает свою машину, и я облокачиваюсь на сидение, желая поплакать. «Немного дольше, пожалуйста, Господи. Просто дай мне еще немного времени».

Шоссе распростерлось перед нами, словно лакированная дорожка. Калеб открывает окно, позволяя ветру обдувать нас, обмахивая нас своими пальцами. Мы покидаем Флориду. Оставляем мой разгромленный дом и мстительную любовницу Калеба. Я в безопасности... сейчас.

— Калеб? — Я тянусь и касаюсь его руки. — Спасибо тебе.

— Не благодари меня, — говорит он мягко, — это для нас обоих.

— Хорошо, — говорю я, хотя понятия не имею, что он имеет в виду. — Эй, а мы можем остановиться и купить «Frosty»?

Мы проделываем восьмичасовой путь в Джорджию за семь часов. Большую часть поездки, мы пребываем в комфортной тишине. Я извожу себя мыслями о Лии и беспорядке, который я оставила в своей квартире. Из-за нервов начинаю грызть свои ногти, но Калеб отводит руки от моего рта. Я пытаюсь найти хотя бы что-нибудь, за что могла бы высказать ему, какую-нибудь плохую его привычку или раздражающий недостаток, но к нему фиг придерешься.

Вскоре я заснула, а когда проснулась, Калеба не было рядом. Я поднимаю голову, чтобы заглянуть в окно и увидеть, что мы остановились у магазинчика. Я прижимаюсь к креслу и жду, когда он вернется назад. Я слышу, что он возвращается, быстро шагая по асфальту. Калеб старается быть как можно более тихим, насколько это возможно, с дверью и ключами, чтобы не разбудить меня. Он не заводит сразу же машину, и я чувствую его взгляд на своем лице. Я жду, думая о том, разбудит ли он меня, чтобы спросить, не нужно ли мне воспользоваться уборной. Но он не разбудил. В конце концов, двигатель заводится, и я чувствую, как его рука касается передачи возле моего колена.

Мы приезжаем в «Quiet Waters Park», когда розовый оттенок солнца уже поднимается ото сна. Деревья одеты в свои осенние пальто, соединяющие в себе листья оранжевого, красного и желтого цвета. Мы останавливаемся на гравии, когда он подъезжает к входу в парк. Я полностью осознаю свою вину, когда вижу парк. Он совсем не изменился с того раза, когда мы в последний раз были здесь. В смятении думаю, узнает ли меня кто-нибудь из

сотрудников, обслуживающих нашу прошлую поездку, но сразу же отклоняю эту идею, как нелепую. В последний раз мы были здесь около трех лет назад, и шансы, что те же сотрудники будут снова обслуживать наш лагерь, ничтожно малы, не говоря уже о том факте, что они видят более сотни лиц каждый год. Кaleb паркуется возле офиса аренды и выключает радио.

— А здесь холодно, — смеюсь я, прижимая колени к груди.

Он закатывает глаза. — Это Джорджия, а не Мичиган.

— Да без разницы, — говорю я хитро. — У нас нет ни одеял, ни теплой одежды, поэтому нам придется использовать жар наших тел, чтобы поддерживать тепло.

Его глаза распахиваются. Я смеюсь над его реакцией и выталкиваю его в открытую дверь.

— Иди уже! — инструктирую я, указывая на офис. Кaleb делает несколько шагов назад (все еще смотря на меня с притворным удивлением), а потом оборачивается к небольшому строению.

Я возвращаюсь на свое место, гордясь своей тупостью.

Кaleb выходит из здания через десять минут в сопровождении пожилой женщины. Когда он достигает машины, она вскидывает руку и машет ему, словно он первая знаменитость в её звездном списке. Ее огромные щеки колышутся, словно наволочки, и я смеюсь. Он всегда заводит друзей... или фанатов. Видно, амнезия не все меняет в человеке.

— Они не позволяют ставить здесь палатки, — говорит он мне, — но у них есть сооружения, которые они сдают в аренду. Выглядят они, как палатки, но гораздо больше по размеру и в них деревянные полы.

Я уже это знала. Когда мы приехали сюда в первый раз, он обманул меня, сказав, что мы остановимся в роскошном коттеджном домике. Я упаковывала сумки, возбужденная тем, что уезжаю из Флориды, ведь я раньше никогда этого не делала, и гадала, будет ли в нашем «домике» камин. Когда мы подъехали к территории лагеря, я в ожидании осматривалась вокруг в поисках домика.

— Где же он? — спросила я, вытягивая шею и всматриваясь в деревья. Все, что я видела — вигвамы, очень похожие на палатки. Возможно, домики располагались дальше в лесу. Кaleb улыбнулся мне и припарковал машину перед одним из вигвамов. Он рассмеялся, когда мое лицо стало белым.

— Я думала, что мы остановимся в домике, — сказала я, сложив руки на груди.

— Поверь мне, это шикарный кемпинг, Герцогиня. Обычно тебе приходится ставить свою собственную палатку, а в качестве пола выступает лишь тонкий холст под ногами.

Я хмыкнула и уставилась на жалкий вигвам. Он обманул меня.

Несмотря на мой первоначальный ужас, оказалось, что это были лучшие выходные в моей жизни, и я навсегда пристрастилась к «шикарному» кемпингу.

— Пойдем и купим себе теплую одежду, — говорит Кaleb, разрушая все тепло момента.

Мы отправляемся в «Super Wal-Mart»^[32] в нескольких милях отсюда, оставляя Пиклз в машине. Кaleb приобнимает меня рукой, пока мы проходим сквозь входные двери. Люди смотрят на нас, словно у нас антенны растут из головы. Некоторые из них одеты в шорты.

— Здесь же холодно, как в Арктике, — говорю я Калебу, и он улыбается, словно я глупая.

— Но не для них.

Я сильно замерзла, хотя здесь и около 50 градусов^[33]. Мысли о холоде заставляют задуматься, какого это - оказаться в снегу. Я подумываю о том, чтобы спросить Калеба о снеге, но потом вспоминаю, что у него не сохранилось о нем воспоминаний.

Сначала мы направляемся в отдел с одеждой. Кaleb находит подходящие толстовки с котятками и надписью «I'm Cat's About Georgia».

— Мы возьмем эти, — говорит он, бросая их в тележку.

Я со смирением смотрю на них и качаю головой.

— Как девушка может выглядеть мило, будучи одета в нечто подобное?

Он ущипнул меня за нос.

— Ты будешь выглядеть мило, даже если будешь одета в грязную мешковину.

Я отвернулась, чтобы спрятать улыбку.

Мы заполняем тележку нижним бельем, спортивными штанами и носками, а затем направляемся в продуктовый отдел.

К тому времени, когда мы стоим у кассы, чтобы расплатиться, у нас уже достаточно еды, чтобы пробыть тут две недели. Кaleb вытаскивает свою кредитку и отказывается брать у меня деньги. Мы надеваем наши толстовки через головы у бесплатной журнальной стойки в фойе, а затем мчимся к машине с огромными пакетами.

— Завтрак, — говорит Кaleb, бросая мне банку вареного арахиса. У меня вытянулось лицо.

— Уверена, я видела по пути «McDonalds». — Я бросаю банку обратно ему.

— Ни в коем случае, — он пихает ее мне в грудь. — Мы же решили делать все правильно. Так что ешь свои орехи!

— Точно, — бормочу я. — Поэтому ты купил электрический обогреватель? — Он смотрит на меня уголком глаз, и я вижу улыбку, подкрадывающуюся к уголкам его губ. Ему всегда нравилось, когда я ему дерзила.

Мы паркуемся на нашей временной гравийной подъездной дорожке около девяти и начинаем заносить наши запасы в палатку. Я обустроилась внутри, раскрывая наши новые спальные мешки из упаковки и располагая их на противоположных сторонах маленького пространства, которое мы делили. Я выглядываю наружу и вижу Калеба, подготавливающего дрова для разжигания костра. После недолгого наблюдения за тем, как его сильные руки берут и укладывают дрова, я перетаскиваю спальные мешки ближе друг к другу. Я должна быть настолько близко, насколько могу, пока я вообще могу быть рядом с ним.

Как только огонь оживает и начинает потрескивать, каждый из нас хватает по бутылке охлажденного пива и уютно устраивается на радужном шезлонге.

— Тебе не кажется это знакомым? — спрашиваю я, поглаживая Пиклз по голове. Кaleb нахмуливает бровь и качает головой.

— Нет, но это здорово. Мне нравится быть здесь с тобой.

Я вздохнула. Мне тоже. — Что ты собираешься делать со своим домом? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Я подумываю о том, чтобы начать все сначала. Честно, я не хочу сейчас думать об этом. Это угнетает, — я открываю крышку вареного арахиса и беру один.

— Мы оба можем начать все сначала, — он открывает другую бутылку пива и подносит ее к губам. Я тихо наблюдаю за ним, жду, пока он продолжит.

— Я собираюсь начать жить своей жизнью. Жить так, как хочу, — говорит он мне. — Я не уверен, кем был до аварии, но судя по всему, я был несчастен.

Я допиваю пиво и вытираю рот тыльной стороной ладони. Лениво думаю о том, не был ли он несчастен из-за меня. Могло ли быть так, что прямо перед автокатастрофой он все еще страдал из-за моего предательства?

Я думаю о Лии, гадая, ожидает ли она нас в его апартаментах, надеясь разбить меня, словно гнилое яйцо, чем я, по сути, и являюсь. Может, мне стоит позволить этому случиться. Это бы ускорило неизбежное. Я могу рассказать ему все прямо сейчас, но потом мне нужно будет делить с ним машину до Флориды. Восемь часов пыток. Я заслужила это. Правда горит за моими губами, и я открываю рот, чтобы выпустить ее. Я могу быстро рассказать всю правду, а затем укрыться. Меня даже посетила идея о том, чтобы позвонить Кэмми и попросить её, чтоб она забрала меня. Я смотрю на Калеба, когда он встает и потягивается.

— Ванна? — говорит он, почесывая грудь. Я указываю на здание, которое стоит, словно неряшливая упаковка для яиц в самом центре палаточного лагеря. Она общественная, и в ней очень сильно пахнет хлоркой. Я наблюдаю за ним, пока он не исчезает в здании, а потом иду к машине, чтобы найти сумку с собачьей едой, которую мы купили. Я копаюсь на заднем сидении, пока не слышу дребезжащий звук. Подтягиваюсь и заглядываю через сидение. Его телефон лежит на приборной доске со стороны пассажира. Он вибрирует, и вижу на экране мигающее имя - «Лия». Оглянувшись через плечо, я удостоверяюсь, что Калеб все еще в ванной и хватаю телефон.

Семнадцать пропущенных звонков и все от Лии. Ничего себе! Она действительно охотится за мной. Передо мной всплывает картинка моего разрушенного дома, и я содрогаюсь. Если Калеб увидит, как много раз она звонила, он точно перезвонит ей. Он слишком внимателен к людям, чтобы позволить им беспокоиться. Закрываю глаза. Я не могу позволить, чтобы это произошло, поэтому удерживаю кнопку питания и наблюдаю, как экран становится черным. После этого я прячу телефон в свой карман.

— Оливия? — Я оборачиваюсь. Мое сердце бьется так сильно, что я чувствую, как стучат мои коленки. Видел ли он то, что я сделала?

Я открываю рот, чтобы придумать какое-нибудь оправдание, но он прерывает меня.

— Пойдем пройдемся, — говорит он.

Прогулка.

— Прогулка?

— Это согреет тебя, — он протягивает руку, и я беру ее. В очередной раз я сбежала от неизбежного.

Я сжимаю зубы, пока мы гуляем. Телефон Калеба ощущается комком вины, лежащим в заднем кармане. Я молюсь, чтоб он не заметил выпуклость, и иду рядом с ним так, чтобы Калеб был с другой стороны от того кармана, где спрятан телефон.

Позже, когда мы возвращаемся в нашу палатку, я говорю ему, что должна позвонить своему боссу.

— Мне нужно предупредить её, что я не появлюсь на работе пару дней, — объясняю я.

— Конечно. Не торопись. Я..хм... — Он показывает пальцем вниз по склону.

— Спустишься? — смеюсь я.

Он гримасничает и уходит.

Я жду, пока он не окажется на безопасном расстоянии, и направляюсь к озеру. Мои кроссовки засасывает в грязь, и я издаю отвратительные звуки.

Мое голосовое сообщение для Берни занимает ровно минуту. Я кратко рассказываю ей о том, что не смогу появиться на работе пару дней, и обещаю перезвонить через несколько

дней. После этого я нажимаю на кнопку отбоя и смотрю через плечо. Калеба нигде не видно. Я достаю из кармана его телефон и включаю. Два сообщения. Я ввожу ключ голосовой почты и подношу телефон к уху. Голос просит пароль. Черт. Я впечатываю дату его рождения, и голос говорит мне, что пароль неправильный. Я пробую год его рождения и... бинго!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Первое сообщение.

«Калеб, это Лия. Послушай...нам, правда, нужно поговорить. У меня очень интересные новости для тебя. Это о твоей новоиспеченной маленькой подружке по имени Оливия. Она не та, кем ты её считаешь. Перезвони мне как можно быстрее, — пауза, затем, — я люблю тебя».

Второе сообщение было оставлено через тридцать минут после первого.

«Это снова Лия. Я, правда, начинаю беспокоиться. Я сейчас в твоей квартире, и все тут выглядит так, словно ты уходил в спешке. Мне, правда, очень нужно поговорить с тобой, малыш. Позвони мне». — Я гримасничаю и захлопываю телефон. У нее есть ключи от его квартиры. И почему я не подумала о том, что у нее есть ключи? Она, вероятно, обыскала всю его квартиру, пока он был в больнице после автокатастрофы. Маленькая дворняжка наверняка уже видела кольцо!

Я смотрю на телефон, взвешивая свои возможности. Нужно выбирать. Либо телефон, либо я.

Я спускаюсь с небольшого холма к кромке воды, и я наблюдаю, как москиты пьяно танцуют на ее поверхности.

— Лия, — говорю я, смотря на телефон Калеба. — Не сейчас, — и бросаю его в воду.

— Оливия, ты видела мой телефон?

Я склонилась над банкой бобов, пытаюсь открыть её дешевым консервным ножом, который мы купили. Роняю и банку, и нож.

— Черт, — говорю я, обходя коричневую лужу, которая ползет по земле к моим ногам.

Калеб хватает другую банку из нашего запаса и открывает ее вместо меня, а потом высыпает её содержимое в разогретый на костре котелок.

— Ты можешь воспользоваться моим телефоном. Он лежит где-то здесь на спальном мешке.

Калеб делает два шага туда, куда я ему указала и опускается на корточки.

— Могу поклясться, что мой телефон был в машине...

— Может ты выронил его в «Super Wal-Mart», — предполагаю я через плечо.

— Возможно...

Я задерживаю дыхание, пока Калеб набирает номер, и молюсь, чтобы он не звонил Лии.

— Мам, — говорит он, и я падаю в облегчении рядом с Пиклз.

— Нет, нет, я в порядке. Я просто решил отправиться в небольшую поездку.. Она звонила? Что она хотела?

Я и не подумала о том, что Лия может позвонить в дом его родителей.

— ...О, она не сказала тебе, зачем? ... Ну, я вернусь через несколько дней, потом и поговорю с ней... Да, я уверен, мам. Я тоже тебя люблю. — Я осторожно наблюдаю за его лицом. Он выглядит обеспокоенным.

— Эй, — сказала я, забирая свой телефон из его рук и закидывая его в свою сумочку.

— Пофлиртуй со мной, пока я разогреваю эти бобы.

Я хватаю его за руку и тащу ближе к обогревателю.

В течение следующих четырех дней мы не покидаем нашу палатку, потому что температура падает до сорока градусов^[34]. Мы едим заварную лапшу и сражаемся за то, кто же будет следующим спать рядом с портативным обогревателем. Когда снаружи становится совсем темно, мы ставим наши шезлонги рядом друг с другом и закутываемся в одеяла, чтобы наблюдать за огнем. Калевб продолжает поднимать вопрос о моем отказе заполнить анкету для юридической школы, и я отвечаю тем, что напоминаю ему о его неспособности сделать предложение Лии. К тому моменту, когда мы глубокой ночью заползаем в свои отдельные спальные мешки, на наших лицах уже всюду сияют глупые, приклеенные улыбки. Каждую ночь Калевб начинает диалог, который заставляет мои пальцы покалывать, даже не смотря на то, что на мне четыре пары носков.

— Оливия?

— Да, Калевб?

— Ты будешь мечтать обо мне этой ночью?

— Заткнись.

И затем он смеется этим красивым, сексуальным смехом.

— Ты любишь меня?

— Прости, что?

— Ты любишь меня? Это довольно простой вопрос. Или ты бы предпочла, чтобы я спросил на другом языке? — Он перекатился со спины на живот, приподнимаясь надо мной. — M'aimez-vous? Vous ama-me tanto como o amo? — Кaleb, который свободно говорит на французском и итальянском, решает похвастаться своими навыками. У меня из-за травы начала чесаться задница, словно от его вопроса.

Мы встречались уже год, и я всячески увиливала от ответа на этот вопрос. И это было довольно сложно, особенно когда Кaleb Дрэйк был всего в дюйме от твоего лица, и смотрел на тебя глазами полными страсти. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоить себя, и вспомнила о миллионах голодающих детей, живущих в Африке. Мы же с ним были сейчас в Джорджии, и отдыхали, к моему великому огорчению, в некоем подобии палатки. Я была уставшая, потная, и на мне была та самая пара брюк, что я носила днем ранее. Мы были здесь уже на протяжении двадцати четырех часов, и все, что я получила помимо этого глупого вопроса - укусы комаров и ноющие мышцы.

— Когда я вернусь домой, то обязательно перечислю денежные средства какому-нибудь ребенку из Кении, — сказала я, почесывая коленку. — Ну, помнишь, ту рекламу детского фонда?

Кaleb посмотрел на меня.

— Я...я...люблю...мороженое.... — сказала я, увиливая от его взгляда, — ... а еще я люблю горячий душ и чистую одежду.

— Оливия? — произнес он предупреждающим голосом.

— Кaleb, — подражала я ему. Он взглянул на меня, нахмурившись, и отвернулся. Да, я не святая. Но и он сам не говорил мне, что любит меня, хотя постоянно задавал мне этот вопрос.

— Почему ты всегда спрашиваешь меня об этом? — вздыхаю я, вырывая травинку из земли. Я начала разрывать ее на мелкие части и разбрасывать на ветру.

— Почему ты никогда не отвечаешь?

— Потому что это сложный вопрос.

— На самом деле, ответ прост. Пятьдесят на пятьдесят. Либо «Да», либо «Нет».

Если бы все было так просто. Разве я люблю его в данный момент? Я люблю его с самой первой встречи....с того момента, когда две наши жизни впервые пересеклись. Мне не хотелось говорить ему, что каждый раз, когда я хотела признаться ему в любви, слова просто застревали поперек горла.

— Ты давишь на меня. — Я оттолкнула его и села, очищая руки от травы.

Кaleb вскочил на ноги, прошелся, а затем повернулся лицом ко мне. Он просто кипел от злости.

— Я никогда ни в чем на тебя не давил.

Я почувствовала, как бледнеет мое лицо. Он был прав. Это была самая ужасная вещь, которую можно было сказать двадцатитрехлетнему парню, который никогда не жаловался на то, что его подружка вечно останавливается на второй базе.

— Ты пытаешься заставить меня сказать то, что я еще не готова сказать, — я

поперхнулась и отвела взгляд.

— Я пытаюсь узнать, в каком направлении мы с тобой движемся, Оливия. Я уже знаю, что ты любишь меня.

Шокированная, я уставилась на него, а он просто пожал плечами.

— Твоя неспособность сказать мне это — серьезная проблема. Я люблю тебя.

Мои губы дрожали. Пафосно, но это случилось. Я почувствовала, как моя грудь вздымается в попытке вздохнуть. Он любит меня.

— Ты не можешь сказать мне это, потому что ты не доверяешь мне. А если ты мне не доверяешь, то я не могу быть с тобой.

Я почувствовала, как паника сдавила мою грудь. Он угрожает мне?

Он по-прежнему возвышался надо мною, поэтому я решительно встала. Но это не сильно изменило положение вещей, потому что он все равно был на фут выше меня.

— Ненавижу тебя, — сказала я, и он начал смеяться.

— Ты сражаешься как ребенок. Я не хочу связываться с тобой. — И он ушел, оставив меня совершенно растерянную, но в тоже время взволнованную новой информацией. Он любит меня. Я рухнула в траву и улыбнулась небу.

Позднее, когда я устала обижаться, сидя на берегу озера, я вернулась назад в нашу палатку. Кaleb еще не вернулся назад после своего красочного ухода, а я уже проголодалась. Я копалась в сумке с продуктами, когда он зашел через откидную створку нашей необычной палатки. Наши глаза встретились, и я выронила пакет с крендельками, который держала. Что-то было не так. На его лице читалась некая взволнованность. Неужели он хотел порвать со мной прямо сейчас? Я подготовилась к этому и начала придумывать различные неприятные слова, которые скажу ему...

— Ты избалована.

— Я сирота, — напоминаю я. — Кто может избаловать меня?

— Я избаловал тебя. Я позволяю тебе слишком многое. Я даю тебе полную свободу, и ты этим пользуешься.

— Ты не владеешь мною, чтобы давать мне свободу, — говорю я, сузив на него глаза. — Каким дураком надо быть, чтобы сказать подобное. — Я отвернулась, но он схватил меня за запястье и потянул назад.

— Я владею тобой, — сказал он, прижав меня к своей груди и крепко удерживая. Я уставилась на него с открытым ртом.

— Нет, — покачала я головой, но теперь я уже не была уверена насчет того, о чем мы говорим.

Мои крошечные запястья так крепко были зажаты в его больших руках, что я даже не пыталась вырваться.

— Отпусти меня.

Он еще крепче прижал меня к себе. Мы были так близко друг к другу, что я могла почувствовать его дыхание на своем лице.

— Кто же тогда владеет тобой? — с вызовом спросил он.

— Я. Ни ты, ни кто бы то ни был другой... никогда. — Я почувствовала себя ужасно глупо, но подняла выше нос и посмотрела на него. Глаза Калеба были холодными и суровыми. Он смеялся надо мной, таким глубоким, хриплым смехом. Потом он посмотрел вниз, мне прямо в глаза, и сказал:

— Ты хозяйка своего собственного тела, да?

— Да, — выплюнула я. Гнев, подобный лаве, бушевал внутри меня. Я уже была готова закипеть.

— Тогда у тебя будут проблемы с управлением им, — подытожил он, и я в замешательстве посмотрела на него сердитыми глазами.

— Что?

Он отпустил мои запястья, точнее даже сказать, отбросил их, но прежде чем я успела сдвинуться с места, он схватил меня за талию и притянул к себе.

Он поцеловал меня, но не обычным поцелуем Калеба, а свирепо перемещая свой рот над моим. Он настолько сильно контролировал свой рот, что при всем моем желании, я не смогла бы ответить на его поцелуй.

Мои руки били его в грудь, пытаясь оттолкнуть от себя эту скалу, но все было бесполезно.

Мое тело начало дрожать в ответ на его прикосновения. Они были настолько мощными, что я была уверена, что вот-вот расколуюсь на части.

Я уловила движение его губ и ответила на его поцелуй, давление за давлением, укус за укусом. Он оторвался от моих губ только тогда, когда ему понадобилось перевести дух, схватить меня за волосы и потянуть голову назад так, чтобы приоткрыть доступ к моей шее.

Калеб отстранился от меня, и на секунду мне показалось, что я победила. Но вместо того, чтобы отступить, он схватил воротник моей футболки и одним рывком разорвал ее сверху до низу. Мои вялые руки перестали сопротивляться и повисли вдоль тела. Я смотрела на него, не веря своим глазам, а он снова захватил меня, целуя мои плечи, плавно передвигаясь на ключицу. Мой бюстгальтер растянулся от щелчка его пальцев, и внезапно мои ноги утратили все желание стоять. Калеб подхватил меня за ноги и положил на спину, нависая сверху надо мной. В этот момент я уже не оказывала ни малейшего сопротивления. Мой разум совсем перестал работать, перестал оправдываться. Я утопала в этом моменте, и на этот раз, я была совсем не против.

— Ты все еще контролируешь себя? — спросил он меня, уткнувшись в мои волосы, пока его руки поднимались по моим бедрам. Я обернулась вокруг него и кивнула, уткнувшись в его шею. Я приняла сознательное решение двигаться дальше по этой наклонной линии, по которой мы сейчас шли. Мне отчаянно хотелось, чтобы он наконец-то заткнулся и продолжил.

— Останови меня, — сказал он. — Если у тебя все под контролем, то останови меня.

Его рука уже добралась до стыка моих бедер, и остановить его - последнее, чего мне сейчас хотелось. В ответ я ногтями вцепилась в его руки. Калеб ухватился за пояс моих тренировочных штанов, и потянул их вниз. Все было расплывчатым - все, за исключением того, что я хотела, чтобы это случилось.

— Так кто владеет тобой? — спросил он.

Что? Неужели мы снова к этому вернулись?

Я открыла глаза и посмотрела на него. Кажется, я начала понимать, что происходит. Калеб все еще был в своей одежде, пока я лежала на полу в одних лишь трусиках. Я полностью потеряла контроль. Он играл со мной. Я позволяю телу обмякнуть и смотрю ему прямо в лицо.

— Так кто же владеет тобой? — повторил он более мягко, положив ладонь на то самое место, где располагалось мое сердце. Он был прав. Мое сердце принадлежало ему, как и все другие, прилегающие к сердцу, куски плоти. Он не был шовинистом^[35]. Так он пытался

сказать мне кое-что. Я все еще думала придерживаться своего первоначального мнения, но взрослая и адекватная часть меня просилась наружу.

— Ты.

Он прекратил шевелиться, и я могла почувствовать, как вздымалась его спина, когда он дышал. Мы расположились щека к щеке, его руки покоились по обе стороны от моего тела. Но потом одним ловким движением он отскочил от меня и встал на ноги, словно кот.

— Спасибо. — Он поправил воротничок и затем вышел из палатки, оставив меня почти голую на полу.

Я заплакала.

Настоящее

— Мне кажется, или на улице действительно минус двадцать градусов^[36]? — Я растираю руки, дрожа. Это наш последний с ним день здесь, и комок страха поселился в моем животе.

— Попробуй пятьдесят, — говорит он, протягивая мне пластиковый стаканчик с кофе.

Я хмурюсь и захожу обратно в палатку, чтобы собрать вещи. Я складываю одежду, когда слышу его голос.

— Оливия, нам нужно поговорить, — я подозрительно смотрю через плечо. Он тербит кольцо на пальце, а это всегда было плохим знаком.

Я вздыхаю, задаваясь вопросом, о чем он хочет поговорить. Неужели о телефоне?

— Конечно. — Я балансирую на самом краю пропасти, осознавая, что наше время утекает, словно песок сквозь пальцы. И тут я вспоминаю предостережение от, как я потом узнала, маньяка, с которым встретила возле музыкального магазина. *«Тебе следует вернуться домой до того, как станет слишком поздно. Небо красное - жди неприятностей»*. Красное, красное, красное...словно волосы Лии.

Я выхожу следом за ним на улицу, все еще держа кофе в руке. Он облакачивается на капот своего автомобиля.

— Что случилось? — Я стараюсь быть беспечной, тихонько вставая рядом с ним.

— Что здесь происходит, Оливия? Что мы делаем?

— Отдыхаем на природе, — заявляю я, но не зарабатываю даже легкую улыбку с его стороны.

Что он хочет, чтобы я сказала?

— Мы... я не знаю, Кaleb. Что ты хочешь от меня услышать?

Кaleb качает своей головой. Он выглядит разочарованным. Неужели он хочет, чтобы я излила ему душу? Но прежде чем я открываю свой рот, он «бьет» меня прямо по нему.

— Ты ничего не хочешь сказать? — задает он контрольный вопрос. Я качаю головой. И почему я всегда вру? На самом деле, это уже похоже на болезнь.

— Ладно.... — неожиданно говорит он. Вместо того, чтобы еще сильнее подтолкнуть меня, он просто начинает убирать наши вещи: спальные мешки, одежду, Пиклз. Когда все они оказались в машине, одна за другой, единственное, что я могу делать, так это смотреть на все это с открытым ртом. Но что я могу сказать? Я хочу быть с тобой, Кaleb. Эти несколько дней были просто уделом мечтаний. С каждой секундой я люблю тебя все больше и больше.

Я загнана в угол. Неохотно, я забираюсь в машину и прячу свои замерзшие руки под мышками. Кaleb включает музыку на полную громкость, игнорируя меня. Это сводит меня с ума. Я думаю о том, что могла бы сказать ему, но я слишком пугливая, чтобы произнести это вслух. Прежний Кaleb имел взрывной характер, и если и этот парень унаследовал его, то мне не очень хотелось бы убеждаться в этом.

Холмы плавно превращаются в равнины по мере того, как Джорджия превращается во Флориду.

Я убавляю громкость, пока мы едем сквозь Таллахасси^[37], и поворачиваюсь к нему лицом.

— Калев, ... поговори со мной.

Я вижу, как дергаются мышцы на его челюсти, и это все, что пробудили мои слова.

— Пожалуйста, поговори со мной, — снова пытаюсь я. Это сложнее, чем я ожидала. Новая тактика.

— Почему ты такой чувствительный? Я не сказала тебе того, что ты хотел от меня услышать, и теперь ты дуешься?

И это срабатывает. Он съезжает с дороги, резко беря вправо. Я слышу, как ворчит Пиклз, когда перекачивается на заднем сидении.

Мы останавливаемся, фиг знает где. Со всех сторон нас окружают только деревья, и лишь дорога виднеется впереди. Калев подъезжает к воротам, похожим на вход в парк. Здесь только три места для парковки, и все они свободны. Калев въезжает на одно из них и жмет на тормоз. Это место действительно пугает. Я нервно ерзаю и смотрю ему в лицо.

— Что мы делаем? — снова спрашивает он.

— Я .... — Я смотрю в окно, отчаянно желая сбежать. Он пытается заставить меня рассказать о своих чувствах, но я не могу сделать этого, в противном случае всплывет вся моя ложь. Не смотря на свою боязнь темноты, я выпрыгиваю из машины.

— Ты куда? — требует он, открывая дверь и следуя за мной. Прежде чем я успеваю закрыть дверцу, он обходит машину и встает рядом со мной, загоняя меня в угол.

Я стараюсь пройти мимо него, но он прижимает меня всем своим телом к двери, упираясь руками по обе стороны от моей головы. Мы стоим нос к носу, и он чертовски зол на меня.

— Что...мы...делаем? — требует он.

Я извиваюсь, пытаюсь выбраться, но он не оставляет мне никакой возможности сделать это. Я упираюсь обеими руками ему в грудь. Почему он всеми возможными способами пытается выжать из меня ответ? Готова поклясться, что сейчас передо мной старый Калев, а не нежный маленький олененок, с которым я имела дело раньше.

— Хорошо, хорошо. Но для начала покинь мое личное пространство...

Он отодвигается на несколько дюймов, и я использую эту возможность, чтобы нырнуть под его руку.

Я игнорирую его крики и сосредотачиваюсь на том, чтобы продолжать ставить одну ногу перед другой. Я пробираюсь в полной темноте, но это лучшая из альтернатив. Мне нужно время подумать. Я иду вперед до тех пор, пока не перестану слышать гул автотрассы. Я в лесу? Нет, я в апельсиновом саду. Несмотря на темноту, я различаю белые цветы, обсыпавшие деревья. Их аромат напоминает мне запах Калеба. И почему все в моей чертовой жизни обязательно напоминает мне о Калебе? Я пинаю ногой ствол дерева.

Я слышу шаги позади себя, поэтому останавливаюсь. Я начинаю подумывать о том, чтобы прямо сейчас рассказать ему все, поэтому я расправляю плечи, готовясь к бою.

Калев появляется из темноты, словно прекрасный призрак. Он останавливается, как только замечает меня. Мы смотрим друг на друга, а потом я скрещиваю на груди руки.

— Что мы делаем? — я повторяю его вопрос. — Я пытаюсь скрыться от своей ужасной и одинокой жизни. Я... — Я делаю глубокий вдох, после чего продолжаю. — Я лживый и лицемерный человек. Я врала тебе. Я....

Ему требуется около трех секунд, чтобы добраться до того места, где стою я. Я начинаю задыхаться, когда он прижимает меня к дереву. Он находится всего лишь в нескольких дюймах от моего лица. Его руки упираются в ствол, блокируя мне все пути для побега.

— Хватит, — говорит он. — Прекрати.

Я смотрю ему в глаза, а затем отворачиваюсь. Почему он все усложняет? Я просто хочу прекратить уже все это...

— Посмотри на меня, — требует он.

И я смотрю.

— Ты оправдываешься, играя со мной в игры, — говорит он.

— Нет, я...

— Да. Ты. Меня не волнует, что ты сделала. Меня волнует, что ты чувствуешь.

Он выглядит очень рассерженным, поэтому я отступаю назад к дереву до тех пор, пока моя спина не прислоняется к коре. Он хочет получить честный ответ, но я уверена, что нужно быть поистине честным человеком, чтобы дать его ему. Я облизываю губы, и думаю....думаю. Около миллиона мыслей в день, и все они о Калебе. Все, что мне нужно сделать, так это заставить их выйти из моего рта.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

Он не выглядит удивленным.

— Что еще?

Его губы. Все, что я сейчас вижу - это его губы, такие полные и чувственные. Мое дыхание учащается.

Если наклонюсь немного вперед, то наши губы соприкоснутся. Но уже я знаю по своему опыту, что он не даст мне то, что я хочу до тех пор, пока я не дам ему то, что он хочет.

Мое упрямство вступает в игру. Я поворачиваю голову в сторону. Он поворачивает её обратно легким движением своих пальцев.

— Оливия... — предупреждает он. Его глаза проделывают отверстия в моей голове. Рукой я ощущаю жар его груди, и я знаю, его сердце бьется также быстро, как и мое.

— Скажи это, Оливия. На этот раз, черт возьми, скажи это. — Он смотрит на мои губы выжидающе. Я думаю о лжи. Мне не нравится, каким напористым он стал. Мне было очень комфортно играть в игры.

— Я хочу.... чтобы ты.... — Я ищу подходящее слово, но не могу его найти. — Может, ты сначала просто поцелуешь меня, а затем мы узнаем, что я чувствую?

Он зажимает язык между своими зубами и смотрит на мой рот так, словно изучает его. Я практически падаю обморок.

Он перемещает руки, убирая одну из них с моего предплечья и упираясь ею в ствол дерева выше моей головы, второй же рукой приобнимая меня за талию.

Мы стоим лицом к лицу, соприкасаясь лбами. Мое дыхание учащается, грудь приподнимается в ожидании. Понимаю, что звучит как клише, но бабочки начинают порхать в моем животе, покалывание и тепло распространяются по телу, сигнализируя о сильнейшей форме желания, которую я когда-либо испытывала.

Держась обеими руками за его рубашку, я усиливаю хватку. — Чего ты ждешь?

Играющий, влюбленный в рыжую, симулирующий придурок!

Он прищуривается, и мне хочется поцеловать морщинки, которые образуются на внешних уголках его глаз. Его голос звучит грубо и одновременно искренне, когда он говорит:

— Если я тебя поцелую, то уже не остановлюсь.

Я закрываю глаза. Это угроза. Очень хорошая угроза.

— Я и не прошу тебя об этом, — шепчу я напротив его губ.

И в этот момент я чувствую прикосновение его губ к своим, и мне хочется умереть. Он прикусывает мою нижнюю губу, оттягивая ее назад. Мои руки покидают его грудь, обвивая его шею.

— Ты сказал никаких игр.

Он улыбается напротив моего рта. Я стою на цыпочках, прижимаясь к каждому теплomu дюйму его тела. Один нежный поцелуй.. второй..третий. Его поцелуи отражают его индивидуальность. Он любит дразнить, чередуя быстрые и медленные, жесткие и мягкие. Я уже начинаю привыкать к его ритму, когда его язык скользит в мой рот. Я смущенно вдыхаю, задыхаясь. Он снова улыбается, и это так чертовски сексуально. Я целую его еще сильнее.

Еще несколько легких, порхающий поцелуев, а затем он начинает набирать обороты. Наши рты врезаются друг в друга, словно два разъяренных грозowych облака. Его руки перемещаются вверх по моему животу.

Я начинаю ответную атаку, ведь он умудрился свести меня с ума. Я целую его за все то время, на протяжении которого я не получала его поцелуев, за все то время, на протяжении которого он целовал Лию вместо меня. Я целую его потому, что именно я все разрушила, а ведь я могла бы целовать его каждый день. Он прерывает поцелуй, чтобы поцеловать чувствительное место на моей шее.

— Оливия, — произносит он мне на ухо. Я дрожу от звука его голоса. Когда его голос понижается, прямо как сейчас, я знаю, что он говорит серьезно. Мы оба тяжело дышим.

— Ты любишь меня?

Я оцепенела. Мурашки бегут по моей спине.

Он хватается меня за подбородок, поворачивая его к себе.

Я понимаю, что если не отвечу ему, он уйдет. Мне хочется быть честной с ним, хочется сказать, как долго я уже люблю его, рассказать, почему я люблю его, но все, что я могу сделать, так это прошептать слабое: — Да.

— Скажи это, — говорит Калев.

Я стиснула зубы.

Он трясет меня. — Скажи это.

Откуда он знает, что нужно сделать, чтобы я это произнесла?

— Я люблю тебя! — кричу я на него. Он выглядит так, словно я только что ударила его. Я сумасшедшая.

Я тянусь к его талии, прикасаясь к пуговице его джинсов. Он совсем не ожидал этого.

Он оцепенел. Его тело напряжено. Я целую Калеба, пытаюсь сломить его сопротивление. Это срабатывает, и он обрушивается на меня, словно цунами. Он прерывает поцелуй, чтобы снять рубашку, а затем возвращается так быстро, что я едва успеваю вздохнуть.

Я протягиваю руки, чтобы прикоснуться к нему. Его мышцы напрягаются под моими пальцами. Он невероятно красив: широкие плечи, узкая талия. Я убираю свои руки, неуверенная в себе. Калев хватается меня за запястья, возвращая мои руки обратно на свою кожу. Он эксперт в этом деле, а я новичок, и это понятно нам обоим. Он напирает на меня, управляя моментом. Снимая мою рубашку через голову, он целует мои плечи, одновременно расстегивая бюстгальтер. Я снимаю штаны.

Он отступает назад и смотрит на меня. Я раздавлена этим диким, мужским моментом,

но позволяю ему наслаждаться видом, потому что никогда не делала это раньше. Мне кажется, что я нахожусь на обозрении всего мира. Я никогда не позволяла никому видеть меня голой.

Когда он заканчивает любоваться на меня, то притягивает меня к себе.

— Господи, Оливия, — говорит он, уткнувшись в мою шею. Я не знаю, что означают его слова. Я отступаю назад, чтобы взглянуть на его лицо. Выражение его глаз изменилось. Оно уже не такое спокойное, каким было раньше. Они больше не смеются. Они полны желания и похоти. Я так боялась этого момента.

Он приподнимает меня одним легким движением, и я ощущаю прохладное покалывание травы своей спиной. Я могу почувствовать запах цветов апельсинов в воздухе. Я обвиваюсь вокруг него, ожидая.

Он владеет временем, владеет мной. Наши глаза закрыты. Я не знала, на что это будет похоже. Мне хочется застонать. Хочется вцепиться ногтями ему в спину и обхватить его ногами, но я слишком гордая, чтобы сделать хоть что-нибудь из этого. Он увлеченно наблюдает за моим лицом. Он хочет увидеть реакцию, но все мои чувства спрятаны внутри, и он не может их разглядеть...

Он входит, затем выходит и снова входит. Посасывает мою нижнюю губу. Смеется мне в рот. Я убираю голову назад, чтобы взглянуть на него.

— Ты - та самая ...

Я не знаю, что он имеет ввиду. И не хочу знать, ведь сейчас мне так хорошо.

Он хватается меня за запястья, фиксируя их над моей головой.

— Расслабь ноги.

Впервые в жизни я делаю то, что мне говорят. И к моему удивлению, все ощущается еще лучше. Я сжимаю губы и поворачиваю голову в сторону, что спрятать от него свое лицо. Он пробегает зубами по мочке моего уха, и мурашки вновь пробегают по всему телу. — Посмотри на меня. — Его голос немного хриповат. Я смотрю на него. Он двигается жестче. Мое дыхание сбивается. Жестче... и я дышу так, словно только что пробежала марафон.

— Так хорошо чувствовать тебя...

И это срабатывает. Нечто, напоминающее стон, срывается с моих губ в районе его ключицы, когда я прижимаю свое лицо к его груди. Когда я снова поднимаю на него глаза, на его лице читается выражение, а-ля «Эврика!». — Так вот как я могу заставить тебя стонать?

И после этого он говорит поистине грязные вещи мне на ухо. Он нашел мое слабое место. Я издаю стоны, о которых буду жалеть до конца своих дней.

Я ощущаю, что подхожу к вершине наслаждения, но не хочу, чтобы все заканчивалось. Он полностью контролирует мое тело и разум. Я не люблю терять контроль над собой. Когда он прижимает голову к моему плечу, я пользуюсь возможностью изменить положение наших тел, чтобы оказаться сверху. Он позволяет мне в течение нескольких минут управлять нашими движениями, после чего берет под контроль мои бедра. Двое могут играть в эту игру. Я наклоняюсь, чтобы прошептать ему на ухо:

— Жестче, Калев...и не вытаскивай... — Его глаза закрываются, и его пальцы зарываются в моих бедрах. Я ощущаю свою маленькую победу до тех пор, пока он не переворачивает меня на спину.

«Я бы этого не делала», — мой оргазм отвечает на его предложение.

Но я не произношу ни слова.

Мы не разговариваем по пути домой. Калев помог мне навести порядок в своей квартире. Мы заполняем с десятков огромных мусорных пакетов остатками того, что раньше было моей жизнью, запикивая сломанные тарелки и стаканы в один мешок, а ключи моей одежды - в другой.

Мы работаем в тишине, и лишь радио играет на фоне. Я делаю перерыв от того, чем занимаюсь, чтобы подумать о том, что произошло в апельсиновой роще.

Я ощущаю вкус соленых слез на своих губах, когда вытаскиваю фотографию Томаса Барби^[38] из треснувшей рамки. Это всего лишь плакат, но он мой, и я любила его. Прежде чем я смогла скомкать его, Калев выхватил его из моих рук и убрал в сторону.

— Мы можем исправить это, — говорит он, пробежаясь пальцами по моей скуле.

Когда я нахожу антикварную фарфоровую статуэтку, принадлежащую когда-то моей бабушке, разбитой в углу на полу, то запираюсь в ванной, чтобы поплакать. Калев, ощущая значимость расписанной в ручную статуэтки, оставляет меня и незаметно убирает все осколки за исключением головы, которой чудом удалось уцелеть. Я нашла ее позже, завернутую в папиросную бумагу и убранный в коробку, где были и других уцелевшие предметы, которые, по мнению Калева, мне хотелось бы сохранить. Когда все, что раньше было моим, было уложено в десять мешков, стоящих у парадной двери, Калев обнимает меня и уходит. Я прислоняюсь к окну, выходящему на автостоянку, и наблюдаю за тем, как он направляется к своей машине. Я испытываю настолько сильное чувство одиночества, что мне кажется, словно мои легкие закрываются. Я прижимаю ладони к вискам, сдавливая их. Я не могу больше так. Не могу больше лгать. Он слишком хороший и не заслуживает всего того, что я с ним сделала. Он заслуживает того, чтобы узнать правду от меня, а не от Лии. Я бегу к двери и открываю ее нараспашку. — Калев, подожди!

Он практически дошел до своей машины, когда останавливается и оборачивается.

Я бегу к нему, не беспокоясь насчет того, что я все еще одета в старый шерстяной свитер. Подбежав, я обнимаю его.

— Прости меня за то, что я была таким ужасным человеком, — говорю я, прижимая свое лицо к его груди. — Мне очень жаль.

— О чем ты говоришь? — он берет меня за подбородок, приподнимая его, чтобы взглянуть на мое лицо. — Ты хороший человек.

— Нет, я не такая, — я яростно качаю головой из стороны в сторону. — Я ужасно испорченная. — Он улыбается, поглаживая меня о спине, словно я ребенок. Затем он наклоняется, и я ощущаю прикосновение его губ на своей шее. Он целует меня, слегка прижимая свои губы.

— Почему ты продолжаешь говорить подобное о себе, — смеется он нежно. — Ты нравишься мне такой, Ужасно Испорченная. — Его ноги начинают перемещаться в такт тихой мелодии, и я начинаю двигаться вместе с ним. Я чувствую прикосновение холодного воздуха к своим босым ногам, его теплых рук к своей спине, которые затем переплелись с моими пальцами.

— Это все, что меня волнует, Оливия.

— Ты изменишь свое мнение, — говорю я ему, — когда узнаешь ... кто я на самом деле.

— Я уже знаю, кто ты.

Я качаю головой, пока неизбежные слезы наполняют мои глаза.

— Ты ничего не знаешь.

— Я знаю все, что должен знать. Ничего не говори.

Потом я закрыла свой рот, закрыла крепко-накрепко, избежав своего признания ... снова. Я чувствую, как правда решительно борется со временем. Но прямо сейчас он напевает «Yellow», ^[39] и мы танцуем под небом, обнимая друг друга в последний раз. Пусть Лия расскажет ему. Я останусь трусихой.

Позже этим же вечером, я сижу на диване, одетая в халат, укутав мокрые волосы полотенцем, когда раздается резкий стук в дверь.

Я отбрасываю полотенце в сторону и широко распахиваю дверь, надеясь увидеть Калеба.

— Здравствуй, Оливия.

Лия.

Она улыбается мне, словно мы с ней старые подруги.

— Какого черта? — говорю я скорее себе, нежели ей, но она выглядит удивленной. Я отхожу в сторону, пропуская ее.

Она теребит волосы, накручивая прядь вокруг своих молочно-белых пальцев, и небрежно осматривает комнату.

— Ты прибралась.

Я приподнимаю брови, словно скучая. Если она пришла воевать, то мне это не интересно.

— Итак... — говорю я, — что тебе нужно?

— Оу, я здесь, чтобы заключить с тобой сделку, — она выжидательно смотрит на меня, сужая свои ореховые глаза.

От нее воняет дорогими духами и новой одеждой. Я наблюдаю, как она облакачивается на спинку дивана, словно она слишком хороша, чтобы сидеть на нем. Она похожа на китайскую статуэтку из благотворительного магазина. Я иду в ее сторону, сталкиваясь с ней взглядом.

— Говори, зачем пришла и убирайся отсюда, — требую я.

Она прокашливается, издавая легкое щебетание, и кладет руки на колени.

— Уверена, ты знаешь, что кое-какие компрометирующие тебя вещи находятся теперь в моем распоряжении.

— Да, я знаю, что ты украла мои письма и фотографии, — отвечаю я.

— Признаюсь, то, как ты снова притянула к себе Калеба, выше всяких похвал, — она достает портсигар с монограммой из своего клатча и открывает крышку. — Он рассказал мне, как ты манипулировала им, как только вы начали встречаться. Вау!

Она берет в руку сигарету, прокручивая ее между пальцами. Я вспоминаю, как Джим делал тоже самое. Я теряю все свое восхищение данным процессом.

— Ты словно насморк, Оливия, который сам по себе не пройдет. Но ты уйдешь и оставишь меня с моим женихом в покое.

— Он такой же твой жених, как и мой, — отрезаю я. — На самом деле, насколько я знаю, коробочка с обручальным кольцом все еще лежит в ящике с носками, и он не планирует надевать его тебе на палец. — Я удовлетворенно смотрю, как цвет пропадает с ее лица.

— Если бы не было этой аварии и если бы ты не показала снова на горизонте, то я бы

уже прямо сейчас носила это кольцо. А знаешь почему? Потому что он выбрал меня. Он бросил тебя и встретил меня. Ты просто его маленькое увлечение. Ты совсем ничего не значишь для настоящего Калеба. — Она задыхается. Ее глаза пылают огнем, как и ее волосы.

Я чувствую, как порох воспламеняется в моих жилах. Она ничего не знает о Калебе. Я была той, в кого он впервые влюбился. Я была той, кто причинил ему больше всего боли. Я была связана с ним разбитым сердцем и слезами сожаления, и видит Бог, это гораздо более крепкая связь, чем у нее когда-либо возникнет с ним.

— Если ты считаешь, что я ничего не значу для него, то почему тогда ты сейчас здесь?

Она обдумывает мои слова.

— Я здесь, чтобы предложить тебе спасение. — Я подозрительно наблюдаю за тем, как ее алые губы обвиваются вокруг сигареты.

— Я вся во внимании.

— Если Калек узнает о том, как ты использовала его, то.... думаю, ты знаешь, что тогда произойдет, — она стряхивает пепел на мой кофейный столик. — Если ты прекратишь видаться с ним, если ты исчезнешь, то я не расскажу ему ничего.

— Не расскажешь ничего? — Я издеваюсь над её выбором слов, который напоминает речь воспитателей из детского сада, и закатываю глаза. — Он узнает, что я сделала, когда память вернется к нему. Что изменится для меня, если ты сейчас расскажешь ему, по сравнению с тем, если он сам узнает об этом позже?

— Ты получаешь возможность уйти по собственному желанию. Сохранить некое подобие целостности. Подумай об этом, дорогая. Подумай, как ты будешь унижена, когда он обнаружит твою маленькую ложь. Будут обиды, слезы, боль, и понадобится гораздо больше времени, чтобы все это зажило. Не пойми меня не правильно. Ты меня совсем не заботишь. Я делаю это ради Калеба, которого хочу защитить.

— Мне трудно поверить, что единственное, о чем ты беспокоишься в данной ситуации, это Калек, — вкрадчиво говорю я. Она встает, бросая окурок от своей «Чарльстон»^[40] на мой ковер, и тушит его ногой.

— Это ты у нас эгоистичная сука, Оливия. Давай не будем путать происходящее. Я никогда не делала то, что делал ты! Никогда! — Ее слова жалют меня своей правдой. Даже эта больная женщина никогда не обманывала человека, которого любила. Я настолько потрясена ее словами, что делаю угрожающий шаг в ее сторону.

— Когда я встретила его, он все еще пытался справиться с болью, которую ты ему причинила, — она указывает на меня пальцем. — Мне потребовался год, чтобы убедить его в том, что ты этого не стоишь. Год, — шипит она. — Ты всего лишь белое отрепье, и я не позволю тебе снова быть рядом с ним! Ты понимаешь меня?

И я понимала. Возможно, если я боролась бы за него также, как это сейчас делает она, мы все еще были бы вместе.

Я вздохнула. Если я откажусь от ее предложения, она пойдет прямо к Калебу со всеми доказательствами. Конечно, я могла бы смириться с погромом в квартире и шантажом, но даже в своей совокупности ее «преступления» были ничем по сравнению с тем, что сделала я. Я была диареей, в то время как она была всего лишь расстройством желудка. А что насчет Калеба? Он, несомненно, бросил бы Лию, если бы узнал, что она сделала, даже несмотря на то, что это причинит ему боль и сделает его одиноким. Каким монстром я должна быть, чтобы разбить ему сердце...снова? Неужели только так я могла досадить Лии? Если я исчезну, то со временем он забудет обо мне. Как делал это раньше.

Я уступаю.

— Хорошо. Убирайся. — Я иду к входной двери и открываю ее, даже не взглянув на Лию. Я хочу, чтобы она убралась из моего дома и из моей жизни. Не было ни одного человека, которого бы я ненавидела больше, чем саму себя. Она держит паузу, пока идет к выходу, смотря мне в глаза. Сука.

— Я всегда выигрываю. — Она бросает конверт у моих ног и уходит. Я захлопываю дверь, после чего пинаю ее ногой. Я хожу по квартире, выкрикивая всевозможные ругательства, какие только могу придумать.

Пришло время забыть его. Мне кажется, словно мое сердце вот-вот взорвется от боли. Мне нужно убраться отсюда, из этого места, насыщенного Каледом. Именно! Решено. Я уезжаю отсюда и никогда больше сюда не вернусь.

Прошлое

Я была представлена гадюке, которую Кaleb называл «мамой», в первый день сентября спустя всего лишь пару месяцев после нашей первой годовщины. Мы подъехали к двухэтажному особняку с колонами около четырех часов. Кaleb припарковался возле большого фонтана, который выплевывал воду прямоком в мою сторону. Я отвернулась, почувствовав себя оскорбленной.

— Это всего лишь статуя, Герцогиня, — сказал он, с улыбкой глядя на меня. — Она не кусается. Я пару раз по-пьяни залезал в этот фонтан, и думаю, тебе стоит об этом знать.

Я слабо улыбнулась и стала обходить машину вокруг по наиболее длинной траектории, чтобы избежать встречи с ним взглядом.

Кaleb взял меня крепко под руки, и мы пошли к входной двери. У меня было отчетливое впечатление, будто он думал, что мне хочется сбежать. А ведь мне, и правда, хотелось.

Когда дверь распахнулась, я получила краткий проблеск того, что его мама думает о встрече со мной. Она была застигнута врасплох, возможно из-за того, что мы приехали минутой ранее, нежели она ожидала. Ее лицо было угрюмым, когда она посмотрела на своего мужа, словно они только что обменялись не лучшими словами. Я видела, как неодобрительно он посмотрел на нее, и я ощущала нутром, что этот взгляд посвящался мне. Секунду спустя напряжение, повисшее ранее в воздухе, убежало под коврик, и они оба заулыбались нам, приветствуя меня в своем доме. Я стояла в стороне, словно забытый аксессуар, пока Кaleb обнимал свою маму, целуя в щеку. Она оценивала меня даже тогда, когда гладила его по волосам, вслух восхищаясь тем, каким красивым он был. Я чувствовала ее неприязнь, пока ее глаза переместились от моих волос обратно к моему лицу, и она вежливо попросила сына представить нас друг другу. Наконец, Кaleb похлопал своего отца по плечу, в поистине мужском приветствии, а затем повернулся ко мне.

— Это Оливия, — услышала я и, робко улыбаясь, вышла из-за его широких плеч.

Его дорогая мама посмотрела на меня с отвращением и сделала шаг вперед, чтобы пожать мне руку. Я была раздосадована ее, не заставившей себя ждать, неприязнью. Мне хотелось получить ее одобрение. Я хотела заполучить его также сильно, как я хотела ее сына.

— Кaleb, ты нашел себе самую прекрасную девушку во всей Флориде, — сказал его отчим, подмигивая мне. Я расслабилась.

— Очень приятно наконец-то познакомиться с тобой, — кивнула его мать.

Я увидела, как Кaleb перевел взгляд от меня к своей матери, и все внутри меня сжалось. Он все понимал. Я посмотрела вниз на свои дешевые туфли, сгорая со стыда. Я купила их специально для этого случая. Мне хотелось бы уметь лучше скрывать от него происходящее. Я пожалела, что не купила более дорогую пару обуви.

— Ужин уже готов. Давайте пройдем в столовую? — Она легким движением запястья велела нам следовать за ней. Дорога до столовой была невероятно мучительной. Я почувствовала себя изгоем, не вписывающимся их окружение. Мама с сыном шли передо мной, прижимаясь друг к другу плечами. Она смеялась над всем, что он ей говорил. Отчим Калеба исчез сразу же после того, как было озвучено приглашение к столу, и появился вновь только тогда, когда мы все уже сидели за столом. Я с горечью подумала о том, что они даже

не заметят, если я вдруг исчезну.

Я сидела, вжавшись в кресло, пока отчим Калеба задавал мне вежливые вопросы, касающиеся моей учебы в университете, в то время как его мама смотрела на меня, словно на индейку в День Благодарения^[41]. Люка, как все ее называли, была около пяти футов ростом с длинными светлыми волосами и потрясающе голубыми глазами. Она была похожа скорее на старшую сестру Калеба, нежели на его маму, и я подозревала, что за это стоит поблагодарить целую команду пластических хирургов. Она была красивой, прекрасно воспитанной и самоуверенной, и я уверена, что она считает, что я не достаточно хороша для Калеба.

— Чем занимаются твои родители, Оливия? — спросила она меня, положив на свою тарелку тонкий кусочек баранины.

Я никогда раньше не ела баранину и сейчас я пыталась размазать каплю мятного желе по одному из кусочков.

— Оба моих родителя мертвы, — сказала я. Дальше последовал вопрос, ответа на который я боялась больше всего.

— Ой, мне очень жаль слышать подобное, но могу я поинтересоваться, что с ними случилось? — Я взглянула на ее жемчужные украшения и кремового цвета брючный костюм, и мне захотелось сказать, мол: «Нет, не можете!», тем же надменным тоном, каким она разговаривала со мной. Но вместо того, я прикусила свой язык ради Калеба.

— Мой отец покончил жизнь самоубийством, когда мне было тринадцать, а моя мама умерла от рака поджелудочной железы, когда я училась в выпускном классе старшей школы. Когда они еще были живы, моя мама работала учительницей пятых классов, а отец постоянно менял свою работу с одной на другую.

Она выглядела невозмутимой, но я заметила, как напряглась ее рука, когда она сжала ножку бокала. Я не была фифочкой. Я всего лишь пятно грязи в роскошном обществе, которым она жила. Она сойдет с ума, если я стану ее невесткой.

— Как ты с этим справляешься? — она выглядит невероятно милой на этот раз, даже чересчур милой, но я понимаю, что сейчас Калев видит в ней очень хорошую мать.

— Вы будете удивлены тем, с чем может справиться человек, когда у него нет другого выбора. — Калев сжал мою руку под столом.

— Должно быть, тебе было очень тяжело, — говорит она.

— Было, — я закусила губу, потому что сейчас мне захотелось заплакать. Я попала на ее сладость, словно гребаная мушка дрозифила^[42], и теперь ей удалось разоружить меня.

— Калев, дорогой, — сказала она своим медовым тоном. — Ты принял решение насчет Лондона?

Лондон? Я взглянула ему в лицо. Он задержал дыхание. Его янтарные глаза светились.

— Нет. Мы еще не обсуждали это.

— Хорошо, но ты лучше поторопись, такая возможность не будет ждать вечно. Кроме того, я не вижу причин, почему ты не можешь поехать, — она многозначительно посмотрела в мою сторону.

— Лондон? — тихо произнесла я. Я заметила, как приподнялись ее брови у уголков глаз. Злорадствует.

— Это пустяки, Оливия, — он слабо улыбнулся. Я знала, что это совсем не «пустяки».

— Калебу предложили работу в Лондоне, — сказала Люка, сложив руки и облокотив на них подбородок, — в очень престижной фирме. И конечно, он по-прежнему считает Лондон

своим домом, потому что все его друзья и большинство родственников все еще живут там. Мы очень сильно поддерживаем его желание переехать.

Мой разум опустошен. Мне показалось, словно кто-то просто окатил меня сверху холодной водой из ведра.

— Я не хочу переезжать, — он смотрел на меня сейчас, только на меня. Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь понять, был ли он искренним. — Возможно, когда ты закончишь учиться, то захочешь отправиться туда вместе со мной. И тогда этот переезд станет возможным. Но, пока ты здесь, я тоже буду здесь.

Я замерла. Он только что пренебрег своей матерью из-за меня, давая ей понять, что я была номером один среди его приоритетов. Если бы существовал алтарь Калеба, то я бы с удовольствием ему поклонялась.

— Кaleb, ты же это не серьезно, — лицо его матери дрожало, пока ее воспитанность сражалась с ее негодованием.

— Ты совсем не знаешь её. Не думаю, что тебе стоит принимать решение, основываясь на очередном увлечении.

— Достаточно, — сказал он спокойно, но было понятно, что он взбешен.

Кaleb бросил свою салфетку на стоящую перед ним тарелку и отодвинул стул. — Ты действительно думаешь, что, если бы Оливия была очередным увлечением, то я привез бы ее сюда знакомиться с вами?

— Хорошо, но она не первая девушка, которую ты привел домой. Ты серьезно относишься к Джессике и....

— Люка, — это предупреждение прозвучало из уст отчима, который до сих пор наблюдал за происходящим в тишине. — Это не твое дело.

— Мой сын, безусловно, мое дело, — выплюнула она, подняв небольшую рюмку со стола. — Я отказываюсь наблюдать за тем, как он лишает свою жизнь возможностей к существованию.

— Пойдем, Оливия, — Кaleb схватил меня за руку и вытащил из-за стола. Мой рот был набит картошкой, которую я усердно пережевывала. Быстро проглотив ее, я посмотрела на Калеба с нарастающим беспокойством. Неужели он, и правда, вышел из-за стола посреди ужина из-за меня? Должна ли я как-то это исправить?

— Я никогда прежде не разговаривал с тобой на повышенных тонах, и сегодня не планирую начинать, — сказал он ей спокойно, хотя напряжение в его плечах говорило о том, что его спокойствие лишь фарс. Гнев Калеба кипел внутри, словно раскаленная лава, но когда он выходил наружу, то от него невозможно было спастись. — Если ты не принимаешь Оливию, то не принимаешь и меня. — Затем он вывел меня из комнаты так быстро, что я едва ли успела осознать, что только что произошло.

— Кaleb? — сказала я, пока мы шли. Он остановился, и я чуть не упала, пытаюсь не врезаться в него. Прежде чем я успела сказать что-либо еще, он развернул меня, словно мы танцевали, и прижал к своей груди.

— Извини меня, Герцогиня, — сказал он, нежно целуя меня в губы. Обе его руки были на моем лице, и его глаза были так сильно связаны с моими, что мне захотелось плакать.

— За что ты извиняешься? — прошептала я, приподнимаясь на носочках, чтобы поцеловать его снова.

— За это, — сказал он, указывая кивком головы в сторону дома. — Я ожидал, что она не сразу примет тебя, но я и подумать не мог, что все пройдет вот так. Её поведение было

непростительным. Мне так стыдно, что я даже не знаю, что сказать.

— Тебе не нужно ничего говорить. Она - твоя мама, и желает для тебя только лучшего. Будь я на ее месте, то, вероятно, тоже с подозрением отнеслась бы к такой, как я.

— Сейчас ты - моя семья, — сказал он серьезно, — и если они не могут принять это, то к черту их.

Он крепко-прекрепко обнял меня и повел к машине. Я следовала за ним, тихо дрожа. Никто и никогда не делал ничего подобного ради меня, чтобы показать, как сильно он любит меня. Для Калеба семья была целым миром, но он просто выбрал меня вместо нее. Я переплела свои пальцы с его, пока мы, сидя в машине, ехали домой, и попыталась понять суть происходящего.

Когда мы вернулись к общежитиям, он обошел машину, чтобы открыть дверь с моей стороны. Мы шли к моему дому, никто из нас ни проронил за всю дорогу ни слова, как вдруг Калеб внезапно остановился.

— Потанцуешь со мной? — спросил он, протягивая руку. Моим первым побуждением было желание осмотреться вокруг, чтобы понять, мог кто-нибудь увидеть нас.

— Нет, не делай этого, — сказал он, — всего лишь один танец, не переживай.

Я сделала робкий шаг в его сторону. Смогу ли я сделать это?

Его рука была такой теплой, когда он взял меня за руку. Другую руку он положил мне на поясницу, прижимая меня поближе к себе. Я могла слышать голоса. Вокруг нас находились люди. Постепенно желающих посмотреть на нас становилось все больше и больше. Я сделала глубокий вдох и закрыла глаза.

— Будь смелее, — сказал он, улыбаясь мне. — Открой глаза.

И я это сделала. Его ноги начали двигаться, и я автоматически последовала за ним. Он был прекрасным танцором.

— Но у нас нет музыки, — уголком глаза я пыталась узнать, кто наблюдает за нами.

Он начал напевать. Я закрыла глаза, но на этот раз от удовольствия. Его голос был невероятно приятным.

Он напевал «Yellow».

— Здесь мы впервые встретились, — сказал он, уткнувшись носом мне в шею. — И именно здесь начались все проблемы.

Он поддразнивал меня, но выбор слов сейчас мне показался невероятно верным.

— Почему ты это сделал? — спросила я, мои глаза по-прежнему были закрыты. — Тебе не следовало так поступать.

— Потому что я люблю тебя. Она придет в себя, я ее знаю.

— Ты хороший парень, Калеб Дрэйк.

— Человек настолько же хорош, настолько прекрасно то, что он любит больше всего, не так ли? — Я вздрогнула. Надеюсь, это не правда. Ведь я была насквозь прогнившая, словно яйцо месячной давности.

— Твоя мама такая красивая, — произнесла я, уткнувшись в его плечо.

Он рассмеялся и схватил прядь моих волос, оттягивая мою голову назад, пока я смотрела ему прямо в глаза.

— Ты собираешься сейчас разозлить меня, ты знаешь это?

Я знала.

После того, как он поцеловал меня, пожелав спокойной ночи, я побрела в свою комнату и рухнула на кресло-мешок, принадлежавшее Кэмми.

Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Хорошее никогда не длится долго. Наше время было на исходе. Я чувствовала это. Мы пробудем вместе только до тех пор, пока он не узнает, какая я на самом деле, и не захочет иметь ничего общего со мной. Он был светом, а я была тьмой.

— Оливия, что случилось? — спросила Кэмми, выходя из ванной, окруженная облаком пара.

— Я потеряю его, Кэм, — сказала я, пряча свое лицо в руках.

— Нет, нет, — сказала она, быстро вставая на колени возле меня, — он очень сильно любит тебя. Все вокруг видят это.

— Оу, подлая любовь, — сказала я, скорее себе, нежели ей. — Она не всегда выдерживает выпадающие на ее долю трудности.

— Какие еще трудности, О? Ты как всегда преувеличиваешь, — она подвигает еще одно кресло и садится на него. — Что ты натворила?

— Кэмми, — сказала я, в ужасе смотря на нее. — Я делала поистине плохие вещи. И самое ужасное состоит в том, что я не знаю, смогу ли когда-нибудь остановиться.

Кэмми посмотрела на меня с сочувствием. — Ты не такая плохая, как думаешь. Чтобы ты не сделала, Калек все еще будет любить тебя. Ты должна позволить ему любить себя, Оливия, и, что гораздо важнее, ты должна полюбить его в ответ.

Спустя полгода я переехала из общежития в собственную квартиру. Мне осталось отучиться всего лишь один семестр, и я не могла дождаться того момента, когда же он закончится. Мы с Калеком уже даже начали говорить о том, чтобы жить вместе, когда я закончу учиться. Последние полгода он провел, работая на отчима, и я видела его все реже и реже.

Мы решила отправиться вдвоем в небольшое путешествие. Куда-нибудь недалеко, но где бы мы могли нежиться на солнышке и ничего не делать. Мы остановили свой выбор на Дейтона-Бич^[43] и решили, что он заберет меня, когда закончит работать. Я уже собрала все необходимые вещи и вернулась домой после последней пары. Мой спальный мешок лежал у моих ног, в то время как мои руки нервно сжимали колени. Мне хотелось, чтобы эти выходные были идеальными. Я впервые зашла в «Victoria's Secret» и выбрала себе кое-что, что, как мне показалось, должно ему понравиться. Сегодня вечером мы будем вместе. Мы встречаемся уже полтора года.

Кэмми вопила от радости, когда я рассказала ей об этом.

— Ну наконец-то, тупая корова, — сказала она, вручая мне невероятного размера пачку с презервативами. — Надеюсь, ты знаешь, как все это работает? Потому что у меня нет желания посвящать тебя в основы.

— Если бы я нуждалась в совете шлюхи, то спокойно могла бы позвонить по около девятистам номерам, — сказала я, выхватывая у нее коробку. Она рассмеялась и отдала ее мне.

Но Калек так и не постучался в дверь. Я пыталась дозвониться ему на сотовый, но каждый раз меня переправляли на голосовую почту. Калек никогда не опаздывал; он появлялся везде, где его ждали, по крайней мере, минут за десять до назначенного времени. Я пыталась не думать о том, что он мог попасть в ДТП, однако, в конце концов, беспокойство взяло надо мной верх. Я позвонила в больницу, но они сообщили, что никого, подходящего под мое описание, у них нет и сегодня ночью не поступало. Я думала о том, чтобы позвонить его родителям, но учитывая, как прошла моя последняя встреча с ними, я

не могла заставить себя набрать их номер. Я снова набрала ему, кусая ногти. Был еще один вариант. Он мог просто задержаться на работе и потерять счет времени. Такое случалось в последнее время, ведь его работа была настолько требовательной, что иногда он забывал про время, и нам приходилось встречаться уже где-нибудь, как, например, это было на годовщину в честь нашего полуторолетия, когда мы встретились в магазине и купили друг дружке по садовому гному в подарок. Я не была сумасшедшей. Меня это устраивало. Я просто зайду в офис, чтобы напомнить ему. Точно. Я схватила ключи и помчалась вниз по лестнице.

Офисное здание, в котором располагалось «Fossy Financial», находилось в сахарном районе Форт-Лодердейл^[44], в двух кварталах от «Bonjour Bakery», в которой Сильвестр Сталлоне покупал себе круассаны по семь долларов за штуку.

В здании, в котором располагался «Fossy Financial», было домом для кучи других офисов, оказывающих различного рода услуги, которые богатеи этого мира только могли себе позволить, поэтому, разумеется, там был охранник. Он посмотрел на меня своими опухшими глазами, которые, полагаю, были последствием того, что прошлой ночью он выпил слишком много ликера.

— Здание закрыто на весь вечер, — высказал он мне раздраженно.

— Почему же тогда входные двери открыты? — дерзко спросила я, наблюдая за людьми, слоняющимися по лобби. Все они были одеты в шелковые, разрисованные бабочками платья и пошитые на заказ смокинги. Вся сцена кричит: «любуйся на богатеев» самым худшим из всех возможных способов.

— Вечеринка проходит только на пятом этаже. Частная вечеринка, — подчеркнул он. — Так что двери закрыты для всех клиентов.

На пятом этаже работал Калеб. Я осознала это с каким-то ноющим чувством в животе. Он никогда не упоминал при мне про эту вечеринку. Правда, это неделя была для него довольно напряженной, но как можно забыть о чем-то вроде этого?

— Как здорово, я как раз приглашена на вечеринку, устраиваемую «Fossy», — сказала я, используя свой лучший задиристый голос.

— Да? А вот я так не думаю, — его глаза проследили от моих джинсов к футболке.

— Мое имя есть в списке приглашенных, — сказала я быстро. Честно, я даже не знаю, существует ли вообще этот список. — Ава Лилибет. Проверьте сами. — Ава была коллегой Калеба, и он частенько нелестно отзывался о ее чесночном дыхании и силиконовой груди. На всякий случай, я выпятила грудь вперед. Я была права, когда предположила, что существует список приглашенных, и секунду спустя, проследив по списку глазами, охранник отыскал в нем мое фальшивое имя.

— Ладушки, мисс Лилибет. Вы можете подняться. — Даже не взглянув на него, я резко повернулась и пошла по направлению к лифтам. Надеюсь, настоящая мисс Чесночное Дыхание не появится в ближайшее время и не разрушит все мое прикрытие. Поездка на лифте была невероятно мучительной. Когда я слышала «динь», то выскочила из лифта, практически спотыкаясь об свои же собственные ноги. Я не поверила своим глазам от удивления. Не было никаких рабочих столов, никаких факсов и офисных клерков. Весь этаж был очищен от рабочей техники и заставлен элегантными обеденными столами, уставленными плавающими свечами и отполированной хрустальной посудой. Все жалюзи на этаже были открыты, чтобы продемонстрировать великолепный вид на Форт-Лодердейл. Прекрасные люди берут закуски с икрой с подносов, проплывающих мимо них, благодаря

официантам, на руки которых надеты белые перчатки. Прижавшись к ближайшей стене, я начала сканировать помещение в поисках его лица. Но Калеба не было. Ни рядом с взбалмошной группой секретарш, которые всегда заставляли меня ждать его слишком долго, ни с отчимом, улыбка которого сейчас была обращена к группе инвесторов. Я ощутила прилив беспокойства. Что, если он ждал меня сейчас в моей квартире, а я шныряю тут по его офису, словно параноик...

Я решила сделать хоть одну правильную вещь за сегодняшний день и уйти прежде, чем превращусь в реальную занозу в заднице. Я направилась туда, где висел знак «выход», надеясь найти лестницу. Мне предстояло пройти через коридор, выстроенный скоплением маленьких офисов. Вероятность того, что там кто-то находился, была небольшой, ведь вечеринка была в самом разгаре. Я рванула вперед по коридору. Я уже дошла почти до самого конца. Мне оставалось около трех шагов до лестницы, когда услышала его голос. Мне показалось странным, что среди трелей Шопена и гула десятков голосов, я услышала его голос.

Я остановилась и наклонила голову, но не потому, что услышала *что* именно он произнес, а потому, что услышала *как* он это произнес - быстро и интимно. Я прислонилась к закрытой двери его кабинета и услышала женский гортанный смех. Мое сердце молило ноги о переходе на третью передачу.

— Хотел бы ты об этом узнать? — ее голос был явно флиртующим. Вы не можете его перепутать, не через дверь толщиной в два дюйма. Одна из прелюдий Шопена играла на заднем фоне, когда я отшатнулась назад.

Узнать о чем? Я затаила дыхание и прижалась ухом к двери. Хотела ли я узнать об этом?

«Некоторые вещи лучше оставлять в морозилке», — всегда в таких случаях говорила моя мама.

Я прижалась сильнее, пока мое лицо не вжалось в дверную панель. Не было больше никаких разговоров. Все, что ни происходило по ту сторону двери, происходило в тишине. Я сделала шаг назад. Теперь был мой выход. Вводите сумасшедшую подружку. Я не стану кричать, говорила я сама себе. Я справлюсь с этим, не запятнав честь и достоинство. Я схватилась за ручку, повернула ее и распахнула дверь. Дверь отъехала в сторону, словно занавес, открывая сцену, которая навсегда останется в моей памяти. Она в одночасье все изменила. Все разрушила. Все сломала.

Настоящее

Я ушла. Лия сможет заполучить его, но мне не хотелось быть рядом, когда она это сделает. Я взяла с собой немного: всего лишь несколько книг и фотоальбомов, которые принадлежали еще моей матери. Все остальное было уничтожено. Я засунула все это в машину вместе с Пиклз и надавила на газ. Я оставила свою шкатулку лживых воспоминаний о мистере «Х» среди пострадавшего журнального столика вместе с конвертом, в котором лежали украденные Лией фотографии. Она запихнула пять сто долларовых купюр в конверт, и я... их тоже оставила. Если я сказала, что сделаю это, то я это сделаю. Больше никаких безделушек, которые способны превратить мое сердце в фарш.

Прежде чем я вышла через переднюю дверь, я взяла старый пенни и положила его лицевой стороной в свою ладонь. Чертов пенни. Чертов Калевб. Я накрыла его пальцами и сжимала так сильно, как только могла, до тех пор, пока мой кулак не побледнел, и я не убедилась, что слова *«Один поцелуй. В любое время. В любом месте»* навсегда отпечатаются на моей коже. После чего я открыла ладонь и позволила пенни упасть вниз, на ковер. Я подкинула прощальную записку под дверь Роузбад, в которой соврала что-то насчет работы в Калифорнии, и пообещала, что напишу ей, как только устроюсь на новом месте. Я сняла ключи с ключницы и поехала. Я почувствовала, как эмоциональный груз свалился с моих плеч, когда я вырулила на I-95. Я почувствовала себя невероятно свободной, когда пересекла государственную границу штата Джорджия, но настоящее облегчение пришло ко мне, когда Кэмми обняла меня.

— Добро пожаловать в Техас, подружка, — улыбнулась она, целуя меня в щеку. — Давай начнем с тобой новую жизнь.

Прошлое

Ветер сердито ударялся в машину, словно протестуя из-за того, что его не впускали внутрь. Снаружи треснувшее лобовое стекло собирало танцующие в воздухе снежинки, расстилая белое одеяло по кроваво-красной паутине трещин. Оба пассажира были израненные и без сознания. Они сидели, сторбившись, на передних сидениях автомобиля. Водитель был залит собственной кровью. Никто не мог вызвать скорую помощь, ведь для этого сначала нужно обнаружить автомобиль, затерявшийся среди снежной бури. Пассажир очнулся, застонал и схватился рукой за свою голову. Когда потом он убрал руку, то увидел кровь, размазанную по кончикам своих пальцев.

Он озибался в темном пространстве автомобиля, задаваясь вопросом, кто он и кем был истекающий рядом с ним кровью человек. Он чувствовал себя странно. Казалось, словно все его органы были напряжены внутри его тела. Переместившись немного вдоль дверцы, он схватился за ручку, но дверь не открылась. Потом он понял очевидное, то, что затуманенный разум не сразу заметил. Автомобиль был сдавлен до половины своего первоначального размера. Он отстегнул свой ремень безопасности и начал ощупывать карманы в поисках телефона. Найдя его, он набрал 911. Когда женщина-оператор ответила на звонок, он заговорил, не узнавая своего голоса.

— Произошел несчастный случай. Я не знаю, где мы находимся, — и кто я такой, хотелось ему добавить, но он не стал.

Он положил телефон рядом с собой и поднял голову. Патрульная машина прибывает, как только они отслежат сигнал. Он ждал, дрожа то ли от холода, то ли от шока, сам точно не понимая истинных причин. Был ли это его друг? Его отец? Его брат?

Он понял, что помощь прибыла, когда краем глаза заметил огни скорой помощи, отражение которых танцевало на стекле. Раздались голоса, и дверь открылась. Вскоре появились люди, которые попытались вытащить его из машины.

— Нам нужны «Челюсти жизни»^[45], — услышал он, как произнес один из спасателей. Кто-то светил фонариком ему в глаза, в то время пока кто-то другой накидывал на него оранжевый шерстяной плед. Они погрузили его на носилки, и он почувствовал, как снег стал приземляться на его лицо. Голос, прозвучавший словно вдалеке, поинтересовался, как его зовут. Он покачал головой, не зная, что ответить. Джош - хорошее имя, и он даже хотел сказать, что его так зовут, но не стал. Он задался вопросом, жив ли тот человек, который был рядом с ним, но потом он услышал гул сирен машины скорой помощи, скольжение колес по гравии. Крики сирен стали уноситься в даль. Он откинулся на подушку, пытаясь вспомнить ... и ему удалось сделать это. Хорошие и плохие воспоминания начали просачиваться назад в его голову, словно теплая вода сквозь глыбы льда. Он вздрогнул, вспомнив то, что так отчаянно пытался забыть.

Фельдшер скорой помощи спросил, все ли с ним в порядке. Он кивнул головой, словно говоря «да», хотя глубоко внутри, там, где старые раны снова стали кровоточить и их невозможно уже было зашить, он был не в порядке. Он потерял костяшками пальцев у висков, желая, чтобы все воспоминания разом исчезли. Какой легкой стала бы жизнь, если бы его воспоминания стерли, словно карандаш ластиком. Никаких следов счастья или несчастья. Лишь чистый лист. Новый старт. Машина скорой помощи плавно остановилась, и обе дверцы машины были нараспашку открыты командой в белых перчатках. Он позволил, чтобы его приподняли и вынесли на носилках из машины скорой, пронесли через двери больницы и занесли в абсолютно белую комнату, где ему придется дожидаться результатов МРТ ^[46]. Он лежал в тишине. Доктор вошел в комнату, в которой парень дожидался своих результатов. Врачом оказался индеец с добрым выражением лица. Он носил на безымянном пальце обручальное кольцо, украшенное тремя рубинами, утопленными в золото. Его имя было указано на бейджике. Его звали Синджи Пуни. Он задался вопросом, был ли доктор Пуни счастлив в браке и не символизировали ли эти три рубина его детей. Ему хотелось спросить об этом, но он так ничего и произнес вслух. Врач заговорил первым довольно серьезным голосом.

— У Вас серьезное сотрясение головного мозга. Мне нужно провести еще несколько тестов, чтобы убедиться, что у Вас нет обширного поражения мозга. Фельдшер скорой помощи рассказал мне, что у Вас возникли некоторые проблемы с ответом на довольно простой вопрос о том, как вас зовут. — Пациент ничего не ответил. Он сидел, уставившись на белый потолок, словно это было величайшее произведение искусства.

— Вы можете сказать мне, как Вас зовут? — Он все еще ничего не мог ответить. Его взгляд устремлялся вперед-назад, вперед-назад.

— Сэр? Вы знаете, кто Вы такой? — голос доктора стал обеспокоенным, прозвучав на тон выше, нежели до этого. «Я знаю! Знаю!» - кричал его разум. Пациент повернул свою голову и посмотрел в устремленные на него черные глаза. Он принял решение прямо сейчас и прямо здесь. Будут, конечно, проблемы с реализацией задуманного, но его это не волновало. Он должен был найти её.

— Нет, — сказал Кaleb Дрэйк. — Я вообще ничего не помню.

Прошел год...

Прошел второй...

Третий...

Четвертый...

Прошло 4 года. На вкус они, словно картон.

Теперь я другая. Сейчас я нахожусь на расстоянии целой галактики от человека, которым была раньше. Теперь я живу в солнечной системе, и как говорится, «двигаемся дальше».

Мистер Икс теперь лишь воспоминание. Черт возьми, я даже не уверена в том, что все это происходило на самом деле. Мое настоящее заключается в том, что я все-таки пошла в юридическую школу, окончила ее, получила работу в качестве партнера в крупной фирме...

Окончив школу, я купила вместе с Кэмми таунхаус, используя последние деньги из маминой страховки. Хорошее заключалось в том, что я получила работу, потому что мой банковский счет чертовски быстро опустошался.

Мы много пьем, едим еще больше и проводим все наше свободное время в тренажерном зале, избавляясь от алкоголя и ресторанной еды. Кэмми работает в области декорирования - практически вымершая на сегодняшний день работа - но ей как-то удалось устроиться на работу в компанию, которая украшает дома состоятельных людей. Таким образом, у нас у обеих все хорошо. Я выигрываю большинство своих дел. За всю свою жизнь я отлично научилась искажать правду, что очень пригодилось мне в своей профессиональной сфере.

Месяц спустя мне позвонила моя старая начальница. Она хочет, чтобы я вернулась назад и снова работала в ее фирме, говорит, что, если я буду хорошо работать, то она сделает меня своим партнером. Узнав об этом, мы с Кэмми пили всю неделю. Она годами хотела вернуться обратно во Флориду. Кэмми считает, пришло время мне снова столкнуться лицом к лицу с Южной Флоридой. Она уверяет, что я принадлежу этому месту. Она постоянно говорит мне, что Техас - для дружелюбных людей. Я же принадлежу другому, довольно быстрому и грубому месту, поэтому мы решили продать наш таунхаус и переехать.

У меня есть парень, ну хорошо, друг-мужчина, — я это упомянула? Он замечательный. Он обещает, что мы сможем поддерживать наши отношения на расстоянии, пока он не сможет перевестись, чтобы быть рядом со мной. И знаете что, я верю ему. Он хочет жениться на мне, и говорит об этом постоянно. И в этом я тоже ему верю.

Я упаковываю свои вещи в U-Haul^[47]. Тернер - мой парень - помогает мне с этим, после чего мы пересекаем три государственных границы, слушая лучшее из восьмидесятых. Кэмми звонит каждые тридцать минут, чтобы проверить все ли хорошо у меня. Она приедет через несколько месяцев, вероятно, сразу пользуясь услугами трех U-Hauls.

Тернер массирует мою шею, пока я за рулем. Он такой лапочка. Когда мы подъезжаем к моей новой квартире, которую я уже не буду делить с Кэмми, меня ожидают грузчики, которые должны занести мебель в мой новый дом. Тернер позвал их на помощь, чтобы нам не пришлось делать это самим. Честно, мне было бы все равно, даже если пришлось бы делать это самим, но Тернер ненавидит пачкать руки. После того как грузчики уходят, я брожу из комнаты в комнату, любясь впечатляющим видом. Из окон, расположенных на южной стороне, я могу видеть океан, могу видеть, как он тает на горизонте, а с запада - каждую крышу в радиусе мили. Квартира находится в Санни-Айлс, и она обошлась мне в гораздо большую сумму, чем моя мама заработала за всю свою жизнь. Я хороший адвокат и просто отличный лжец. Жизнь повернулась именно так, как я всегда того хотела. Кроме...в любом случае...я люблю свою квартиру. У нас с Тернером не было

сомнений насчет того, под каким лозунгом провести сегодняшнюю ночь. Веселье! Ура! Он очень красив в своем обычном, чистом виде. Он – высокий обладатель оливковой кожи, который порой бывает слишком претенциозен^[48]. Он все время носит рубашки. Нет, серьезно, он носит их постоянно. Тернер тоже адвокат, поэтому у нас с ним есть много общего. На самом деле, он специализируется на правоотношениях, связанных с недвижимостью – но все же...

Ох, да, и он ненавидит баскетбол, также как ненавижу его я. Невероятно, правда?

Я встретила его, когда была на заседании суда. Он попросил одолжить ему ручку. *«Какой идиот приходит в суд без ручки?»*, - подумала я. Когда я протянула ему ее, он просто сел, не сводя с меня глаз.

— Что-то еще? — спросила я, даже не пытаюсь скрыть свое нетерпение.

— Еще мне нужен твой номер, — ответил он «как ни в чем не бывало», поэтому я дала его ему. Я уважала задир.

Я счастлива.

После того, как ушли грузчики, мы заказали суши, точнее я заказала, потому что Тернер не ест «сырую рыбу». Я ходила по новой квартире в одной из его футболок, потому что еще не распаковала свои вещи. И да, мы занимаемся с ним сексом.

На следующее утро он отводит меня в дилерский центр BMW и покупает мне машину в качестве подарка на новоселье.

Вау-вау, верно? В шесть часов того же вечера, я везу его в аэропорт Форт-Лодердейл на своей новой, красной, спортивной машине, и мы целуемся, пока он уходит садиться на самолет.

— У нас получится, — говорит он мне.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я, разглаживая лацканы его пиджака.

— Потому что мы собираемся пожениться.

— Собираемся? — повторяю я с притворным удивлением. Он всегда говорит это, и я всегда отвечаю именно так.

— Собираемся, — утверждает он, а затем опускается на колени и вытаскивает коробочку из кармана.

Домой я еду помолвленной. Смотрю на кольцо всю дорогу до дома, словно оно вот-вот укусит меня. Это «Айсберг» от Тиффани – большой и безвкусный. Он напоминает мне с чем-то, но я не могу вспомнить о чем, с тех пор, как начала двигаться дальше.

Через три месяца я пошла на «Florida Bar Exam»^[49] и сдала. Устроилась на новую работу в качестве адвоката защиты для «Spinner and Associates». Секретарша охает и ахает на мое кольцо. Она спрашивает меня о Тернере, о том, чем он занимается и как выглядит. У нее небольшой зазор между двумя передними зубами, на который я пристально смотрю, пока она поет имена своих двоих миниатюрных кокапу^[50]: Мелоди и Хармони. Рассказывает о том, как гномы из сада ее бабушки были украдены с ее двора среди бела дня. *Среди бела дня!* Но, тем не менее, это произошло в Бока-Ратон. Я сопереживаю этой ситуации с гномом и устраиваю свидание для Мелоди, Хармони и Пиклз.

Когда я сажусь за свой стол впервые, то осознаю, чего добилась. Мои вещи давно распакованы в новой квартире, водительские права уже сменились на права штата Флорида, я затарилась продуктами в магазине, и еще вчера я посетила могилу своей мамы, чтобы рассказать ей о своей помолвке. Вот она - моя новая жизнь, понимаю я с легким удивлением, но затем опускаю голову на стол и плачу, потому что в действительности же,

это моя старая жизнь лишь полностью обновленная. Я звоню Кэмми, чтобы рассказать ей об этом и сказать, что совершила огромную ошибку, вернувшись сюда.

Большую. Огромную. Она слушает, пока я плачу, а затем говорит, что я глупая, и она будет здесь через три недели, чтобы поддерживать меня, пока все не станет лучше.

— Хорошо, — говорю я, но сама не верю в это ни на секунду.

Но действительно, все становится лучше. Сначала я приспособилась к своей новой рутинной тревоге. Когда я только приехала в Техас - четыре года назад - то была практически с опущенными руками. Но там мне удалось выстроить целую новую жизнь, наполняя свои шкафы тарелками с бокалами и холл новым рисунком Томаса Барбе. Не осталось ничего, что могло бы напоминать мне о моих путешествиях во Флориде.

Сейчас, когда я хожу по своему новому дому, то включаю все те же лампы и делаю все тот же самый чай в том же самом чайнике, который был частью моей жизни еще в Техасе. И это, скажу вам, немного сбивает с толку. Но, несмотря на все обновления, произошедшие в моей жизни, я нахожусь сейчас на этапе единодушного одобрения. Через несколько недель Санни-Айлс становится уже моим домом, «Spinner and Associates» становится моей работой, а «Publix» на пересечении 42-ой и Эйзенхауэр становится моим любимым продуктовым магазином. Кэмми приезжает с Пиклз через неделю, в соответствии с намеченным графиком. Она остается у меня на месяц, прежде чем переезжает на новое место жительства, которое находится в тридцати минутах езды от меня. Кэмми не нравится Тернер. Я уже упоминала об этом? Она говорит, что он так же предсказуем, как и период девственности. Нет, Кэмми не ненавидит этот период, просто она говорит, что определенно может обойтись без него. И напоминает мне об этом всегда, сравнивая этот период с Тернером. Но мне нравится Тернер. Очень, очень нравится.

Он навещает меня каждые две недели, а иногда и раньше, если позволяет его график. Он всегда привозит Пиклз пару своих старых носков, чтобы он с ними играл, разрывая на части буквально через пару часов.

Я стала находить его подарки в виде носков немного тревожными, особенно с тех пор, как начала находить остатки мокрых шерстяных кусков, застрявших между диванными подушками. Лучше б он вместо этого просто купил кнут из сыромятной кожи. Однажды ночью я выдвинула это предложение, когда мы ехали в новый ресторан на южной стороне.

Влажность смягчилась, и воздух, который дул в открытые окна машины, стал хлестким и холодным, напоминая мне о такой давней, теплой зиме.

— Это жевательные кости, — слышу я свой слегка скучающий и отдаленный голос. — Он их любит.

— Хорошо, малышка, — Тернет опускает руку на мое колено и начинает качать головой в такт музыке, звучащей по радио. У него такой квадратный вкус в музыке. Квадратный, квадратный. Я напеваю заглавную тему «Спанч Боба», смотря в окно. Мое тело почти мгновенно застывает, и Тернер с беспокойством смотрит на меня.

— Что случилось, малыш? — спрашивает он и замедляет машину. *Малыш.*

— Ничего, все в порядке, — улыбаюсь я, чтобы скрыть соленую воду в своих глазах. — У меня просто судорога в ноге – и все. — Я притворяюсь, что потираю ее.

Но это было не все. Пока я смотрю в окно, мои глаза ловят спазматическое мигание ярких огней. Когда я фокусируюсь на них, мой живот болезненно сжимается.

«Jaxson's Old Fashioned Ice Cream».

Словно открылась дверь, и все воспоминания, которые я спрятала, вырвались наружу.

Пенни и поцелуи, бассейн и все то, за что меня ожидает ад. Вспышка. Последнее, что я чувствую, так это то, что весь сегодняшний вечер омрачает мое сердце.

— Почему бы нам не пойти сюда на ужин? — говорю я фальшивым, бодрым голосом, кивая в сторону «Jaxson's Old Fashioned Ice Cream». Тернер смотрит на меня, словно я сумасшедшая.

— Туда? — спрашивает он. Отвращение настолько очевидно слышится в его голосе, что я аж вздрогнула.

— Конечно. Тебе никогда не надоедают все эти побрякушные рестораны, в которые мы ходим? Давай сделаем что-нибудь другое. Давай же... — Я прикусываю немного нижнюю губу, потому что обычно это работает, когда нужно настоять на своем. Он драматично вздыхает и сворачивает на парковку. Я думаю о том, какого черта я делаю, и почему я так жажду наказания. Я хочу доказать себе, что это лишь желание поесть немного другой еды. В этом нет никакой магии, нет растущей романтики. Просто больше всего на свете, я хочу иметь возможность находиться в месте, которое содержит старые воспоминания и при этом не получить психическое расстройство. Приииииивет «Jaxson's Old Fashioned Ice Cream».

Это место точно такое же, каким было семь лет назад, единственное, что пропало из «Jaxson's Old Fashioned Ice Cream» - это Харлоу. Его отсутствие сразу бросается в глаза. Я вижу его фотографию на стене у регистрационной стойки, под которой даты: *10 августа 1937 – 17 марта 2006*. Я грустно ему улыбаюсь, когда нас отводит к нашему столику лопающий жвачку подросток. *Да уж, теперь это место потеряло былой уровень*, - думаю я с сожалением.

— Милое место, — сарказм Тернера не задевает меня, пока я смотрю на несчастливый и одновременно счастливый стол.

— Заткнись и прекрати вести себя как сноб.

Он сразу же смягчается.

— Извини, милая, — говорит он, беря мою руку в свои. — Я буду терпимее, хорошо?

Милая. Я угрюмо киваю и поворачиваюсь, изучая меню.

Чем дальше, тем лучше. По крайней мере, я не трясусь и не плачу. Может, со мной действительно все в порядке. Мы съели наш ужин и заказали десерт. Я стараюсь не думать о разговоре, который произошел под этой крышей несколько лет назад, но иногда фразы, наподобие «потому что меня больше волновала возможность узнать тебя, нежели победа в очередной игре» всплывают в моей голове.

Я быстро их отметаю и смотрю на своего замечательного жениха, который снизил свои стандарты, чтобы сегодня поесть здесь вместе со мной. Я счастливая. Такая счастливая. Когда мы уходили, я остановилась у автомата с пенни, и мое пульс ускорился. «*Может, Тернер заметит его*», - думаю я. Может, сделает что-нибудь милое и романтическое с одним из посланий. Но Тернер выходит наружу, и я следую за ним, разочарованная. Той ночью я не занималась с ним сексом.

Через неделю в дверь моего офиса постучали.

— Мисс Каспен? — это была секретарша. — Мисс Сингер хочет видеть вас в своем офисе.

Черт! Берни всегда видит меня насквозь. Я успокаиваю себя, пробегая пальцами по переднему юбку от «Диор». Люблю покупать дорогие вещи. Если я ношу что-то, что стоит дороже моей месячной зарплаты, то чувствую, что мой гнилой каркас хотя бы прекрасно выглядит.

Направляюсь к ее уголовному офису, практикуя свою улыбку в стиле «жизнь прекрасна». Стучу, и она позволяет мне войти.

— У меня есть хорошая и плохая новость для тебя, — говорит она, когда я вхожу, указывая мне сесть в одно из ее кресел с коровьим рисунком. «*Все та же Берни, она всегда переходит сразу к делу*». Я сажусь и скрещиваю ноги.

— Какую из них ты хочешь услышать первой? — спрашивает она. Сейчас в ее волосах уже виднеется серебро. И она нашла себе партнера по жизни по имени Фелисия.

— Хорошую, — отвечаю я, прикусывая губу изнутри. Плохие новости Берни могут варьироваться от «Я закрываю фирму, чтобы стать гусеничным фермером» и до «Я потеряла номер своего любимого гастронома». Чувствую, что мне нужно мысленно подготовиться.

— Хорошая новость, — начинает она, — заключается в том, что я даю тебе твое первое большое дело. И оно действительно большое, Оливия.

— Ох...хорошо, — я чувствую пузырьки волнения в своем животе. Чувствую нужду подпрыгнуть и прокричать «*ra ra sis boom ba*»!

— Что за дело? — спрашиваю я спокойно.

— Слышала когда-нибудь о фармацевтической компании «ORI-Gem»? — спрашивает она.

Я качаю головой. — Нет.

— Это довольно молодая компания. Шесть месяцев назад они выпустили новое лекарство «Prenavene» на рынок. Через три месяца после выпуска было подано двадцать семь самостоятельных больничных докладов, в которых «Prenavene» был назван причиной инфаркта, и это при том, что двум пациентам было меньше тридцати и никаких предварительных проблем со здоровьем у них не было. Было проведено официальное расследование, и федералы откопали ооочень много информации на этих людей.

— Какую именно...информацию? — спросила я.

— Во время тестирования этого препарата обнаружилась свертываемость крови у 33% их испытуемых. 33%, Оливия! Ты знаешь, как это много? Также много, как и двух футовый^[51] член.

Я вздрогнула. Для лесбиянки она очень часто ссылается на гениталии мужчин.

— Достаточно много, чтобы Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов похоронило его еще за шесть месяцев до того, как у «ORI» появился бы шанс выпустить его на рынок.

Берни протягивает мне гигантский файл.

— Получается, они сами вышли на рынок без разрешения Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов? — спрашиваю я.

— О, у них есть их разрешение. Правда, они сфальсифицировали данные, необходимые для того, чтобы Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов позволило выпустить на рынок «Prenavene», который, на самом деле, является наркотиком. Они показали его «хорошую» версию для тестов Управления.

Аххх, старый маневренный трюк.

— Но зачем «ORI» нужно было так рисковать особенно после того, что показало их независимое тестирование? Они должны были знать, что, в конце концов, все вокруг них обрушится.

— Большая часть мошенничеств, осуществляемых во время клинических испытаний, вряд ли когда-нибудь будет обнаружена. Большинство дел, которые привлекают внимание

общественности, возникают только из-за чрезвычайной халатности криминалистов.

— Хмммммм, — отвечаю я.

— Но не они являются нашим делом, — произносит она, забирая файл из моих пальцев и заменяя его другим.

— У исполнительного директора и со-основателя компании был тяжелый сердечный приступ, и он умер около двух недель назад. После этого все взгляды упали на его дочь - избалованную девицу двадцати с чем-то лет, получившую образование в «Лиге Плюща» и наделенную большой властью, включая постановку подписи на документах.

— Ее должность? — спросила я.

— Вице Президент компании по внутренним делам. Управление активно взялось за нее. Пока мы говорим об этом, они уже всю шьют свое дело против нее.

— Что у них есть на нее? — Я пролистываю файл, в то время как мои глаза сканируют скучный юридический жаргон. — Ее подпись была формах выписок, которые были направлены в Управление, а это означает, что именно она курировала весь этот проект. Она знала, что они тестируют «хороший» препарат, а не «Prenavene». — Я испустила тихий свист от этой новости. У обвинения уже все, чтобы состряпать отличное дело. Я бросила файл на стол.

— Ты обнаружила плохую новость сама, и мне даже не придется тебе ее рассказывать, — говорит она мрачно. — Да, она чертовски виновна во всем этом. Признаю, это играет против нас. — Я вырвала файл обратно.

— Мы хотим рискнуть, — говорит она, ручка отскакивает от стены. — Это дело будет во всех СМИ, и если мы выиграем, то оно поднимет нашу фирму на новый уровень.

— Знаааачит, моим следующим вопросом будет...зачем ты даешь дело такого масштаба новобранцу?

— У меня есть две причины, моя блудная дочь. Во-первых, потому что ты мне нравишься, и во-вторых, клиент попросил именно тебя.

— Что? Как? — Я, конечно, провела много дел в Техасе, но ни одно из них не привлекло бы ко мне внимание. Я была относительно неизвестной персоной в судебном процессе.

— Клиент хочет нанять именно тебя.

— Как его зовут? — спросила я, до конца не уверенная в том, что все это значит.

— Смит. Джоанна Смит.

— Никогда раньше не слышала ее имя.

— Возможно, они читали о твоих делах в Техасе. Может быть, тебя рекомендовали твои бывшие клиенты. В любом случае, оно твое, детка. Не испортить все.

Я шла, спотыкаясь в свой офис, прижимая файл к груди. Была ли я готова к этому? Одно хорошее дело, поправка — одно невозможное дело, *если* я его выиграю, повысит меня до партнера....

Остаток дня я изводила себя в своем кабинете, перечитывая файл снова и снова, пока слова не стали размытыми, а головная боль окончательно не разбушевалась. Секретарша уже ушла, как и все остальные. Я кивнула, приветствуя уборщицу, идя к машине и мысленно планируя разговор, который собираюсь провести с Джоанной Смит утром. *Черт!* Это дело было слишком большим для меня.

По пути домой я звоню Тернеру, чтобы рассказать о новостях и подробностях дела. Он звучал не так уж и восторженно.

— Я не знаю, Оливия. Управление будет сильно давить на эту девушку. Ты готова проиграть свое первое большое дело?

— Спасибо за вотум доверия, — огрызнулась я в ответ.

— Слушай, я верю в тебя, всегда верил, но это очень сложное дело. У них есть прямые улики, связывающие ее с мошенничеством. У них есть два свидетеля, которые готовы дать показания об ее участии в этом. Если ты проиграешь дело, то сможешь поцеловать место партнера на прощание. — *Какая задница.* Я сказала ему, что по другой линии мне звонит босс. Когда я повесила трубку, мои глаза наполнились слезами.

— Это мой шанс! — кричу я машине, стоящей перед собой, — и я не собираюсь его упускать!

В семь утра я приехала в офис, чтобы обнаружить милый, темно-серый ягуар, стоящий на моем парковочном месте. Я нашла свободное место через несколько пролетов и прошла через двери, гадая, кто имел наглость припарковаться там, где говорится «*Зарезервировано для Каспен*». Секретарша встречает меня чашкой кофе, после чего блокирует вход в мой кабинет своим телом.

— Есть кое-что, что я должна тебе сказать, прежде чем ты туда зайдешь, — говорит она, когда я делаю глоток из своей розовой кружки.

— Ты отравила мой кофе? — спрашиваю я, взглянув на нее через край.

— Нет, но...

— Значит, ты можешь рассказать мне об этом, пока я включаю свой компьютер. — Я прошла мимо нее и повернула ручку. В моем офисе был мужчина. Сначала я вижу только его спину, поскольку он изучает многочисленные таблички и фотографии, висящие у меня на стене. Я посылаю взгляд секретарше, и она произносит мне губами: «*муж Джоанны Смит*», — прежде чем сдержанно и молча уходит. У нее на зубах отпечаталась помада.

— Мистер Смит, — произношу уверенно я, хотя совершенно растерялась от удивления. Мой брифинг^[52] ни с кем из них не планировался в ближайшие два часа.

Он медленно поворачивается, руки сцеплены за спиной. Я вижу его серый костюм, белую рубашку с воротником, расстегнутую сверху, золотистый загар и давлюсь своим кофе.

— Вообще-то Дрэйк, — отвечает он веселым голосом.

Я отхожу назад, пытаюсь восстановить дыхание и обнаруживаю, что прижалась к стене.

— Сюрприз, — произносит он, и затем смеется от выражения моего лица.

Я отхожу от стены, потому что выгляжу так, словно являюсь жертвой нападения, после чего пытаюсь беззаботно пройти к своему столу. Сажусь на стул и смотрю на него остекленевшими глазами.

— Какого черта? — спрашиваю я.

Не смотря на другую стрижку и несколько новых морщинок у глаз, он выглядит точно так же.

— Я искал тебя.

— Ты узнал?

— Через год после твоего отъезда...

— Должно быть, ты искал недостаточно усердно, — съязвила я, хотя знала, что это не правда. Через год как я покинула Флориду, Берни позвонила мне сказать, что мне звонил мужчина в офис и спрашивал о моем месте нахождения. Она сказала, у него был британский акцент.

— Я женился на ней, Оливия.

— На ком?

— На Лии.

— Я думала, ты муж Джоанны Смит? — У меня кружится голова.

— Лия - ее среднее имя. Она всегда предпочитала именно его, ну и оставила фамилию. Джоанна Лия Смит.

Слово «женится» неоднократно звучит в моей голове, и я потираю виски от этого ужаса. Кaleb женат. Супруг. Занят. Семейный мужчина.

— Кaleb, — выдыхаю я его имя. — Зачем ты здесь? Вообще-то, не отвечай — просто выметайся. — Я повысила голос и встала.

— Я хотел увидеть тебя, поговорить с тобой прежде, чем ты увидишь меня впервые перед всеми.

Я снова села.

— Ты искал меня? Ты пытался найти меня, чтобы убедить вести дело Лии? — Он кивает.

— Нет, — ответила я. — Ни в коем случае. Никогда. Нет.

Может она не рассказала ему о том, что я сделала. Он просто думает, что я собралась и уехала. Он все еще не вернул свою память!

— Да, — говорит он, выпрямляясь. — Ты сделаешь это. Она виновна, а ты лучший лжец, которого я только знаю. — *Хорошо, может она все-таки и рассказала ему.*

Я фыркнула и отвернулась.

— У меня нет никакой мотивации, чтобы выигрывать для тебя это дело, — ухмыляюсь я, отклоняясь в своем кресле.

— Ты должна мне, — улыбается он. — Знаю, у тебя совсем мало совести, но, думаю, после всего, через что ты меня провела, причем *дважды*, ты захочешь рассмотреть вопрос о принятии дела.

— Я бы рассказала тебе всю правду, в конце концов, — бормочу я. Вот, если бы только фармацевтическая Ариэль не шантажировала меня, но в любом случае...

— Ты действительно бы сделала это Оливия? Или ждала бы того момента, когда я сам все узнаю? Когда вернулась бы моя память?

Я посмотрела в потолок и нахмурилась.

— Слушай, я здесь не для того, чтобы обсуждать тот факт, что ты лживая, манипуляторная и бессердечная....

Ауч...

— Я прошу тебя о личной услуге. Я знаю, что ты чувствуешь к ней. Знаю, что она сделала, но ты нужна мне, чтобы убедиться, что она не попадет в тюрьму.

— Я хочу, чтобы ее посадили.

Кaleb странно смотрит на меня, его глаза бродят по моему лицу и рукам.

— А я не хочу. Она моя жена. И, я прошу, чтобы ты хоть раз приняла во внимание мои чувства.

Так больно было слышать, как он говорит «жена». Знаю, этого не должно быть, но это так.

— Ты не можешь винить меня в том, что я не хочу защищать эту гадюку! Кроме того, Лия никогда сама на это не согласится, — выстрелила я, — между нами взаимная ненависть, и я говорю это к тому, если ты сам этого не заметил.

— Лия сделает то, что я скажу ей сделать. Мне нужна твоя гарантия, что ты сделаешь

все возможное, что в твоей силе, чтобы помочь ей.

Я чувствую прилив адреналина. Я могу взять дело и специально его проиграть! Да! Но, я знаю, что никогда не сделаю этого. Мои дни, когда я играла жизнями людей, закончились. З.А.К.О.Н.Ч.И.Л.И.С.Ь.

— Не могу, — я впила ногти в бедра, чтобы не закричать.

— Нет, ты можешь, — отвечает он, опуская обе руки на мой стол и наклоняясь ко мне. — Ты одержима собственным успехом, и всегда была. Возьми его. Выиграй это дело, Оливия. Ты будешь богатой, знаменитой... И, может быть, я даже рассмотрю вопрос о твоём прощении.

Прощение? Я представила себя, унижающейся в их доме; лишь я, Лия, Калед и их дети... Я почти рассмеялась вслух.

Я смотрю на него. Он все еще самый привлекательный мужчина, которого я когда-либо видела. *Женат на рыжей, у него амнезия, ублюдок!*

— Увидимся в девять часов в зале заседания совета директоров, и я дам тебе знать о своем решении, — ответила я, заканчивая разговор. Он смотрит на меня, и я не могу расшифровать его взгляд, после чего он выпрямляется, чтобы уйти.

— Прими правильное решение, Герцогиня, — произносит он, прежде чем выйти за дверь.

— Герцогиня, — хихикнула я и бросила стопку записок в его сторону.

Мне понадобился ровно час и сорок пять минут, чтобы успокоиться. Неописуемый шок от того, что я увидела его через столько лет, оставил меня опавшей в кресле, словно выброшенную тряпичную куклу. Я продолжаю проигрывать ту часть, где он оборачивается, и кофе брызгает у меня из носа. Я делаю дыхательные упражнения. Успокаиваю себя мыслями о счастливых радугах и мороженом, но цвета продолжают становиться черными, а мороженое тает в мрачном беспорядке. Когда я обрела некое подобие контроля, неоднократно нанося удар ножом для разрезания писем в файл с делом Лии, я направилась в зал заседаний.

— Он горячий! — Шепчет мне секретарша, когда я прохожу мимо ее стола. Чувствую, что мой глаз дергается.

— Ох, заткнись.

Когда я вошла в комнату, то сначала увидела Лию. Как могла не увидеть? Она все еще окружена ореолом рыжих волос. Они кажутся ярче, чем четыре года назад, и более вибрирующими.

Я сожалею о том, что не послушалась насильника Добсона в тот день под дождем и не пошла домой. Если б я поступила так, как он сказал, ничего из этого бы не произошло.

Калед встает, когда я вошла. *Очаровательно.* Лия смотрит в сторону. *Горько.*

— Оливия, — произносит Берни, сияя. — Хочу представить тебе Лию Смит и ее мужа - Калеба Дрэйка. Мы всежимаем руки, и я занимаю место напротив них. Калед, чья рука лежит на спинке стула Лии, улыбается мне, словно мы старые приятели, а затем подмигивает.

Так несправедливо.

Лия смотрит на меня сквозь свои ресницы и даже не пытается улыбнуться.

— Я просмотрела ваше дело, Миссис Дрейк...

— Смит, — поправляет она меня.

— Верно. Я горжусь своей честностью, поэтому собираюсь искренне рассказать Вам о

том, что у обвинения отлично состряпанное дело.

Калеб фыркает от моего упоминания о честности. Лия выглядит зеленой. Я продолжаю, не смотря на грязные взгляды, которые мне посылает Берни. Она думает, что я собираюсь испугать их, и разрушить шанс фирмы на получение этого дела. — У них есть свидетели, готовые встать в зале суда и засвидетельствовать, что вы сделали все, чтобы выпустить на рынок наркотик под названием «Prenavene».

Я обхватила руками подбородок и наблюдала, как Калеб извивается рядом со своей грязной, отвратительной женой.

— В настоящее время Управление имеет самый высокий показатель дел, закончившихся обвинением, в штате Флорида. Они собираются прийти за Вами с направленными на Вас пистолетами, Вы меня понимаете? Все, кем Вы являетесь, кем был ваш отец – все это будет вынесено на обозрение суда. И, когда они закончат, им не составит труда Вас разоблачить.

Лия безучастно смотрит на меня. Знаю, я напугала ее намного сильнее, чем должна была. В ее глазах блещут слезы. Я иду за своей добычей.

— Вы не всегда выигрываете, — говорю я, смотря на нее со значением дела. Она поднимает на меня взгляд. Признание застилает ее глаза. В комнате тихо. Либо всем кажется, будто что-то серьезное происходит, или же они просто заснули. Я не отвожу глаз от Лии.

— Ты можешь помочь мне? — спрашивает она, наконец, и я слышу отчаянное напряжение в ее голосе. Я откинулась в своем кресле. В этом что-то есть – мой враг просит моей помощи. Я знала, карма придет за нами обеими, но Боже, происходящее сейчас реально надирает ей зад. Я контролирую ее жизнь. Я посмотрела на Калеба. Я контролирую и его жизнь. Я тяну время, чтобы ответить. Вставая, я иду, сцепив руки за спиной.

— Могу. — Она, кажется, визуально осела в облегчении. — Что ты готова сделать, чтобы доказать свою невиновность в этом деле? — Она молчит, изучая мое лицо, так же как я до этого изучала ее. Затем, она наклоняется вперед, все еще сидя в своем кресле и опуская свои ярко-красные ногти на стол переговоров, словно касается клавиш пианино.

— Все. Я сделаю все, что угодно. — И пока я сидела там, связанная настолько холодным мгновением, у меня мурашки пошли по телу. Я верю ей. Мы одинаковые. Мы обе готовы торговать своими душами, чтобы обеспечить свое счастье. Мы любим одного и того же мужчину. Мы занимались грязным перетягиванием каната, чтобы обладать им, и теперь нам обоим есть, что искупить.

Я взяла дело. Я должна дискредитировать свидетелей, демонизировать ее отца и превратить Лию в хорошего человека, которым на самом деле она не является. И я сделаю это не ради своей карьеры, не смотря на то, что Калеб считает именно так. Я сделаю это ради того момента, когда он остановился и отказывался продолжать ехать, пока я не спела ему «Achey Breaky Heart»; ради того момента, когда он целовал меня на полу своей спальни, удерживая мои руки над головой. Я сделаю это, потому что он все еще называет меня Герцогиней.

Это напоминает мне ту самую игру с чувством вины, которую я разыгрывала и раньше, чтобы быть рядом с Калебом независимо от обстоятельств или последующей расплаты.

Калеб. Калеб. Калеб.

Мы закончили нашу встречу, построив планы на следующую, и все дружно пожали друг другу руки. Берни вообще любительница пожимать руки. После этого я со всех ног бегу в туалет и держу руки под кипятком, пока они не становятся ярко-красными. Ненавижу тот

факт, что должна была прикасаться к ней. Берни ждет меня в офисе.

— Что это было? — рявкает она, что для нее совсем не характерно.

— Тебя это не касается. У меня есть дело, и я собираюсь его выиграть, так что отвали.

— Узнаю мою девочку, — напевает Берни, а затем просто выходит, ничего больше не получив от меня.

Спустя девять месяцев, которые мы провели за подготовкой, дело передали в суд. Одним из свидетелей обвинения был мужчина. Когда я вела с ним перекрестный допрос, он разозлился из-за моего обвинения, в котором я утверждала, что он завидовал продвижению Лии, и назвал ее избалованной сукой прямо с помоста. Вторая свидетельница была уволена отцом Лии спустя несколько месяцев после начала клинических испытаний «Prenavene». Я показываю присяжным пять разных писем, которые она написала отцу Лии: в первом она умоляет вернуть ей работу, а в оставшихся четырех угрожает уничтожить его любым способом. Третья свидетельница не присутствовала на работе в тот день, когда, как она сама утверждала, видела, как Лия заменяла результаты исследований в компьютере. У меня есть талон и видео с ее прослушивания на программу «Американский Идол», которые и помогут мне доказать это.

Я мастер по части притворства. Когда адвокат Оливия заходит в зал суда, то у нее на лице красуется нейтральное и сосредоточенное выражение. Я хороша в притворстве, причем порой даже настолько, что иногда теряю след того, кто я есть на самом деле. По вечерам, после заседаний суда, я срываю маску, провожу руками по волосам и иду к океану, чтобы поплакать (да, я все еще мелодраматична). Мне хочется, чтобы мама все еще была жива. Хочется, чтобы Калеб присутствовал на каждом заседании суда. Я должна видеть его, чувствовать его, взаимодействовать с ним....

Он по-прежнему крутит кольцо на большом пальце. Я заметила, что он часто так делает, когда я говорю. Знаю, он ждет, что я сделаю что-то безумное и иррациональное. Но сейчас я под контролем, ведь у меня есть работа, которую надо выполнять. И нет, речь не о том, чтобы выиграть дело ради себя. Это касается его и моего искупления. Мои свидетели вставали один за другим, и у моего дела появился шанс. Я сделала ставку на отчаяние и выбрала людей, которые многое потеряют, если Лия проиграет: пенсионеров, которые не увидят свою пенсию, молодых химиков, которые только начали продвигать свои карьеры...

Лия наблюдала за мной, прищурив свои змеиные глаза, пока я тщательно обрезала нити изобличения вокруг нее. Клянусь, иногда даже в них я замечаю уважение. В свой день рождения я появляюсь в суде пораньше, потому что есть кое-что, что мне хотелось бы решить до начала заседания суда. Калеб сидит на своем обычном месте без Лии.

— С Днем Рождения, — говорит он, когда я раскрываю свой портфель.

— Удивлена, что ты помнишь, — произношу я, не смотря на него.

— Почему?

— Ты забыл очень многое из того, что произошло за последние несколько лет твоей жизни.

— Я никогда тебя не забуду, — произносит Калеб. Выглядит это так, словно он хочет сказать что-то еще, но затем входит прокурор, и Калеб закрывает рот.

К девятой неделе судебного разбирательства, я вызвала семь свидетелей на помост. Из тридцати сотрудников, которые работали с моим клиентом над формулой «Prenavene», лишь семеро готовы были прийти и свидетельствовать от ее имени. Из этих семи, трое были непоколебимо привязаны к ней, и четверыми я манипулировала на помосте. Я взяла то, что смогла получить, и вывернула их показания в свою пользу. Когда прокурор вызывает свидетелей обвинения на помост, я дискредитирую их. Женщина говорит о том, что

потеряла своего мужа из-за сердечного приступа, к которому привело употребление «Prenavene». Я же продемонстрировала уже существующую у ее мужа болезнь сердца и нездоровую диету, которой он придерживался. У ветерана были сотни тысяч долларов медицинских счетов из-за его лечения, которое потребовалось ему после того, как наркотик разрушил его печень, и ему потребовалась пересадка. Я же вынесла на свет его алкогольную зависимость, которая уничтожила его печень намного раньше, чем это сделал «Prenavene».

Мы переложили всю вину на ее отца, который уже не сможет пострадать, будучи в своей могиле. Ее огорчал тот факт, что пришлось запятнать его имя, но я напомнила ей, что, если бы он был жив, то сидел бы там, где сейчас сидит она, и с радостью перенес бы всю вину на свою маленькую девочку.

Лия встала на помост последней. Мы рассматривали возможность вообще не отправлять ее туда, но решили, что жюри необходимо услышать ее сладкий голос и посмотреть в ее испуганные глаза. Она хорошо играет в уязвимость.

— Знали ли Вы, миссис Смит, когда подписывали формы разрешения, что это был не «Prenavene», который отправили в Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, а неизвестная версия «Рахsilvan»? — Я стою немного слева от нее, глазами напоминая ей, как отвечать на вопросы, которые мы отрепетировали уже десятки раз.

— Нет, не знала. — Она поднимает розовый платок к своим воспаленным ноздрям и мягко дует в него. Я смотрю на присяжных уголком глаз. Они внимательно наблюдают за ней, вероятно гадая, способна ли эта деликатная девушка в лавандовом платье на подобный обман. Я вспоминаю тот момент, когда она сидела у меня дома на диване и выпускала дым из своих малиновых губ. Ее глаза тогда были подведены черным карандашом.

«Она способна», — мысленно говорю я им, — «на это и даже на большее».

— Ваш отец, покойный мистер Смит, — говорю я, смотря на присяжных, — сказал вам, что Вы подписываете?

— Форму, — слабо признает она.

— И Вы прочитали эту форму, прежде чем поставить в ней свою подпись? Вы проверяли результаты в лаборатории?

— Нет, — она смотрит на колени и всхлипывает, — я доверяла своему отцу. Если ему нужна была моя подпись, то я давала ее ему без вопросов.

— Вы верите, что ваш отец был осведомлен о неточностях в результатах тестирования лекарства «Prenavene», которые содержались в этих документах? — Вот она — самая тяжелая часть. Я вижу, как Лия борется с собой, пытаюсь заставить слова сорваться со своих губ. Ее нерешительность порочить своего отца делала ее более правдоподобной в глазах присяжных.

— Да, полагаю, он был осведомлен, — произносит она, смотря прямо на меня. Слезы собрались в ее глазах. *«Плачь», — заставляю я ее мысленно, — «дай им увидеть, как ты разрушена из-за этого».* Ее слезы бегут по щекам, и я снова вижу ее, стоящую в дверном проеме в ту ночь, когда Калев ужинал у меня дома.

Слезы манипулирования.

— Миссис Смит, — сказала я, наконец, давая ей секунду, чтобы успокоиться, — Вам есть, что сказать семьям жертв этого препарата? Семьям, которые потеряли своих близких из-за подложных документов «ORI-gem»?

— Да. — В этот момент она ломается, обнимает себя и всхлипывает. Слезы каплют с ее лица на колени. — Мне так жаль. Я чувствую отвращение к себе и глубоко сожалею о том,

что была причастна к их смерти. Я бы сделала все, что угодно, лишь бы изменить то, что случилось. Хочу, чтобы они знали, хоть мои извинения и бесполезны, ведь это не вернет их матерей и отцов, дочерей и сыновей обратно, но я буду видеть их лица до конца своих дней. Мне так жаль, — ее руки подлетели вверх и прикрыли лицо.

Браво.

Я облегченно вздохнула. Она сделала это. Она добилась этого.

— Спасибо Вам, миссис Смит. Это все, Ваша Честь.

Прокурор допрашивает Лию дальше. Она остается твердой. Она так чертовски хорошо играет. Я мысленно аплодирую ее широко раскрытым глазам.

Когда она спускается с помоста, чтобы занять свое место, наши глаза встречаются со всезнанием, которое происходит в нормальных отношениях между адвокатом/клиентом. — *«Хорошо ли я лгу?»* — спрашивают меня ее ресницы. — *«Была ли я достаточно мягкой, чтобы убедить присяжных?»* — Ее рот надувается. — *«Ты одаренная актриса»*, — говорю я ей движением своих глаз. — *«И я ненавижу тебя»*.

Я поворачиваюсь на сидении, чтобы посмотреть на Калеба. Он смотрит на меня, а не на свою жену. Он признает успех кивком головы с плотно сжатыми губами.

Мы снова встретимся в здании суда первого сентября. Утром будет зачитан приговор Лии. Я в замешательстве околачиваюсь в своей квартире. Снаружи темно, и я вижу лишь несколько мерцающих огней лодок, которые ползут по поверхности океана. Я со вчерашнего дня не мыла голову. На мне надета пропитанная потом старая футболка, когда раздается дверной звонок. Забавно. Обычно, если у меня намечаются гости, мне звонят с регистратуры еще до того, как откроется лифт. Я тащусь в носках к двери и открываю ее, не смотря в глазок. Поверьте, это очень плохая привычка. Калекб стоит в моем дверном проеме в помятом костюме, держа в одной руке бутылку вина, а в другой - жирный пакет еды на вынос. Я без слов впускаю его. Я не удивлена, не огорчена. Я - Оливия, а он - Калекб. Он следует за мной на кухню и громко свистит, когда видит мою квартиру. Я ухмыляюсь и протягиваю ему штопор для вина. Он вытаскивает пробку, пока я иду к шкафу за двумя бокалами. Я начинаю нести все на стол, но он указывает на мой балкон, выходящий к океану. Единственный способ туда добраться - пройти через мою спальню. Мы несем все наружу и садимся за кованный железный столик, который никогда не используется. Он принес суши. Мы вытягиваем ноги и едим в тишине, наблюдая, как волны облизывают песок. Между нами присутствует некая тяжесть, но разве так происходило не всегда? После завтрашнего дня у нас не будет больше оправданий, чтобы видеть друг друга, и хотя мы почти не обсуждали ничего личного, был обмен взглядами, маленькие слова...

Я так устала от этого круговорота, от этой постоянной борьбы за то, чтобы дышать с ним одним воздухом. Я подняла взгляд и увидела, что он наблюдает за мной.

— Что?

— Не выходи замуж за Тернера.

— Пфффф..., — произнесла я. — Почему ты так сильно его ненавидишь?

Калекб пожимает плечами. — Он не твой тип.

— Правда, — дразню я. — В любом случае, что ты вообще знаешь об этом? У тебя самого просто ужасный вкус.

Еще несколько минут мы сидим в тишине, и затем он произносит:

— Если ты никогда мне ни в чем не верила, то поверь хотя бы в этом.

Я вздыхаю, и меняю тему.

— Помнишь наше дерево?

— Да, помню, — отвечает он мягко.

— Они срубили его.

Его голова поднимается, чтобы посмотреть на меня.

— Я шучу, — хихикаю я.

Он улыбается и качает головой.

— Да какая разница, даже если они это и сделают? Наши отношения давно уже срублены, — улыбается он, но это горькая улыбка.

— Прошли через мясорубку, — замечаю я.

— Превратились в порошок, — добавляет он.

После этого он уходит. Через несколько часов после того, как он ушел, я все еще могу ощущать его в своих комнатах. Моя квартира ощущается холодной и пустой без него. Я бы все отдала: деньги, работу мечты, квартиру... *«Я могла бы жить с ним в нищете и была бы при этом очень счастлива»*, — думаю я. И почему я раньше это не поняла? До того, как все испортила. Я не могу уснуть, поэтому просто сижу на диване и смотрю на океан. Я все еще сижу там, когда встает солнце.

Мысленно готовясь к суду, я делаю себе кофе и иду к двери.

Сегодня последний день.

Мы выиграли дело.

Лию признали невиновной в фальсификации документов и в мошенничестве с клиническими испытаниями, однако она виновна в халатности по отношению к своим должностным обязанностям. В итоге, она заплатит штраф в размере одного миллиона долларов и проведет двести часов на общественных работах. Но я не праздную. Я могла бы засадить эту суку за решетку и украсть ее мужа. Ужин в честь победы проходит в шикарном ресторане в «South Beach». Я ограждаю себя от нескольких доброжелателей, когда замечаю, что она направляется прямо ко мне. Я смотрю на ее сексуальное черное платье с отвращением. Она такая отполированная и причесанная, что напоминает журнальный разворот. На мне простое, кремовое платье карандаш. Сегодня она - Дьявол, а я - Ангел.

— Оливия, — мурлычет она, прогуливаясь с бокалом вина в руке, — предлагаю тост за нашу победу. Все было очень здорово сделано. — Она чокается своим бокалом с моим, и я натянуто улыбаюсь.

— Спасибо тебе.

— Не думаю, что когда-либо пойму, зачем ты это сделала, зачем ты спасла меня. Разве что потому, что *он* попросил тебя.

Как будто по команде, мы обе смотрим на Калеба, который смеется и разговаривает с группой друзей.

— Должно быть, тебе очень тяжело находиться рядом с ним. — Она властно наблюдает за ним. Я поражена тем, как сильно скучаю по его смеху. Но ее взгляд возвращает меня к сути, напоминает мне о том, что он принадлежит ей, а не мне.

— Он не из тех парней, которых женщины легко забывают, — продолжает она сладко, и если бы я не была из тех девушек, которые прекрасно знают, в какую игру она играет, то я бы даже подумала, что она говорит искренне.

— Да, он действительно не такой, — свободно признаю я.

— Ты все время наблюдаешь за ним. Я вижу, ты это делаешь, Оливия.

Я скучно смотрю на нее. Она играет в игры с тем, кто знает гораздо лучше неё, как в них

играть.

— Смотрит ли он на тебя так, как смотрю на него я? — спросила я случайно. Ахх, вот и он. Плохо замаскированный гнев. И по выражению ее лица я понимаю, что задела ее за живое. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я поднимаю руку.

— Лия, иди и будь со своим мужем, — говорю я, — прежде чем он поймет, что все еще любит меня.

И как будто по звонку, Калев поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Не на свою жену, а именно на меня. Наши глаза сцепляются на долю секунды. Мои и Калеба. Янтарные и голубые. Лия замечает наш обмен взглядами, и хоть она и остается воплощением приличия и класса, я-то вижу, как белизна проступает вокруг ее губ. Ее гнев перекачивается на меня, и я чувствую, что те флюиды, которые исходят от него, отталкивают гнев. Он жаждет, как и я. Я собираю то, что осталось от моего самоконтроля и говорю себе правду: *«Не мой. Никогда»*.

Я ставлю бокал с вином на ближайший столик и быстро ухожу из их жизни. Некоторые вещи лучше оставить в одиночестве. На следующее утро я включаю телевизор, только чтобы увидеть знакомое фото крупным планом. Я всматриваюсь в картинку и стою, когда слышу имя.

— Добсон Скотт Орчард был задержан полицией в аэропорту Майами прошлой ночью, когда пытался сесть на самолет до Торонто. Полиция задержала его по подозрению в изнасиловании. Среди его жертв в настоящий момент числится семь женщин, возраст которых колеблется от семнадцати до тридцати лет. Пять из них пришли и опознали его, как человека, который похитил их и изнасиловал. Полиция призывает других жертв объявиться и дать показания...

Затем камера перемещается на фотографию Лауры Хидлсон, называя ее первой жертвой Добсона. Я махнула на ее фотографию и выключила телевизор. Вся жизнь — выбор, и я решаю, каким он будет — хорошим, плохим или эгоистичным. Но, кажется, самый безопасный выбор, который я когда-либо делала в своей жизни — это не встала под его зонт в тот день, когда столкнулась с Калевом.

Тернер решил переехать во Флориду после того, как я выиграла дело. Он продал свой дом в Грэйпвайн, купил новый гардероб пастельных тонов и поменял свой «Лексус» на блестящий, желтый «Корвет». Я почувствовала вторжение, когда однажды пришла домой и обнаружила, что моя гостиная заполнена его аккуратно промаркированными коробками. «Шкаф на первом этаже», «Игровая», «Офис»... они были написаны почерком, который я знала, принадлежал его матери. Я бродила в лабиринте вещей Тернера и надеялась, что он не планирует распаковывать их здесь. У меня нет комнаты для дартса^[53] и картинок с подписями Диего Марадоны. Мы неделю спорили об этом, и, в конечном итоге, он согласился оставить свои вещи в камере хранения. Когда коробки исчезли, я начала работать над тем, чтобы приспособиться к моей новой жизни, проходящей под лозунгом «живу с...», который патрулирует коридоры моей квартиры в белых плавках и поет песни с техасским акцентом.

Мой холодильник забит пивом и сальсой^[54], и по какой-то странной причине, это раздражает меня куда больше, чем кучи грязного белья, которые я нахожу по всему дому. Однажды утром я проснулась и обнаружила слова «Ты невероятно горяча», написанные губной помадой на зеркале в ванной комнате. Я сжала зубы, выбрасывая испорченную помаду «Wine Gum» за пятьдесят долларов, и провела десять минут, оттирая остатки уксусом. Когда это случилось во второй раз, я спрятала свою помаду. В промежутке между мартом и маем я насчитала семнадцать любопытных пятен на своем диване цвета слоновой кости, двенадцать царапин от обуви на стене и 37 бутылок пива оставленных случайно по всей квартире.

На нашу годовщину он водил меня на ужин, нарядившись в бирюзовую рубашку на пуговицах, белые штаны и белые мокасины из крокодила. Я вспоминаю, какой вкус в одежде был у Калеба, и чувствую стыд за яркость Тернера.

Это не игра в сравнение, напоминаю я себе. Он часто говорит, что любит меня, и каждый раз я внутренне съеживаюсь.

«Ох, да что ты знаешь о любви?» - молча жалуюсь я. - «Кого ты обманываешь? Ты же никогда никого не любил».

Привлекательный Тернер, который обожает меня и относится ко мне как к дорогому аксессуару, а я ведь даже ненавижу, как пахнет его подушка.

Кaleb сделал это, черт побери. Я была счастлива с ним, немного бредово, но, тем не менее, счастлива. И теперь... теперь все, о чем я только могу думать, так это о его изогнутой улыбке и о том, как он пахнет, о том, как он закатывает глаза, развлекаясь и стебаясь.

Я провожу психоанализ своих отношений с Тернером, и когда не могу прийти ни к одному заключению, то встречаюсь с Кэмми, чтобы докопаться до причины.

Мы выбрали маленькое французское кафе вниз по «Las Olas Avenue», чтобы попить кофе французского помола.

— Он словно наполнитель, — говорит Кэмми с гораздо большей уверенностью, чем у террориста-смертника.

— В смысле? — я изучаю меню, рассматривая круассан^[55] с миндалём.

— Ну, знаешь он из тех, которые с легкостью проникают в твое сердце, чтобы спасти его от разрыва.. от кровотечения...

— То есть, ты хочешь сказать, что я встречаюсь с Тернером, чтобы перестать думать о Калебе? — Кэмми кивает.

— Так почему ты просто не можешь сказать этого?

— Потому что, когда говоришь фигурально, то начинаешь звучать гораздо умнее.

Я моргнула на нее несколько раз, прежде чем отложить меню.

— Так что ты предлагаешь мне сделать, умные штанишки? Я уже оправдала его жену во всех ее преступлениях.

— Подожди, — произносит Кэмми, — я говорю сейчас не о Калебе. Я говорю о том, что Тернер не для тебя.

Я вздыхаю. Почему все продолжают это говорить?

Две недели спустя я дохожу до предела и прекращаю «притворяться». Тернер повсюду. Я устала отталкивать его и находить ему оправдания. Я решила посвятить день себе. Я рассталась со своим хмурым женихом прямо у входной двери, поспешно поцеловав его в губы. Он кричит мне в след, спрашивая, когда я снова буду дома, но я продолжаю идти, игнорируя его слова. Когда дверь лифта закрывается, я соскальзываю на пол и опускаю голову между колен. Я чувствую, что снова могу дышать. Шоппинг - звучит сейчас очень здорово, а может провести немного времени в СПА? Я знаю девушку, которая сможет принять меня в последнюю минуту. Но затем мои мысли ухмыляются и уносятся к мужчине, в которого я все еще влюблена, и я осознаю, что любой мой день - это в любом случае день, проведенный вдали от него. Поэтому, я соглашаюсь на следующую лучшую мысль, пришедшую мне в голову, которая предлагает мне сделать то, что я не делала уже очень давно. Я вытаскиваю телефон из моей ну очень дорогой сумочки и нажимаю цифру «1» на быстром наборе.

— Кэмми, это я, — шепчу я в телефон, хотя прекрасно понимаю, что я одна, и никто меня не слышит. Я испытываю чувство вины за то, что собираюсь сказать. — Помнишь старые добрые деньки детектива Гаджета^[56]? — Наступила долгая пауза, и я проверила экран телефона, чтобы убедиться, что мы все еще на связи.

— Ты сошла с ума..., — наконец, произнесла она. Затем, после долгой паузы, — ... за кем мы шпионим?

— А ты как думаешь? — спросила я, играя с ремешком на своей сумочке.

Еще одна пауза.

—НЕТ! Однозначно...НЕТ! Не могу в это поверить...где ты, черт возьми?

— Давай же, Кэм. Если бы у меня был еще один друг, которого я бы могла попросить, то...

— Ты точно *не станешь* просить никого другого сделать нечто столь психопатическое. И, *если* ты все-таки попросишь, то я сильно обижусь.

— Я уже на пути к твоему дому, — сказала я, трогаясь на машине задним ходом со своего места в стиле «дива».

— Отлично. Я собираюсь и жду. Убедись, что ты прихватила кофе.

Тридцать минут спустя я подъезжаю к опрятному дому Кэмми, расположенному в тупике улицы, и небрежно паркую машину на ее подъездной дорожке. На окнах ее дома расположились ящики с цветами. Садовые гномы сидят в пионах. Слишком милый домик для такой ведьмы. Она открывает дверь прежде, чем я успеваю позвонить в звонок, и втягивает меня внутрь за пояс моих штанов.

— Какую машину возьмем? — по-деловому спрашивает она.

— Я думала, ты не хочешь....

Она выхватывает кофе из моих рук и смотрит на меня через край.

— Конечно же, я хочу, но я была бы очень плохим человеком, если бы даже не попыталась возразить.

Я пожала плечами. Лично я перестала пытаться успокаивать свою совесть еще несколько лет назад, но каждому свое.

— Возьмем твою. Он ее никогда не видел, так что меньше шансов, что нас заметят.

Она кивает, поднимая сумку с дивана.

— Ты знаешь, где живет этот придурок?

— Я все знаю, — я передразниваю ее тон и следую за ней в гараж. — Я же его адвокат, хех!

— Да? Тогда скажи, в какой позе они е... — На данный момент Кэмми говорит нечто очень, очень грубое. Я вздрагиваю.

Я выросла с нелюбовью к слову на букву «е». Милая и деликатная Кэмми начала ругаться после Стивена, который дважды ей изменил, а затем еще и украл 17 тысяч долларов из ее комода. С того рокового дня, когда Кэм застукала Стивена совокупляющимся со своей секретаршей, она развила в себе навязчивое желание говорить слово на букву «е» и называть девушек «дрянными суками».

— Вероятно, в той же позе, в которой были Стивен и Тина, когда ты нашла их занимающимися кое-чем противным, — произнесла я.

— Тише, тише, — отвечает она. — Так мы следим и за дрянной сучкой, или же лишь за Мистером Совершенство?

— За Калобом, — произношу я решительно. — Я хочу шпионить за Калобом. — Кэмми кивает головой и выводит свой черный SUV на шоссе.

— Позвони в его офис.

— Зачем? — спрашиваю я, роюсь в сумке, чтобы проверить приспособления.

— Так мы узнаем, где он и что сегодня делает, гений.

— Не могу, — мой палец задерживается над кнопкой вызова. Кэмми забирает телефон из моей руки и нажимает на неё сама.

— Слабачка, — бормочет она, а затем...., — Здравствуйте, эм, я из «Sunrise Dental» и пытаюсь связаться с мистером Калобом Дрэйком. Он пропустил свой прием, который был назначен на сегодняшнее утро... Ох, да? Правда? Ну, тогда все понятно... хорошо... я перезвоню позднее, чтобы перенести его прием. Спасибо вам. — Она вешает трубку и триумфально улыбается.

— Их нет в городе!

— Отлично, — говорю я, в замешательстве качая головой. — Почему ты так счастлива?

— Потому что теперь мы можем вломиться в дом! — заявляет она, делая по-настоящему демоническое лицо.

— Ты просто сумасшедшая, — говорю я, отворачиваясь от нее и смотря в окно. — Зачем мне это вдруг понадобилось?

— Тебе это понравится, поверь мне. Я вломила в дом Стивена после того, как узнала, что он ебется с той дрянной сучкой, и нашла там кучу всяких интересных вещей... Оказывается, у него были пристрастия к азиатским... мужчинам.

— Ты вломила в квартиру бывшего? — Сейчас моя голова кружилась. — Почему я до сих пор не знаю об этих махинациях? И когда ты собиралась просветить меня?

— Ты была занята. Люси и Этель не собирались шпионить. Этель вообще вломила лишь для того, чтобы найти сережки своей бабушки, которые она там оставила.

— Отлично, но, во-первых, перестань относиться к себе в третьем лице, Этель, а во-вторых, я не стану вламываться в их дом!

— С каких это пор ты стала полицией нравов? — она сделала вынужденный глоток кофе.

— С тех пор, как стала адвокатом...

Она нахмурилась.

— ... и повзрослела.

Она фыркнула.

— И я итак уже взвалила кучу жизненных неприятностей на этого человека. — Последнее заявление, казалось, бесит ее, потому что она начинает плевать. Она отыгралась на мне в чисто техасской манере!

— И он на тебя! — она указывает на меня пальцем, после чего ударяет по рулю. — Он продолжает возвращаться! Черт побери, Оливия, он продолжает находить тебя снова и снова, и у тебя, черт побери, есть право знать, зачем он это делает. Он испортил твою жизнь четыре раза. Я НЕНАВИЖУ, КОГДА ЛЮДИ НЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ПОВОРОТНИКИ! — (показывает средний палец «Мерседесу», когда мы проезжаем мимо. — Кроме того, не будем забывать, что Лия уже проникала к тебе в дом, совершив подобие *«Рокового Влечения»*^[57] в твоей квартире.

И это была правда.

— Я знаю их код домашней сигнализации, — говорю я слабо.

— Откуда? — ее глаза распахнуты в восхищении.

— Сигнализацию устанавливали, пока Кaleb, Лиа и я были на очередном брифинге, и компания, специализирующаяся на сигнализации позвонила ему на телефон, чтобы подтвердить код, прежде чем они его деактивируют.

— Теперь все что нам нужно - это ключ, — она улыбается мне и заворачивает в «Parkland».

— Они хранят его в кормушке для птиц во дворе.

— *Это-то* ты откуда знаешь?

— Я слышала, как он говорил это горничной по телефону, когда она захлопнула дверь, находясь снаружи.

Она ругается на меня, используя слово на букву «е», и называет меня жуткой.

— Да, и еще ты дрянная сучка.

Мы стоим в фойе огромного дома Лии и Калеба. Я стою, виновато покусывая ногти, а Кэмми без капли беспокойства прогуливается кругом, трогая их вещи. Я наблюдаю за ней и гадаю, кто выиграет, если она и Лия будут драться.

— Посмотри-ка на это, — произносит она, поднимая филигранное яйцо с богато украшенного золотого стола. — Оно стоит, наверное, как тысяча сумочек «Картьер».

— Положи на место, — зашипела я, выплевывая кусочек акрила из уголка рта. Их дом был музеем, а Лия была его главной достопримечательностью. Куда бы я не посмотрела, везде были изображения и фотографии этой рыжей бестии. Некоторые из них достаточно любезные и включают в себя еще и Калеба. Я задрожала под ее взглядом, который она бросала с одной из фотографий, и встала в нише.

— Мы уже вломились, так что можем же мы хотя бы использовать это на полную, —

прошептала она.

Я следую за ней на кухню, где мы заглядываем в холодильник. Он забит всем, чем душа пожелает, начиная от икры «Vulga» и заканчивая шоколадным пудингом «Jell-O». Кэмми оторвала виноградинку от ветки и закинула ее в рот.

— Косточки, — бормочет она. Сок течет струей с ее губ и на дверь холодильника. Я вытираю пятно бумажным полотенцем и бросаю его в корзину.

Мы идем по извилистой лестнице. Наши каблуки стучат по мрамору цвета сливочного масла. Кэмми останавливается перед тем, что казалось, должно было бы быть дверью, ведущей в главную спальню.

— Эм, я не собираюсь заходить туда, — говорю я, делая несколько шагов назад. Я лучше руку отрежу, чем увижу *их* спальню.

— Ну, а я посмотрю..., — и с этим она толкает дверь и исчезает внутри. Я прогуливаюсь в обратном направлении. Иду по длинному коридору, который заполнен черно-белыми фотографиями 8x10. Кaleb и Лия разрезают свадебный торт, Кaleb и Лия стоят в обнимку на пляже, Лия курит сигарету перед Эйфелевой башней.... Я с отвращением отворачиваюсь. Я больше не хочу находиться здесь, это их место; место, где они смеются, едят и занимаются сексом. Не могу поверить, как все изменилось.

Я чувствую себя оставленной позади; словно я вышла из комы и обнаружила, что мир двигается дальше без меня. И почему же я испытываю прежние чувства, когда все вокруг изменилось?

Я направляюсь обратно к лестнице, чтобы ждать там возвращения Кэмми. И затем я увидела ее — дверь, огромную овальную дверь. Кaleb всегда говорил мне, что хочет, чтобы в построенном им доме дверь, ведущая в его кабинет, напоминала бы одну из этих тяжелых средневековых дверей, которые вы частенько видите в фильмах. Я подошла к ней и потянулась, чтобы коснуться круглой ручки, которая размером чуть ли не с мою голову. Она распахивается, и запах нового дома ударяет меня прямо в лицо. Даже в кабинете не пахнет Кalebом. За последние четыре года он сменил свой парфюм. У меня снова возникает это ощущение комы.

Полки из грецкого ореха, заполненные романами, учебными пособиями и случайными предметами весят на каждой стене. Я направились к столу и села в его огромное вращающееся кресло. Оттолкнувшись, я покрутилась несколько раз. Это его любимая комната в доме. Могу с уверенностью утверждать об этом. Все что он любит, все, что ему нравится, и все, что он ненавидит, собрано здесь.

Бейсбольные мячи с автографами расположились на стойке в стене. Я могу представить, как он извлекает один и подбрасывает в воздух несколько раз, прежде чем с любовью поставить его на место. Музыкальные диски на любой вкус и цвет разбросаны в куче рядом с монитором компьютера. С невероятной радостью я замечаю тот самый диск, который посоветовала ему в музыкальном магазине. Рядом стоит модель троянского коня, которую его отец дал ему, когда был вынужден пропустить вечеринку по поводу празднования его двадцатиодноголетия. Она сделана из твердой бронзы, и, надо сказать, что она очень тяжелая. Кaleb ненавидел ее, но всегда держал на виду, потому что, как сам он говорил, она напоминает ему о том, что нужно быть человеком своего собственного мира. Я подняла ее и перевернула животом вверх. Там есть небольшое отверстие, о котором почти никто не знает. Однажды Кaleb сказал мне, что хранит в этой статуэтке свои воспоминания, и он не хочет, чтобы их кто-либо видел. Я прикусила губу, прежде чем решила ее открыть.

На одно преступление больше, ну и что? Моя таблица грехов уже итак вышла за пределы шкалы «зашла слишком далеко».

Мои пальцы схватили что-то тонкое и бумажное. Я аккуратно вытащила и раскатала какую-то пергаментную бумагу. Это рисунок, небрежно сделанный углем. В нижней части страницы художник написал свое имя большими, плавными буквами: К. Прайс Кэррол. Рисунок - это изображение лица девушки. Она улыбается и на её щеке небольшая ямочка. Я смотрю на лицо и узнаю его, но не могу понять, кто на нем изображен - и не потому, что рисунок плохой, а потому, что прошло очень, очень много времени, с тех пор как я в последний раз видела это лицо.

— Джессика Александер, — произнесла я вслух, изучая ее лицо широко раскрытыми глазами. — Еще один человек, который доверился мне, а я все испортила. Я свернула рисунок обратно и отложила в сторону. Я гадала, как часто Калеб вспоминает и думает о ней. Представляет ли он, какой была бы его жизнь рядом с ней? Представляет ли он, какой она была бы со мной? Думает ли он обо мне? Я снова потянулась внутрь и на этот раз вытащила что-то металлическое и круглое. Кольцо Калеба на большой палец со звездой и алмазом, которое я подарила ему на день рождения. Я вздохнула, когда поднесла его к губам. Итак, он спрятал его? Он хотя бы хранит его, верно? Может ночами, когда он один и слушает этот CD, он вытаскивает его и думает обо мне. Девушка может надеяться.

Затем я вытащила миниатюрные песочные часы, крошечные песчинки в которых были серебряными, и маленький буклет с цветными страницами: черные, красные, белые, золотые и зеленые без каких-либо слов. Не знаю, откуда эти воспоминания берут начало, но думаю, что после меня. Я ставлю статуэтку обратно на стол, и небольшой звон касается моего уха. Где я раньше слышала этот звук? Мой взгляд переходит на стол, а затем на пол вокруг, в поисках виновника. Где...где? Вот! Мои руки поднимают его, и дыхание покидает мое горло. Не знаю, удивлена ли я, или же я просто знала, что он найдет его, но мой рот стал сухим, когда я перевернула предмет, лежащий на моей ладони. Это пенни, *наш* пенни. Ходил ли он в мою квартиру, после того как я уехала, чтобы найти меня? Увидел ли он его, когда тот лежал на испорченном кофейном столике? Мои глаза наполняются слезами, когда я представляю, как он должно быть смутился. Знал ли он, что взял единственную вещь, которая символизировала начало нашего романа? Лия должно быть рассказала ему, с горечью поняла я. Не смотря на ее обещание, данное мне, она скорее всего вылила на него правду с большим удовлетворением. Рассказала, чтобы удержать его вдали от меня, потому что знала, что он попытается меня найти.

Я сдуваюсь, ссутуливаясь, и чувствую приступ тошноты, когда вдруг слышу свое имя. Оно отдается эхом в большом доме, словно его поет бэк-вокалист.

— Оливия! — Кэмми появляется в его кабинете, вырывая меня из оцепенения. Она чем-то машет в своих руках, ее светлые волосы подпрыгивают от волнения во все стороны

— Оливия, — произносит она снова, ее зрачки расширены. — Есть кое-что, что ты должна увидеть. — Она держит конверт, который затем бросает передо мной на стол.

— Где ты это нашла? — Я не хочу прикасаться к нему.

— Просто закрой рот и открой его, — она скрещивает руки на груди, и я не могу не заметить ее обеспокоенных взглядов. Я тянусь, чтобы взять его, и мягко открываю верхнюю часть, позволяя содержимому выпасть на стол Калеба. Письма, фотографии...я изучаю их с минуту, прежде чем чувствую, как волны шока проходят по моему телу.

— О Боже Мой! Кэмми? — Я смотрю на ее качающуюся голову. Я совершенно

запуталась.

— Я говорила тебе, — констатирует она. — Прочти их.

На столе лежат фотографии со мной...и Тернером. Там даже есть фотография с обручения, которую мы специально сделали, наняв профессионального фотографа, после того, как Тернер сделал мне предложение. На столе лежит и наш снимок, сделанный в зоопарке, когда мы встречались уже около года.

— Я не понимаю, — говорю я тупо, и Кэмми, милая Кэмми, Кэмми детектив, указывает на кучу писем.

— Я буду расстроена? — спрашиваю я, прикусив нижнюю губу.

— Очень.

Я вытаскиваю первое письмо. Оно написано от руки на простом белом листе бумаги.

Привет, Джо,

Я знаю, ты ненавидишь, когда я тебя так называю, но я не могу ничего с этим поделать. Честно, у тебя довольно странная просьба, но я должен признать, что мое любопытство достигло пика. Не знаю, во что ты вляпалась сейчас, но, как и раньше в старшей школе...я в деле!

Шутки в сторону, я у тебя в долгу. Билеты на «Суперкубок» дорогого стоят, поэтому если ты хочешь, чтобы я сводил симпатичную девушку на свидание, то я не собираюсь отказываться.

В любом случае, дорогая, я буду держать тебя в курсе дел. Ей лучше курить!

Тернер

Мой вопль, начинающийся как слабый стон, постепенно возрастает, пока я не начинаю звучать как пожарная сирена. Кэмми выглядит обеспокоенной, поэтому я успокаиваюсь и беру себя в руки.

— Следующее, — я протягиваю к ней руку, и она вкладывает другое письмо между моих пальцев.

Джо – Джо,

Не могу поверить, что это происходит! Я хотел сказать, какого черта? Уверен, ты будешь счастлива услышать, что мы собираемся пожениться. Я, наконец, воспользовался твоим советом и попросил ее руки.

Вау! Думаю, я должен сказать тебе спасибо. Спасибо!

Я буду во Флориде, навещу ее в следующем месяце. Может мы все сможем пойти на ланч: ты, твой мужчина, О и Я. Тебя не убьет, если ты поговоришь с ней!

Я знаю, между вами существует какое-то грязное прошлое, но что бы это ни было, она пройдет через это. Ты сила, которая свела нас вместе. Скоро поговорим.

Обрученный.

Тернер

— Дерьмо, — произнесла я.

— И это еще слабо сказано, — Кэмми подходит туда, где я сижу, и открывает копировальный аппарат Калеба.

— Она сделала меня! Она знала, что я поехала в Техас, и заставила одного из своих друзей ухаживать за мной, чтобы удержать вдали от Калеба! — мой голос становится громче, и Кэмми сочувственно похлопывает меня по плечу.

— Тернер, друг Лии. Она использовала его, а он даже не знал.

— Ну, она дала ему билеты на «Суперкубок». Туда нелегко попасть, ты же знаешь, — Кэмми нажала на кнопку «старт» и жужжание наполнило комнату.

— Я обручена с дешевкой Лии.

Я закрываю глаза и чувствую, как сжимаются мои веки. Как я могла быть такой тупой? Нет, я не была тупой. Я никак не могла узнать, что Тернер и Лия связаны. Но, я должна была понять, что она не поверит моему исчезновению из жизни Калеба и воспользуется дополнительными мерами предосторожности. Я планировала свадьбу с ее страховкой!

— Давай сожжем ее дом, — говорю я, поднимаясь.

— Ага, как же, Люси. Не забывай, что это еще и дом Калеба. Нет нужды наказывать его за то, что сделала Лия.

Несмотря на тот факт, что она должна быть Этель, она пользуется акцентом Рикки Рикардо^[58].

— Я только что спасла ее от двадцати лет тюремного заключения, — стону я. — Я защищала эту отвратительную, злобную, коварную маленькую сучку.

— Да. Чертовски плохо, что ты адвокат, который надирает задницы, да? В любом случае, есть еще плохие новости...

— Еще? Неужели плохим новостям сегодня не будет конца?

Она вытаскивает палочку из кармана и кладет мне ее на ладонь.

— Что это? — задыхаюсь я, смаргивая слезы. Кэмми закатывает глаза.

— Монитор рождаемости.

— Что?

— Это своеобразный тест, который используют, чтобы проверять уровень гормонов в моче...ну, чтобы понять, может ли появиться у тебя животик.

Я дернула руку и уронила его.

— Они пытаются завести ребенка? — выдохнула я. Почему он мне этого не сказал?

— Она пытается завести ребенка. Я обнаружила, что эта мелкая сучка прячет тесты в «секретной» коробке из-под обуви вместе с остальными письмами, — она кивает на корреспонденцию Тернера и монитор рождаемости. — Если бы они вдвоем пытались завести ребенка, не думаешь, что ее тесты должны были бы лежать в ванной комнате?

Я тупо смотрю на нее.

— О - ли - ви - я! Она пытается забеременеть, потому что ты вернулась на экран. Она боится его потерять. Калев не знает! Ты должна их остановить, прежде чем он попадет в ее сети навсегда.

— Почему? Я не могу, — произнесла я, несчастно скользя в кресло.

— Монитор рождаемости, — повторила я, и у меня не было ни малейших идей о том, что это такое.

— Да, она показывает ей дни, которые наиболее благоприятны для того, чтобы она зачала. Из какого ты века?

— И диаграмма рождаемости указала на эти выходные? — Я почувствовала, как дыхание покинуло меня, словно кто-то ударил меня в живот.

Кэмми кивает.

— Вот, — она протягивает мне фотокопии письма от Тернера. — И слушай, пришло время что-нибудь сделать. И я говорю не о твоей подлой и несчастной рутине. На этот раз ты должна сказать ему правду. Должна честно обо всем рассказать.

— Например? В чем еще мне осталось признаться? Он уже итак знает большую часть истории.

— Например, расскажи ему, что именно из-за Лии ты покинула Флориду, и что она пыталась подкупить тебя деньгами...как насчет этого?

— Это ничего не изменит. Он уже знает, что она такая же гнилая, как и я. Он до чертиков любит аморальных девушек.

— Как насчет того, чтобы противопоставить ему его же чувства по отношению к тебе? Он снова нашел тебя после того, как узнал, что ты сделала, когда у него была амнезия. Он все еще любит тебя, Оливия. Ты должна лишь убедить его в этом.

Я подумала о том, как он внезапно появился в моей квартире вечером перед вынесением приговора Лии. Он всегда появлялся, не так ли? Появлялся в музыкальном магазине, в магазине с продуктами, в моем офисе. Черт возьми. Кэмми была права. В этом что-то есть.

— Хорошо, — сказала я.

— Вот и отлично, — соглашается она. — Теперь включи компьютер, мы должны понять, куда они уехали.

Два часа спустя, я зашла через дверь своей квартиры. Окна открыты, и соленый воздух океана ударяет мне в лицо. Я делаю несколько больших глотков и начинаю искать своего жениха — крысу. Я напоминаю себе о том, что стоит оставаться спокойной, вести себя, как леди, но когда я вижу его, загорающего на моем большом патио, то кричу на него так громко, что он почти роняет свою воду.

— Вот, — я снимаю кольцо с пальца и бросаю его прямо в него. Оно катится по плитке и останавливается у его ног. — Я еду в путешествие. ПРОВАЛИВАЙ. Когда я вернусь, тебя уже здесь быть не должно.

Он подпрыгивает, выглядя запутанным. Он смотрит влево и вправо, словно ответ на мое неустойчивое поведение находится где-то здесь.

— Чт...?

Я осматриваю его плавки светло-оранжевого цвета, его солнечные очки от «Гуччи», наблюдаю за тем, как он двигается, словно робот, и внутренне съеживаюсь. И о чем я только думала?

Я не думала! Я заполняла чем-то свое сердце. Кэмми была права!

— Ты знаешь Лию! Но все эти месяцы, когда я защищала ее в суда, ты даже слова об этом не сказал!

Лицо Тернера стало белым, вместо его обычно смешного бронзового. Он машет руками, словно не может решить, сдаться ему или указать на меня.

— Ты водил меня на свидание на «Суперкубок»! — кричу я на него сейчас.

— Да, но....

— Заткнись! Просто заткнись!

Я упала на шезлонг, руками закрыв лицо. Я чувствовала, будто мне под девяносто лет.

— Тернер, мы не подходим друг другу. Я не хочу выходить замуж за тебя. Мне жаль.

— Ну, — пыхтит он. — Разве у меня нет здесь права голоса?

Я смотрю на него сквозь пальцы.

— Вообще-то нет, — вздыхаю я и поднимаюсь. — Мне нужно собираться.
Я направляюсь внутрь.
— Почему? — кричит он мне. — Почему у нас не может получиться?
Я останавливаюсь, смотря через плечо.
— Нечему здесь получаться. Я не могу дать тебе того, чего у меня нет.

Восемь часов спустя я сижу в бизнес классе, потягивая сок и нетерпеливо барабанила пальцами по подносу с напитками, стоящему передо мной. Калей и Алое чудовище в Риме. Да, именно так, как я и сказала, в Риме. Багамские острова были недостаточно хороши для нее, точно также как и Марко-Айленд^[59], несмотря на то, что оба эти места были перечислены как лучшие для зачатия ребенка в интернет-истории ее компьютера. Вместо этого она остановила свой выбор на отеле «The De La Ville Inter-Continental», в котором забеременела ее любимая актриса, которую зовут Сьюзан Сарандон. Откуда я знаю такие подробности?

Дело в том, что я не только проникла к ней в дом со своей подружкой-психопаткой, но я еще взломала ее почту и прочитала ее переписку с мамой.

— Это Ваша первая поездка в Рим?

Я оглянулась, и увидела пару очень зеленых глаз, наблюдающих за мной с соседнего сидения.

— Хм, да, — я выплевываю эти слова так, чтобы у него создалось впечатление о том, что я невероятная грубиянка, и отворачиваюсь к окну.

Противный болтун. Я не настроена на разговоры. Сейчас я должна выполнить самую важную миссию в своей жизни.

— Вы полюбите его. Это самое лучшее место в мире.

— Да, чтобы делать детей, — пробормотала я.

— Простите, что Вы сказали?

— Да ничего, — говорю я, — я еду туда по делам, поэтому у меня не будет времени на развлечение и отдых. — Я пронзительно смеюсь и делаю вид, словно ищу что-то в своей сумочке.

— Очень плохо. Вы должны выкроить немного времени, чтобы увидеть хотя бы Колизей — он изумителен. — Я смотрю на него, осознавая, что это не такая и плохая идея. Святое дерьмо! Я лечу в Рим! Теперь я официально в восторге. Бронируя в спешке билеты, пакуя чемоданы и бросая Тернера, я совсем забыла про него.

— Возможно, именно так я и поступлю, — говорю я, улыбаясь. Он был не так уж и плох. По правде говоря, он был невероятным красавцем с угольно-черными волосами, кожей цвета карамели и точеными скулами. Он был одним из тех, кто мог похвастаться так называемым еврейским носом. Я вдруг почувствовала себя немного скованно из-за своего бледного цвета лица.

— Ной Штайн, — он протягивает мне руку, и я беру её. — Оливия Каспен.

— Оливия Каспен, — повторяет он. — Очень поэтичное имя.

— Пожалуй, это самая странная вещь из тех, что мне когда-либо говорили.

Я гримасничаю, и он улыбается.

— Чем ты занимаешься по жизни? — спрашиваю я, стараясь звучать дружелюбно. О, Господи, я же буквально только что порвала с Тернером. О, Господи.

— У меня свой бизнес. А что насчет тебя?

— Я юрист, — отвечаю я. Смотрю вниз и вижу, как трясутся мои руки. — Я отлучусь в дамскую комнату, ты не против? — Он качает головой и выходит в проход, чтобы я могла пройти мимо. Я чуть не сбиваю с ног маленькую девочку и стюардессу, пока не натыкаюсь

наконец-то на вывеску туалета.

Оказавшись внутри, я закрываю его крышкой и сажусь сверху.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Вся моя жизнь изменилась за последние несколько часов, и я только сейчас это поняла. Тернер, бедный Тернер, хотя и не совсем, учитывая, что он встречался со мной ради билетов на «Суперкубок». Но он ведь любил меня, верно? А вот любила ли я его? Думаю, нет. Я поступила правильно, когда рассталась с ним. Это был единственный выход. Я сполоснула рот в раковине и прислонилась к стене. Это было безумие: броситься в Италию, по наитию погнавшись за бывшим парнем. Что бы сказала мама? Я заглушила рыдание и прикусила губу. Одна в Риме; Господи, да я даже не говорю по-итальянски. Плохо. Очень, очень плохо.

Я возвращаюсь на свое место. Ной любезно позволяет мне пройти, не вставляя ни слова о моем опухшем лице. После того, как я делаю несколько больших глотков своей безвкусной содовой, я протираю двумя пальцами под глазами, чтобы стереть смазанную тушь, после чего поворачиваюсь к Ною, хмурясь.

— Я еду в Рим вовсе не по работе, — говорю я. Он не выглядит удивленным. Хотя чему он должен был удивиться? Он же не знает, что я извечный лжец.

— О, — произносит он, приподнимая бровь. — Хорошо.

Я делаю глубокий вдох. Говорить правду невероятно волнительно.

— Я собираюсь найти Калеба Дрэйка, и когда я это сделаю, то должна буду рассказать ему всю правду. Я очень этого боюсь.

Он смотрит на меня с новым интересом. Я превратилась из красивой девушки в женщину с интригой.

— И какую правду ты хочешь ему рассказать?

— Ужасную. Будет очень много разоблачения, — вздыхаю я.

— Я бы хотел услышать об этом поподробнее.

Я поерзала под его взглядом. В этих двух зеленых шарах содержалась интенсивность свойственная ядерному оружию.

— Это длинная история...

— Ну, — говорит он, поднимая руки и осматривая кабину. — Это будет длинный полет.

— Хорошо. Я расскажу тебе, но при одном условии, — говорю я, прижимая ноги к груди и оставаясь в таком положении. Ной смотрит сначала на мои колени, а затем на мое лицо, словно не может понять, почему взрослая женщина сидит как маленькая девочка. — Ты должен рассказать мне самую ужасную вещь, которую совершил в своей жизни.

— Самая ужасная вещь, которую я совершил? — он погружается в себя и кривится. — Когда я был в 9 классе, вместе со мной училась девочка, которую звали Фелисити Фэтнес. Шутки ради я пробрался в ее двор и украл нижнее белье с веревки, после чего развесил его на входной двери школы с надписью, в которой говорилось: «Фелисити Фэтнес носит трусы-парашют». Когда она это увидела, то сразу же разрыдалась, споткнулась о школьную сумку, и была доставлена на скорой помощи в больницу, где ей наложили пять швов на подбородок. Я ужасно себя чувствовал. Да и все еще чувствую, вообще-то.

— Это было ужасно, — говорю я, кивая.

— Да, но сейчас она такая малышка. Я видел ее на встрече выпускников и пригласил на свидание. Она рассмеялась, сказав, что я уже видел однажды ее белье, и больше это никогда не повторится.

Я смеюсь, действительно смеюсь, да так, что все мое тело трясется. Ной

присоединяется ко мне. Я все еще смеюсь, когда понимаю, что у меня на руках еще один бойскаут.

— Значит, Фелисити? Это худшая вещь, которую сделал в своей жизни?

— Я украл магнит из магазина «Все по доллару».

— О, парень, — говорю я. — Не уверена, что ты готов к моей истории.

— Проверь меня.

Я посмотрела на его лицо и вспомнила, как однажды Кaleb сказал мне, что не стоит судить о человеке только по его внешнему виду. Если это действительно так, то думаю, я могу доверять Ною, потому что у него самые добрые глаза, которые я когда-либо видела.

— Я влюбилась под деревом... — начала я.

Двенадцать часов спустя

В Риме дождливо, и я стою снаружи «The De La Ville Inter-Continental», скрываясь под дурацким желтым пончо, который едва защищает меня от проливного дождя. Не знаю, почему я нахожусь здесь прямо сейчас, ведь ничего нельзя сделать, когда выглядишь, как мокрая мышь. Но я испытываю невероятную нужду в том, чтобы увидеть его окно, посмотреть на взгляд его глаз .... Их отель маленький, но очень роскошный. Он величественно расположился на вершине Испанских ступеней^[60]. Могу себе представить, какой вид открывается с их маленького балкона. Уверена, оттуда видно весь город. Как романтично. Я вздыхаю и продолжаю наблюдать. За окном какое-то движение, после чего появляется знакомая рыжая голова. Лия стоит под навесом с пылающей сигаретой в руке. Разве она не знает, что никотин негативно влияет на фертильность?

— Продолжай курить, — шепчу я, сужая глаза. Секунду спустя дверь снова открывается и, выглядя словно римский бог, к ней присоединяется Кaleb. Он без футболки. Его волосы влажные, скорее всего из-за того, что он только что принял душ. Я притворяюсь, что мое сердце не пропускало только что электрический заряд, и протираю двумя пальцами под глазами, стрирая тушь, которая там растеклась. «*Не трогай его, не.....*» — она протягивает руку и соблазнительно проводит ею по его груди. Кaleb ловит ее на талии у своих штанов и смеется. Я смотрю в сторону, когда он притягивает ее к себе и обнимает руками. Мое сердце начинает болеть. Во мне просыпается чувство, с которым мы были лучшими друзьями последние девять лет. Я топаю ногой по тротуару. Из моего горла выходит животный вопль. Я так чертовски устала любить его.

— Хорошо, Оливия, соберись. Они собираются проверить монитор рождаемости. Мне нужно остановить игру Лии, чего бы мне это стоило, — вздыхаю я, вытаскивая телефон из кармана. Звонок будет стоить мне целого состояния, но кого это волнует, верно? Нельзя выставить счет за любовь.

Набирая номер «De La Ville...», я стою под навесом парфюмерного магазина и с нетерпением жду, пока не услышу короткий писк звонка.

— Buona Sera, De La Ville Inter-Continental. Non ci sono titoli che contengano la parola? — спрашивает женский голос.

— Эм...здравствуйте...вы говорите по-английски?

— Да. Чем я могу вам помочь?

— Я пытаюсь дозвониться до одного из ваших постояльцев. Его зовут Кaleb Дрэйк. Это срочно, и я думала, что было бы прекрасно, если бы вы смогли незамедлительно сообщить ему об этом, попросив его перезвонить. — Я слышу, как она что-то печатает на компьютере.

— Ваше имя? — Эм, ох! Как же зовут его секретаршу? Её имя рифмуется с «Пина Колада»...

— Рена Воада, — выдыхаю я. — Я звоню из его офиса. Скажите ему, что это очень важно, и необходимо, чтобы он сразу мне перезвонил. Спасибо большое. — И я повесила трубку, прежде чем у нее появился шанс задать очередной вопрос.

С чувством выполненного долга, я спую обратно под дождь, откуда у меня открывается прекрасный вид на их балкон. Кaleb и Лия все еще там. Она гасит сигарету одной рукой и позволяет ему утянуть себя обратно в комнату за другую руку. Я вижу, как его голова поворачивается в сторону комнаты, после чего их руки расцепляются, и он исчезает за дверью. Мне кажется, что даже с этого расстояния я слышу звон телефона в их комнате.

Господи. Это даст мне, по крайней мере, полчаса. Надеюсь, это достаточно долго, чтобы убить их постельное настроение. Удовлетворенная, я иду обратно в «Montecito Rio» - отель, который я забронировала заранее. Он не был таким же кричащим, как «De La Ville...», но, тем не менее, он был очаровательным, к тому же меня не беспокоят все эти штучки, связанные с Сьюзен Сарандон.

Мои туфли насквозь промокли и хлюпают по воде, когда я захожу в холл. Девушка за стойкой смотрит на меня и поднимает телефон, чтобы позвонить в сервис.

— Вы мисс Каспен? — спрашивает она меня, когда я иду к лифтам. Я колеблюсь, прежде чем обернуться.

— Да.

— У меня есть для Вас сообщение, — она протягивает мне кусочек бумаги, и я осторожно хватаю ее между двух пальцев.

— От кого это? — я слишком напугана, чтобы спрашивать, но все же она отвечает, — Ной Штэйн оставил его для Вас. — Я чувствую, как спокойствие смывает всю мою тревогу. Ной - незнакомец, которому я излила свою душу, и было так мило с его стороны, оставить мне сообщение. От этого мне даже показалось, что посетить Рим — не такая уж и плохая идея. У меня здесь появился друг.

Я взяла записку, свой все еще капающий пончо и пошла в свой номер. Я залезла в душ, не беспокоясь о том, чтобы прочитать записку. Все, включая моего нового приятеля Ноя, подождет, пока я не буду в тепле и насухо вытертой. Когда я, наконец, выбралась из ванной, то свернулась калачиком на мизерной кровати и развернула мокрую бумажку.

Обед в восемь.

«Tavernetta».

Тебе нужно есть...

Я улыбаюсь. Действительно, мне нужно есть, так почему бы не сделать это с тем, кто мне действительно нравится. Я подняла телефон и набрала номер, который Ной протянул мне в аэропорту, прежде чем мы разошлись.

— Только в чрезвычайной ситуации, — говорит он, подмигивая мне. — Не злоупотребляй моим секретным номером телефона.

Я колебалась лишь секунду, прежде чем окончательно принимаю его приглашение и решаю воспользоваться номером телефона. Я была одна в Риме. Возможно, он потребуетсь мне.

— Ной, это Оливия, — говорю я в трубку.

— Не желаю говорить с тобой, пока ты не скажешь мне, что придешь.

— Приду, — смеюсь я.

— Хорошо. Ресторан немного шикарный, тебе есть что надеть?

— Давай посмотрим, я приехала сюда, чтобы убедить любовь всей моей жизни, что он должен снова быть со мной... У меня есть четыре платья, кричащие «вернись ко мне и люби меня одетой». Какое бы ты хотел?

— Черное...

— Отлично, — вздыхаю я. — Увидимся в восемь.

Я испытывала чувство головокружения от волнения. Вот оно. Я начинаю брать контроль над своей жизнью. Сегодня я буду ужинать и расслабляться, а завтра я найду Калеба и все ему расскажу. «Вишневый пирог» и понятия не имеет, что надвигается. «Ураган Оливия» собирается пронестись по Риму, и все перевернуть с ног на голову.

Когда я была готова к ужину, то подумала о последней капле, которая разрушила наши отношения. Подумала о том, как стучало мое сердце, когда я стояла снаружи офиса Калеба, зная, что человек, которого я люблю больше всего на свете, предает меня в этот самый момент. Я предпочла уйти, притворяясь, что в его офисе с кокетливой девушкой был кто-то другой. Затем я подумала о своем отце, и о том, что его измена ранила мою мать гораздо больше, нежели смог бы это сделать рак. Я должна была увидеть. Не только его, но и ее. Кем была та девушка, у которой хватило силы разделить нас?

Прошлое

Это будет супер плохо. Просто губительно. Это изменит жизнь. Дверь бесшумно открылась. Так бесшумно, что ни Калев, ни его коллега не поняли, что она была открытой.

— Калев, — произнесла я очень сухим тоном. Жизнь постепенно утекала из меня.

Их головы оторвались друг от друга, и он быстро отступил на шаг. Я с замирающим чувством в животе осмотрела, как было задрано на бедрах ее платье. Это была реальность — ее, его и моя жизнь разваливаются. Не было ни малейшего шанса, чтобы он смог объяснить происходящее. Не было шанса, что я поверю ему, если он все-таки попытается это объяснить.

Я посмотрела на его лицо. Оно было очень, очень бледным.

— Калев, — произнесла я снова. Он выглядел таким ошеломленным, что я съежилась. *Извини, что поймала тебя.* Его рот открылся и закрылся, так ничего и не произнеся. Девушка выглядела самодовольной. Мне хотелось закричать: «Она? Почему она?»

— Я любила тебя, — сказала я, и это был первый раз, когда я сказала ему это.

Его лицо исказилось от волнения. Какой же жестокой я была, говоря ему то, чего он так хотел от меня услышать, в момент его измены? Это был удар ниже пояса, но это была борьба, и я была готова пустить его ко дну. Маленькая помеха сидела на столе и смотрела на нас с изумлением.

— Ты должно быть Оливия, — сказала она, спрыгивая со стола. Я почувствовала прилив ярости от того, что она знала мое имя. Они говорили обо мне? Моя фотография стояла рядом с тем местом, где она сидела. Мое лицо было свидетелем их поведения. Я не смотрела на нее. Не могла. Она покинула комнату, шелестя юбкой и оставляя двух сломленных людей лицом к лицу.

— Я никогда не хотел этого, — сказал он, когда дверь, щелкнув, закрылась.

— Быть пойманным? Или изменять? — Я пыталась контролировать дрожь в своем

голосе, но это было бесполезно.

— Оливия, — умоляет он, делая шаг ко мне.

— Нет! — Я подняла руку, останавливая его. — Даже не думай подходить ко мне. Как ты мог? Нет хуже способа, которым бы ты мог причинить мне боль. Прямо как мой отец, — выплюнула я.

— Между мной и твоим отцом нет ничего общего. Ты используешь его в своих грехах, как объяснение того, что любовь не может быть долгой и крепкой.

Не могу поверить, что он сказал это. Я любила людей. Я любила многих людей, просто я не говорила им об этом.

— Меня тошнит от тебя, — сказала я. — Ты просто мог поступить по-мужски и сказать мне, что больше не хочешь меня.

— Я всегда буду хотеть тебя, Оливия. Это произошло не из-за того, что я не хочу тебя, а из-за того, что я хочу тебя очень сильно, но ты не хочешь меня в ответ!

Я стерла злую слезу, которая текла по моему лицу, и злобно улыбнулась.

— Так это только из-за секса?

Калеб в отчаянии поднял руки и посмотрел на меня с таким гневом в глазах, которого я раньше никогда видела.

— Мне казалось, что я снова и снова показывал и доказывал тебе, что все происходящее между нами никогда не было ради секса, — его голос звучал низко и угрожающе. — Я любил тебя настолько сильно, что был готов откинуть в сторону все свои чувства, чтобы вместить твои. И что же я получил в ответ? Холодность и эмоциональную отстраненность. Ты эгоистичная и ожесточенная. Ты не узнаешь хорошее, даже если оно упадет с неба прямо к твоим ногам.

Я знала, что его слова были правдой. Я действительно была такой, даже хуже, чем он меня описал, но он не мог так просто уйти. Он не должен был делать из меня дуру.

— Тогда, давай позволим процессу твоего заживления начаться прямо сейчас. — Я оставила его стоять в полутьме, и спокойно подошла к ближайшему выходу.

Тебе не больно, тебе не больно, тебе не больно...

Мне чертовски больно. Больно настолько, что я едва спускаюсь по лестнице, поэтому я села. Села и задрожала, желая, чтобы прямо сейчас на землю упал метеорит и ударил по тому самому месту, где я сидела. Я чувствовала себя обнаженной. Мне казалось, словно все мои внутренности вывернули наружу, и теперь я кровоточу на пол. Как это могло произойти? Почему? Он все, что у меня было.

Я услышала, как входная дверь на этаж выше открылась, и до меня донесся взрыв музыки. Опасаясь, что это Калеб ищет меня, я вскочила и пробежала четыре этажа, не останавливаясь, пока не оказалась в своей машине.

Я с силой повернула ключ зажигания, и машина внезапно ожила.

К черту его. Я могу любить. Все это есть во мне. Если бы он знал так много обо мне, то почему не увидел этого?

Если бы я не любила его, разве это могло ранить меня так сильно? Ничто не дает ему право изменять! Ничто! Вместо того, чтобы отправиться домой, мои шины свернули направо, и я выехала на трассу под номером 595, почти врезаясь в минивэн. Я вся принадлежала ему, все, что у меня было, я отдала ему, и посмотрите, что он сделал. Я ведь доверяла ему.

— Нет, нет, нет, нет, — слезы начали течь по моему лицу. — Этого не может быть....

Я остановилась, боясь, что убью кого-то своим вождением. В моей голове беспорядок, все вокруг потемнело.

— Кaleb, нет... — я чувствовала, как соль впитывается в мои губы. Я ненавидела себя даже больше, чем ненавидела его, и гораздо сильнее, чем когда-либо ненавидела своего отца. Я была трагическим беспорядком. Самым ужасным человеком. Я снова начала ехать. Не могу вернуться домой, он обязательно придет туда, чтобы найти меня. Отель все еще был бронирован, поэтому я решила поехать именно туда. Всего лишь пару миль на север...

Кaleb пытался звонить на мой телефон. Я перенаправила его звонки на голосовую почту и еще громче включила звук на радио - все лучше, чем слушать звук своих рыданий.

Отель, который Кaleb бронировал для нас, был милым. Я помню фонтаны и фрески, которые были в холле, и то, как сотрудники встречают тебя с неподдельными улыбками, но этой ночью мои глаза были слепы на все, кроме предательства Калеба. Я зарегистрировалась и подняла свою сумку по лестнице в свой номер. Было еще рано, когда я приняла душ и оделась. Я вытащила платье, которое купила специально для этих выходных. Оно было синим и с небольшими вставками черного кружева на талии — две его любимые вещи. Я натянула его через голову и подошла к зеркалу, чтобы посмотреть на себя. Я выглядела прекрасно. Внутри я была невероятно ужасна, но какое это имеет значение? Я не могу сидеть в этой комнате. Я точно сойду здесь с ума. Поэтому, схватив свою сумочку, я побежала к двери, стараясь игнорировать всплывающий образ его рук на ее бедрах.

Я знала, что собираюсь сделать что-нибудь, чтобы причинит ему гораздо больше боли, чем он причинил мне. Вот как грязно я думала. Око за око.

Я бродила по оживленным улицам Дэйтона, тупо смотря на витрины магазинов. Я нашла именно то, что искала в нескольких кварталах. Бар «Swig Martini». То, что нужно. Он был приглушенным и отчаянным, прямо как я. Я зашла через широкую дверь и показала свое удостоверение личности вышибале. Смесь дыма и сладких духов ударила меня в лицо. Запах наполнил мне о ночи, когда я пошла на вечеринку братства Калеба с миссией, которая заключалась в том, чтобы заполучить его обратно. Как отчаянно. Я направилась в бар и заказала виски. Бармен с любопытством наблюдал за мной, когда я опустошила его за один глоток и попросила еще. Я видела, как он долил дополнительно во второй. Господи, благослови его. Я взяла свой второй стакан и вышла в небольшой дворик снаружи, где заняла столик лицом к океану. Это было хорошее место. Тайнственное, одинокое и задумчивое. Я проделываю трюк, который знают большинство женщин. Суть в следующем: нужно отделить себя от стада, выглядеть красивой, и мужчина сам придет. Именно так он и сделал. Высокий блондин, одетый в брюки и рубашку с галстуком, который в беспорядке завязан вокруг его шеи.

— Тяжелый день? — спрашивает он, опираясь на перила и смотря на воду.

— Да. У тебя?

— Очень. — Он улыбается мне, и я вижу по желтизне на его зубах, что он был курильщиком. — Могу я купить тебе напиток? — Он кивает в сторону моего пустого стакана, и я киваю головой «да».

— Без разницы какой.

— Хорошо.

Он возвращается с двумя. Хорошо, подумала я. Мое путешествие в страну пьянства пройдет быстрее. Мы пили около часа, прежде чем я пригласила его на танцпол. Он был посредственным танцором, но когда это имело значение? Я игнорировала свое отвращение,

когда он прижимался ко мне сзади, и продолжала двигаться, фокусируясь на водовороте в своей голове. Ночь стала туманной, заполненной поспешными поцелуями и ласками, вызванными ликером, и к полуночи мы добирались до моей гостиницы.

— Погоди, — сказал он, как только мы оказались в номере, и он уже лежал на мне. Помню, что видела, как он вытаскивал презерватив из бумажника. Он ударил им по ладони точно так же, как люди делают сигаретными пачками, после чего разорвал упаковку зубами. Я съежилась с отвращением.

И затем помню, что ничего не чувствовала. Я просто лежала там, и казалось, его это не заботило. *Так вот как я теряю свою девственность.* Помню, думала я. *С незнакомцем. Не с Калемом.* Когда все было сделано, он заснул. Я лежала без сна всю ночь, с дикой болью в животе. Я ненавидела себя. Он ушел рано утром. Я даже не знала его имени.

Я с нетерпением ждала, когда придет чувство вины, но все, что я чувствовала, было онемение. Я знала, если буду искать достаточно хорошо это чувство, которое таится где-то на поверхности, то обязательно найду вместо него отвращение. Я не была готова ненавидеть себя. Я была слишком занята тем, что ненавидела Калеба.

Около полудня я услышала, как кто-то шарит за дверью. Я знала, что он придет. Он получил свой ключ от комнаты у стойки регистрации и зашел. Я сидела у окна, когда открылась дверь. Я так и не приняла душ. Мои волосы выглядели словно крысиное гнездо, беспорядочно свисая вокруг моего лица.

Он ничего не сказал, когда увидел меня. Его глаза бродили по комнате, ища любые признаки моей боли. Беспорядок, моя одежда разбросана тут и там. Его глаза упали на упаковку от презерватива, который был разорван и лежал на тумбочке. Его рука на ее бедре — моя упаковка от презерватива. Эти две картинки навсегда выжжены в нашей памяти, став камнем преткновения для наших будущих отношений.

Уверена, Калек никогда больше не сможет смотреть на упаковку от презерватива, не испытывая при этом чувства тошноты. Я заметила, как увиденное ударило по его лицу. Его боль выразилась в виде подергивания, после чего мягкий свет покинул его глаза. Я сделала шаг назад, потому что помнила, что боролась грязно.

— Я отвезла Джессику Александер на аборт. Я сказала ей сделать его. — Я дала ему минуту, чтобы он смог понять, о чем я говорю. Я смотрела на машины, которые ездили за окном. Я представляла себя, засовывающей свои эмоции в одну из этих машин, а затем наблюдала, как она уезжает. *Ничего не чувствую,* говорю я себе. *Ничего не чувствую, точно так же, как не чувствовал он, когда изменял мне.*

— Я так сильно тебя хотела, что я врала и манипулировала, чтобы получить тебя. Я следила за тобой месяцами. Знала каждую девушку, с которой ты встречался. Знала каждое место, куда ты их водил. Я все спланировала. — Он все еще ничего не сказал, но я чувствовала, как он молчаливо бушует где-то позади меня. Гнев струился и скатывался с его тела волнами.

— Я всегда любила тебя. С того самого момента, как ты впервые заговорил со мной. — Все еще ничего. — Я занялась сексом с незнакомцем, чтобы причинить тебе боль. — Эти слова высосали весь воздух из комнаты. Я почувствовала, как мои легкие сжимаются от веса того, что я сделала, и это начало давить на меня. *О Боже, Боже, Боже...*

Я услышала стук и медленно повернулась, чтобы увидеть Калеба, стоящего на коленях. Его лицо упало в его ладони. Я вижу, как трясется его тело, правда, не знаю от слез ли или от злости. Он не издавал ни звука. Были лишь тихие конвульсии, которые я запомню

навсегда. Мое тело начало трясти, когда я поняла, что произошло. Теперь все ушло. Я, он — мы. Мы изменились навсегда. Я не хочу жить. Я хотела выброситься из окна, чтобы не видеть агонию всего этого. Я причинила боль человеку, которого любила больше всего. Единственному человеку, который был у меня. Все, чтобы отомстить за себя. И, в конце концов, я уничтожила себя. Шли минуты, затем часы. Я хотела подойти к нему, начать умолять его простить меня, сказать ему, что убью себя, если он не простит, но я не могла. Во мне было слишком много холода.

Почему я не видела этого раньше? Того человека, которым я была на самом деле. Как я могла никогда не знать, что я была зияющей дырой, не способной любить? Когда он поднялся, я отвела взгляд.

— Мне жаль, Оливия, что я причинил тебе боль, — сказал он хрипло, и мое сердце потяжелело в груди. Почему его голос был таким мягким? Почему он не кричит на меня? Я была единственной, кто причиняет боль. Это была я. Моя вина. Мой грех. Мой беспорядок.

— После сегодняшнего дня ты никогда снова меня не увидишь. — Он остановился, и его следующие слова поразили меня так глубоко, что я никогда не смогу оправиться от них.

— Я полюблю снова, Оливия, а вот тебе будет больно всегда. То, что ты сделала, это... Ты ужасна, и ты сама сделала себя такой. Ты будешь вспоминать обо мне каждый день на протяжении всей своей жизни, потому что я был единственным, а ты бросила меня. — И затем он ушел.

Ной ждал меня снаружи ресторана, когда подъехало мое такси. Прежде чем я смогла потянуться за сумочкой, он вытащил купюру из бумажника и протянул ее таксисту, жестом предлагая оставить сдачу.

Это было сто евро.

— Ты выглядишь восхитительно, — произносит он, целуя меня в щеку.

— Спасибо, — я принимаю руку, которую он предлагает, и мы плываем в самый очаровательный ресторан, который я только видела.

Я в Италии.

— Итак, тебе нравится Рим? — спрашивает он.

Пока я ехала сюда на такси, то увидела две части города - старую и новую. Разрушающиеся здания возвышаются там, где стоят уже на протяжении тысячи лет, прямо среди новой архитектуры. Это похоже на магию, когда ты каждый раз поворачиваешь голову и видишь, как прошлое поднимается из пепла, напоминая, что оно все еще здесь. Еще тут много мотоциклов, скутеров и крошечных машин, которые истерически сигналият всему на своем пути. Постиранное белье весело трепещет почти на каждом балконе, и, наблюдая за тем, как люди идут по улице, ты слышишь музыку, звучащую отовсюду, представляя итальянскую жизнь непрерывным музыкальным сопровождением.

— Я никогда не захочу отсюда уезжать, — признаюсь я. — Я никогда не видела ничего подобного.

Ной кивает и ждет, пока я сяду, прежде чем садится сам.

— Когда я был здесь впервые, то подумал, что все здесь выглядит, как в гетто. У меня ушло несколько дней, чтобы влюбиться в Рим, но, даже не смотря на это, я понимаю, что желаю оказаться именно здесь, когда на самом деле нахожусь дома, в Америке. Я делаю все возможное, чтобы приезжать сюда настолько часто, насколько это возможно.

Я вижу, что происходит. Не удивительно, что Лия хочет зачать ребенка именно здесь. Должно быть, она и раньше сюда приезжала. Все богатые девочки совершали паломничество в Рим в один из щедрых моментов своей жизни. Как минимум ради шоппинга.

Когда перед нами стояло уже по бокалу вина, и официант уходил с нашим заказом, Ной повернулся ко мне с сосредоточенным взглядом на лице.

— Ты видела его? Своего Калеба?

— На расстоянии, — я смеюсь, потому что он был очень далек от «мой Калеб», и это звучало ну очень смешно. — Я находилась на пять этажей ниже и шпионила за их окном в отеле.

— Ты уже продумала свой план действий?

Я качаю головой.

— Понятия не имею, но он должен у меня появиться. Я что-нибудь придумаю.... У меня есть на это несколько часов.

— Придумаешь, как рассказать ему правду? — подразнивает он, склонив голову таким образом, что его волосы привлекательно ниспадают на его глаза.

— Да, — смеюсь я. Было так здорово смеяться.

— Ты знаешь, Оливия, то, что ты делаешь - правильно.

— Что? Правильно быть честной? — Я сделала нервный глоток вина. Не было ничего

более некомфортного, чем обсуждать мою честность или отсутствие таковой.

— Нет.

Я в удивлении подняла голову.

— Идти за своей любовью. Не смотря на все то, что ты сделала - и я не буду приукрашивать, ты совершила несколько очень паршивых поступков, - но все это ты сделала лишь потому, что любишь этого человека так сильно, что не можешь помочь самой себе. В этом и есть честность.

— Ха! Во мне нет ни капли честности, уверяю тебя.

— Ты ошибаешься.

Я наклонила свою скептическую голову. Никто в трезвом уме не назовет меня честной, особенно, если они слышали мою историю.

— Я никогда не встречал человека, который настолько честен о своих плохих поступках, и который говорит с такой откровенностью о своих чувствах. Ты плохой человек, Оливия?

— Да, — легко ответила я.

— Видишь. Твоя проблема - твое поведение. Ты позволяешь себе влиять на чувства остальных, но тебе не хватает времени для добродетели.

— Добродетель, — повторила я незнакомое слово, усиленно стараясь сконцентрироваться на его значении.

— Забавно, как твоя жизнь переплетается с его, — говорит он, меняя направление разговора. — То есть, каковы шансы, что он, имея амнезию, встречается с тобой дважды за 24 часа?

Я пожимаю плечами.

— И оба раза только ради того, чтобы завязать с тобой разговор и пригласить на кофе? — продолжает он.

— Знаю, — вздыхаю я, — я купила подписку на иронию в тот день, когда встретила его.

— Есть нечто большее в этом. Что-то такое, чего ты не видишь.

— Что? Судьба? — Я ненавижу судьбу. Она всегда была маленьким скучным братцем, который не дает людям жить спокойно.

— Я так не думаю.

— Тогда *что* ты думаешь? — Кожица между его бровями сморщилась, и его глаза увидели что-то, о чем я умирала, как хотела узнать.

— Думаю, что после того, как ты хотя бы раз отдаешь свое сердце, тебе его не возвращают. Оставшуюся жизнь ты просто притворяешься, что оно у тебя все еще есть.

— Хорошооо...

— Так что, просто подумай об этом, — он мимоходом пожимает плечами. — Кaleb живет, но он сломан.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я. Кaleb, как по мне, не выглядел сломленным. Он, казалось, полностью пошел дальше.

— Потому что примерно за двенадцать часов, что знаю тебя, я понял, что никогда тебя не забуду, даже если мы никогда и слова друг другу больше не скажем. Ты оставляешь очень сильное впечатление. Я могу лишь представить, как этот бедный придурок чувствует себя после стольких лет, проведенных вместе с тобой.

— Как человек, получивший очень сильный удар по голове, — смеюсь я, при этом будучи печально серьезной. Он смотрит на меня, кажется, вечность, а затем говорит, —

Борись чисто. Будь честной. Именно так ты выиграешь его. Но, если ты увидишь, что он, и правда, счастлив, то оставь его.

— Не знаю, смогу ли я это сделать, — сказала я честно. — Не уверена, что смогу уйти.

— Это потому, что ты не знаешь, как любить.

— Ты говоришь, что я не люблю его? — я шокирована. После всего, что я ему рассказала, я думала, моя любовь была очевидной. Кто будет так упорно бороться без любви?

— Я говорю, что ты не любишь его так же сильно, как ты любишь себя.

Тишина.

У меня ушло несколько секунд, чтобы обработать свой гнев.

— Почему? Почему ты так думаешь?

— Он вырезал себе подобие жизни без тебя. Ты готова искоренить это, чтобы снова забросить его жизнь в хаос. Ты думала о том факте, что причинишь боль не одному человеку? Сейчас он принадлежит Лии, и что насчет ребенка, который, возможно, уже существует?

Я вздрогнула. Я не думала о ребенке.

— Есть нечто большее в том, чтобы любить кого-то. Любовь не сводится к тому, чтобы сделать себя счастливым. Ты должна хотеть, чтобы он был счастливее тебя.

— Он будет счастливее со мной, — уверенно произнесла я. — Мы созданы друг для друга.

— Но он должен будет испытывать чувство вины из-за отказа от жены, от своего ребенка. И где будет правда? Думаешь, он не будет помнить, что ты сделала?

Я сморгнула слезы.

— Мы можем это исправить. Конечно, будут шрамы, но любви будет достаточно, чтобы прикрыть их, — я умоляла его встать сейчас на мою сторону, чтобы он увидел то, что вижу я. Мы с Калемом должны быть вместе. Не важно, как мы пытаемся быть вдаль, что-то продолжает сводить нас снова вместе.

— Может быть, но готова ли ты провести его через вихрь сломанной мечты?

Я фыркнула.

— Оливия, — он накрыл мою руку своей, — вам с Калемом уже предоставлялась возможность быть вместе. Ты сделала свой выбор, и возможность исчерпала себя. До сегодняшнего момента ты доказала, что готова пойти на все. — Я вздрогнула от правдивости его слов. — Теперь же докажи самой себе, что ты способна на что-то бескорыстное.

Я хочу спорить с ним, умолять понять, что моя жизнь будет безвкусной без Калеба.

— Ты очень мудрый мужчина, Ной, — несчастно улыбаюсь я.

После ужина, мы разделили такси до моего отеля. Ной вышел, чтобы попрощаться, прежде чем поехать в свой отель.

Не знаю почему, но мне ужасно грустно. Я чувствую горячие слезы в глазах. И я знала без сомнения, если бы я была цельным человеком, то у нас с Ноем мог бы быть шанс быть вместе. Он настолько умный и хороший, что я смогла бы влюбиться в него, мы бы поженились и завели свою семью. Я увидела это за секунду. Ной и я. Может быть, он тоже это увидел, потому что в этот самый момент он наклонился и поцеловал меня в губы. Это был грустный поцелуй, полный «если бы».

Когда его губы отстраняются, моя голова идет кругом, и я чувствую, что мой пищевод заполнен гранатами.

— Удачи, Оливия, — он улыбается, — Выбирай с умом.

Затем он садится в такси и уезжает, и все мои мысли вместе с ним. Я стою на тротуаре и наблюдаю, как шины его такси разбрызгивают дневной дождь. Он моросит снаружи, но мне все равно. Я люблю дождь. Я решаю прогуляться и пока гуляю, думаю о том, что делать. Удивительно, но у меня нет и мысли о заговоре или мести. Я думаю о собственном распаде и о том, какой всегда была эгоистичной. Я всегда была такой. Я решила посчитать все те моменты, когда делала хороший выбор в своей жизни, и насчитала лишь пять: решила пойти на первое свидание с Калемом, рассказала правду о том, что я сделала, стала адвокатом, рассталась с Тернером, и приехала в Рим, встретив Ноя. Пять хороших решений. Кажется, это такое убогое число. Но, эта жалкая кучка представляет собой маленькую возможность. Ной увидел что-то хорошее во мне, и ему понадобилось время, чтобы вырастить это. Сейчас, я должна запечатлеть истину в своем сердце. Я не собираюсь отвечать злом на зло. Лия выиграла его, и она заслуживает сохранить его.

Я мокрая и дрожащая думаю о Тринита-деи-Монти - прекрасной церкви, построенной Святым Франсиско-Паола и смотрящей на сады Саллюстия. Там я и приняла свое окончательное решение, прямо перед зданием, которое олицетворяет добро. *Тебе лучше поехать домой, пока не стало слишком поздно.* На этот раз небо не было красным.

Я пошла в обход проблемы, решив сказать ему свое окончательное прощай. Я думаю о том, может ли войти привычку желание делать правильные вещи, а затем улыбаюсь, потому что знаю, какое это будет долгое для меня путешествие.

Когда я почувствовала, что готова, то направилась обратно к «De La Ville...», где остановились Калем и Лия.

Тишина на улицах говорит о том, что уже поздно. Я стою и снова смотрю на его окно, но на этот раз мой разум готов. Я прощаюсь. Думаю о Калеме, как об отце, и улыбаюсь сама себе. Он будет хорош в этом, как, в общем-то, и во всем остальном, а затем я думаю о Джессике Александер. Он уже мог бы отцом, пусть и не моего ребенка. Я втягиваю в легкие сладкий итальянский воздух.

— Я зашла так далеко, что и не знаю, что сказать, — начала я. — Я очень сильно люблю тебя. Существует много вещей, о которых я тебе не говорила. Я была так напугана тем, что ты любил меня, Калем. — Я стираю слезы, которые вытекают из моих глаз и продолжаю. — Ты все изменил. Я так сильно боялась потерять тебя, что сама лично сделала все, что в моих силах, чтобы отвести тебя подальше от меня. Я думала, что если я этого не сделаю, то, в конце концов, ты увидишь, что попросту теряешь свое время со мной, и в любом случае уйдешь. Я скучаю по тебе. Нет, не просто скучаю по тебе, мое сердце болит каждый день, потому что тебя нет рядом. Я так сожалею из-за того, что сделала. Прости меня за все, что я сделала. Пожалуйста, умоляю тебя, не забывай меня, потому что возможность этого ранит гораздо больше, чем что-либо еще.

— Я никогда тебя не забывал.

Я вздрагиваю. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы понять, что происходит.

— Калем, — я выдохнула его имя, когда обернулась, чтобы взглянуть ему в лицо. Я не удивлена этой ироничной последней шутке судьбы. Есть что-то в моей жизни, благодаря чему она вечно переплетается с его. Мы продолжаем пересекаться, хотя нет не пересекаться, сталкиваться вместе. Калем стоит в нескольких футах от меня, держа в руке целлофановый пакет из магазина. Я вижу бутылку вина, горлышко которой торчит сверху.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он, в изумлении качая головой.

— Я пришла, чтобы найти тебя, — сказала я честно. — Сказать тебе, что... — Я посмотрела в его окно, чтобы показать смысл своей речи.

— Ты не собиралась говорить этого мне в лицо?

— Нет.

— Это очень далекая поездка, чтобы сказать нечто столь важное в окно гостиницы.

— У меня не было права приезжать, — признаю я, пожимая плечами. — Я сожалею. Я вломила в твой дом и узнала, где ты был.

Он сжимает глаза и выглядит так, словно хочет рассмеяться.

— Кэмми помогла тебе?

Я киваю.

— Я рад, что ты приехала, — мягко говорит он. — Я часто думаю о тебе.

Я в шоке дергаюсь. — Ты думал обо мне? — Он улыбается от выражения, застывшего на моем лице.

— Конечно. Я все время думаю о тебе.

Я сильно прикусила нижнюю губу, чтобы не заплакать. Я так запуталась, что даже не знаю, что и сказать.

— Давай прогуляемся, — говорит он, и я подхожу на шаг к нему. — Я никогда тебя не забывал, — снова говорит он.

— Ну, тебе удалось сделать это на некоторое время, — говорю я, изучая землю.

— Нет, именно об этом я и пытаюсь сказать тебе. У меня никогда не было амнезии. Я соврал об этом.

Я перестала идти.

— Ты сделал что?

— Оливия, — он останавливается и смотрит мне в глаза. — Я соврал о своей амнезии.

Я чувствую, словно мир распадается под моими ногами. Кaleb и я в Риме. Я в Риме. У него никогда не было амнезии. Он все время думает обо мне. У него никогда не было амнезии.

— Почему...что...почему? — Мне хотелось схватить его за воротник рубашки и встряхнуть из него ответы.

Вместо этого, я стою, мои руки прижаты по сторонам.

— После всего, что случилось с тобой и со мной, я пытался исцелиться. Я знал, что должен забыть тебя и двигаться дальше. Мне было так больно; каждый день ощущался как смертный приговор. Я оплакивал тебя, словно ты была мертва, а затем я встретил Лию. Это произошло на свидании в слепую, и в тот день я вспомнил про чувство надежды. Это был первый день в году, когда я испытал надежду. Мы потратили время, узнавая друг друга, а потом я подарил ей кольцо...

Он послал мне взгляд, чтобы увидеть, вспомню ли я айсберг.

— И затем, неожиданно, я снова начал скучать по тебе. То есть, я хотел сказать, что никогда и не переставал скучать по тебе, но на этот раз это очень сильно захлестнуло меня. Каждую ночь я не мог пойти спать, не увидев тебя в своих снах. Я сравнивал все, что делала Лия, с тем, что я помнил о тебе. Это походило на то, как снова открываются старые раны. Мои чувства к тебе снова начали кровоточить.

Я закрыла глаза в ответ на его слова. Слова, которые я так сильно хотела услышать, но это заставило мое сердце так сильно биться, что я едва могла дышать. — Я отправился в эту деловую поездку в Скрантон, и не поверишь, я был рад уехать от нее на несколько дней. Мне

надо было подумать и все выяснить, прежде чем я отдам ей это кольцо. Ну, а затем произошла авария. Я очнулся в машине с человеком, который сидел рядом со мной. Он был мертв, а я даже не знал, кем я был. Моя амнезия была вызвана сотрясением мозга и сильным стрессом. К тому времени, как я добрался до скорой помощи, то все вспомнил. Я лежал на кровати в больнице и продолжал думать о том, что было бы, если бы рядом была ты, Оливия. И понял, что был бы счастлив, если бы ты была здесь.

Потом пришел доктор и спросил меня, знаю ли я, кто я такой, и я сказал «нет». Я просто сказал «нет». Я принял это решение за долю секунды, потому что я действительно не знал, кем я был без тебя, и прекрасно понимал, что должен попытаться найти тебя. Я лгал Лии, своей семье. И это не имело никакого значения, потому что моя амнезия купила мне время и оправдание. Я был везде, где думал, что ты можешь оказаться. В тот день, когда ты меня увидела в музыкальном магазине, я знал, что ты будешь там; у меня было предчувствие. Я действительно тогда был шокирован, но не потому, что ты появилась, а потому что ты подошла и притворилась, что не видела меня, стоящим там, до того, как пришла.

Я улыбнулась. Он даже тогда видел сквозь меня.

— Но почему ты мне просто об этом не сказал, Калеб? И что я могла сказать тебе после всего того, что я тебе *сделала*?

Сцены из воспоминаний проносились в моей голове, словно в тупом кино. Калеб случайно назвал меня Герцогиней. Калеб принес мои любимые цветы в ту ночь, когда Лия разрушила наше свидание-ужин. Калеб говорит «я никогда тебя не забывал» в зале суда в день моего дня рождения.

Он поджал свои красивые губы.

— Потому что я хотел вернуться к началу. Я хотел, чтобы мы начали с чистого листа. И затем ты уехала...

— И затем я уехала, — повторила я. Я не собиралась говорить ему о Лии, о том, как она выгнала меня из города. Это было бессмысленно, и это только еще сильнее ранит его. — Тогда зачем ты снова нашел меня? Неужели ты действительно хотел, чтобы я стала ее адвокатом? Что заставило тебя сделать это?

Он смеется.

— Мне хотелось помучить тебя. Я хотел, чтобы ты заплатила за то, что оставила меня во второй раз. Я как раз только закончил мучить себя...

— И это действительно было довольно мучительно, — смеюсь я. — Я даже подумала о том, что смогу засадить ее прямо сейчас в тюрьму и оставить тебя себе.

Он с изумлением смотрит на меня.

— Значит, ты все еще любишь меня? — дразнит он, потянувшись и заправив волосы мне за ухо.

— Больше, чем что-либо на этом свете, — отвечаю я. — Я ждала тебя ... годами. Я не жила. Я просто ждала, что ты вернешься.

Он зажмуривает глаза, и я знаю, он думает о том, о чем прямо сейчас думаю я. *Что если?*

Он прижимает меня к своей груди и держит.

— Я тоже люблю тебя, Оливия. Больше, чем какую-либо другую душу. Не было и часа за эти семь лет, чтобы я не думал о тебе.

Я плачу в его рубашку. Если бы я могла умереть прямо сейчас, то мне никогда бы не пришлось жить без него, я бы просто ушла.

— Не плачь, — говорит он, мягко поднимая мое лицо, чтобы я посмотрела на него.

— Ты всегда будешь моей первой любовью, ничто этого не изменит.

— Но какой в этом смысл, если я не могу быть с тобой? — плачу я. — Я не могу жить без тебя.

— Но ты должна, — улыбается он, хотя улыбка грустная. — Ты должна, и ты будешь.

Я храбро киваю, потому что это правда. Жизнь всегда продолжает идти вперед и тенет вас вперед вместе с собой за руки и за ноги, даже если вам этого совсем и не хочется.

— Но и не забывай меня, — произносит он. Я смеюсь над нелепостью его слов.

— Тебя невозможно забыть.

— Хорошо, — улыбается он, а затем наклоняет голову и целует меня. Это последний поцелуй в моей жизни. Я навсегда цепляюсь за этот поцелуй. Это было прощание, смешанное с извинением и любовью. Когда поцелуй заканчивается, он прижимается лбом к моему в последний раз, а затем уходит.

Я сломлена.

Как я здесь оказалась? Куда делись последние десять лет моей жизни? Я чувствовала себя словно кусок бумаги, унесенный ветром и бросаемый в разные направления. Я на пути к победе. Я выжившая. Потому что я поборолась в себе монстра и выиграла. Но что я потеряла в процессе?

Я не лгу. Больше никакой лжи. Теперь правда очень важна для меня. Печально, что нечто столь ценное становится приоритетом лишь тогда, когда становится уже слишком поздно. Я изменила ход своей жизни, потому что мне было страшно. Мне все еще страшно. Кaleb был словно ураган, который пронесся по моей жизни, разжигая внутри меня то, о существовании чего я и подумать не могла. Он жаждал, от которой я никогда не излечусь.

В тридцать лет я сижу в спальне для новобрачных в свадебном платье. Я понятия не имею, кто я, потому что та девушка, которой я была раньше, была очень плохим человеком, и кем я стала сейчас, я еще не определила. Я потеряла себя, но так и не нашла. Я опечалена тем, что потеряла так много времени. Знаю, еще не поздно все уладить, найти то, что я люблю, найти себя. Но я не уверена, что хочу все это знать. Я боюсь, что потеряла ту, кем могла бы быть. Да, я все еще люблю его всем своим сердцем. Но я боролась, боролась и в конечном итоге разорвала на кусочки то, что должна была защищать и лелеять. Жизнь балансирует на очень ненадежном выступе, и мы можем либо оставаться в безопасности на высоте, либо прыгнуть через край. Ной говорит мне об этом постоянно. Именно он научил меня быть хорошей, мягкой, и показал мне так много правды обо мне. Я изменилась ради Ноя, потому что я не могу позволить себе обидеть еще одного человека, который смог полюбить меня. У меня будет хорошая жизнь с ним. Я обожаю его. Но у него нет моего сердца. Ведь вы можете подарить свое сердце только однажды; после этого всю оставшуюся жизнь оно будет преследовать свою первую любовь...

Я, наконец, приняла, что у каждого действия есть свои последствия. Я их заработала, и они по праву принадлежат мне. Нет времени принимать плохие решения. Каждый шаг драгоценен. Вот оно, кредо моей жизни.

Итак, я еще раз подумала о нем, прежде чем покину эту комнату, потому что после сегодняшнего дня, я должна оставить его. Он счастлив, и я довольна этим, потому что я, наконец, научилась любить кого-то больше, чем себя. Я слышу свадебный марш. Моя реплика. Я стою перед закрытой дверью церкви, и на секунду, когда они раскрываются, я вижу Калеба. Он у алтаря, ждет меня. Я дважды моргаю, и все становится так, как и должно быть. Ной сияет, улыбаясь мне. Кэмми плачет. Я делаю первый шаг, затем второй, и прежде чем двери закрываются, я оглядываюсь через плечо. Кaleb все еще стоит под деревом. Он подмигивает мне, и я улыбаюсь.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Billy Ray Cyrus «Achy Breaky Heart»/ Билли Рэй Сайрус «Слабое хрупкое сердце».

Викка (англ. Wicca) - западная неоязыческая религия, основанная на почитании природы. Виккане, как теперь называют последователей викки, обычно почитают Бога (традиционно Рогатого бога) и Богиню (традиционно Триединую Богиню), которые иногда представляются как части высшего пантеистического Божества, проявляющего себя в различных политеистических богах. К другим особенностям викки относят: применение ритуальной магии, свободные нормы морали и празднование восьми, соответствующих Колесу Года, праздников.

«**Мараскин**» (итал. marasca – кислая вишня) – очень нежный ликер, приготавливаемый из одного сорта вишен, растолченных вместе с зернами.

Избирательная амнезия - больной забывает некоторые из событий, которые произошли в течение какого-то ограниченного периода времени, но сохраняет память на универсальные знания.

Скрантон (Scranton) – город в США, в штате Пенсильвания, основанный в 1788 году.

Дженга (англ. Jenga) - настольная игра, придуманная Лесли Скотт и распространяемая компанией Parker Brothers (подразделение Hasbro). Игроки по очереди достают блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню всё более высокой и все менее устойчивой.

Халапеньо (исп. Jalapeño) - средне размерный сорт перца чили.

Дейзи Дьюк (англ. Daisy Duke) - вымышленная героиня американского сериала «The Dukes of Hazzard».

Нэнси Грэйс (англ. Nancy Grace) - американский комментатор, телеведущая и тележурналист, бывший прокурор.

«**Большие надежды**» (англ. Great Expectations) - роман Чарльза Диккенса, который был впервые издан в 1860 году. Судя по количеству экранизаций и театральных постановок, принадлежит к числу самых популярных произведений писателя.

Billy Joel – She's Always A Woman («Она всегда остается женщиной»)

Дания – в данном случае название американского города, а не страны.

Прим.: система двусторонней связи.

Красный бархатный торт - популярный в англоязычных странах торт тёмно-красного, ярко-красного или красно-коричневого цвета. Традиционно готовится как слоёный пирог с глазурью из сливочного сыра.

Прим. по Фаренгейту. По привычному для нас Цельсию чуть больше двадцати.

Теодор Джон Качинский (англ. Theodore John Kaczynski, также известен как Унабомбер, англ. Unabomber — от «University and airline bomber»; 22 мая 1942, Чикаго, Иллинойс) - американский математик, социальный критик, террорист, анархист, и неолуддит, известный своей кампанией по рассылке бомб по почте.

Бока-Ратон (англ. Boca Raton) - небольшой курортный город на юго-восточном побережье штата Флориды, в округе Палм Бич. В данном случае сравнение проводится с «Boca Raton Regional Hospital» - дорогой и элитной клиникой.

Перкоцет (англ. Percocet) – сильнодействующий обезболивающий лекарственный препарат, содержащий наркотические вещества, способные вызвать привыкание, поэтому назначается по рецепту.

Phish - американская рок-группа, примечательная своими джем-сейшнами, импровизациями и постмодернистским смешением жанров. Была образована в 1983 году в университете Вермонта.

Grateful Dead (произносится: грэйтфул дэд; дословно: Благодарные мертвецы) - американская рок-группа с фронтменом Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско.

Глэдис Найт (*Gladys Maria Knight*, род. 28 мая 1944 г. в Атланте) - американская соул-певица, которая достигла широкой популярности, выступая в 1960-х и 1970-х в качестве вокалистки группы Gladys Knight & the Pips. Обладательница семи премий «Грэмми».

«Секс и Леденец».

Сытный горячий сэндвич, готовится из тонких ломтиков стейка, поджаренных с луком, и сыра, вкладываемых в разрезанную пополам длинную булочку.

В английском языке слово «business» пишется с двумя буквами «ss», одну из которых и забыла Кэмми.

Victoria’s Secret (англ. Секрет Виктории, транслит. Виктория’с Сикрет) - одна из наиболее известных в мире компаний по продаже женского белья.

«Just your presence and I second guess my insanity...» - Rihanna, «SOS».

Йо-йо - игрушка, состоящая из двух одинаковых по размеру и весу дисков, скрепленных между собой осью, на которую верёвка надевается петелькой. Работает по принципу маятника Максвелла и гироскопа.

Дежавю (фр. *déjà vu*, «уже виденное») -психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем.

Клубничка(англ.*Strawberry Shortcake*) -лицензионный персонаж, правами на который владеет компания «American Greetings Corporation».

Wendy's - американская сеть ресторанов быстрого питания.

Frosty - ледяной напиток.

Super Wal-Mart - сеть магазинов.

50°F (по Фарингейту) = 10°C (по Цельсию).

40°F (по Фарингейту) = 4, 5°C (по Цельсию).

Шовинизм (фр. chauvinisme) - идеология, суть которой заключается в проповеди национального превосходства с целью обоснования права на дискриминацию и угнетение других народов.

По Фаренгейту.

Таллахасси (англ. Tallahassee) - столица Флориды, четвёртого по количеству проживающего населения штата США.

Томас Барби (Thomas Barbey) - американский фотохудожник, сюрреалист.

«**Yellow**»(в пер. с англ.«**Жёлтый**») — музыкальная композиция британской альтернативной рок-группы Coldplay.

«Чарльстон» (англ. «Charleston») – марка сигарет с фильтром премиум-класса.

День благодарения(англ. Thanksgiving Day) - государственный праздник в США и Канаде, отмечается во второй понедельник октября в Канаде и в четвёртый четверг ноября в США.

Дрозофилы (лат. *Drosophila* от др.-греч. δρόσος - роса, влага + φιλέω - любить) - плодовые мушки, род мелких насекомых семейства *Drosophilidae* отряда *Diptera* (Двукрылые).

Дейтона-Бич - город в округе Волуси, штата Флорида, США. Дейтона-Бич круглогодично является курортной зоной, с большими группами приезжих, приезжающих в город для проведения различных мероприятий.

Форт-Лодердейл (англ. Fort Lauderdale) - курортный город на восточном побережье южной Флориды, расположенный между городами Майами и Уэст-Палм-Бич.

«Челюсти жизни» - гидравлический инструмент для разрезания машин, попавших в аварию.

Магнитно-резонансная томография (МРТ, MRT, MRI) -томографический метод исследования внутренних органов и тканей с использованием физического явления ядерного магнитного резонанса - метод основан на измерении электромагнитного отклика ядер атомовводородана возбуждение их определённой комбинацией электромагнитных волн в постоянном магнитном поле высокой напряжённости.

U-Haul – «Сам себе перевозчик» - компания, сдающая напрокат прицепы, пикапы, грузовики на условиях подневной оплаты.

Претенциозный - лишённый простоты, вычурный, манерный, стремящийся произвести впечатление значительности.

Экзамен, успешная сдача которого даёт право заниматься частной юридической практикой.

Кокапу – альтернативное название кокер-пуделя.

Два фута = 60,96 см.

Брифинг - краткая пресс-конференция, посвященная одному вопросу.

Дартс (англ. darts - дротики) - ряд связанных игр, в которых игроки метают дротики в круглую мишень, повешенную на стену. Хотя в прошлом использовались различные виды мишеней и правил, в настоящее время термин дартс обычно ссылается на стандартизированную игру с определённой конструкцией мишени и правилами.

Сальса (исп. salsa)- типичный мексиканский соус. Чаще всего сальса изготавливается из отваренных и измельчённых томатов или томатильо (один из видов физалисов) и/или чили, с добавлением листьев кориандра, лука, чеснока и чёрного перца.

Круассан (фр. croissant – полумесяц) - небольшое хлебобулочное кондитерское изделие в форме полумесяца (рогалика) из слоёного теста с содержанием масла не менее 82 % жирности.

Инспектор Гаджет - первый в мире «механический» полицейский. Он экипирован огромным количеством технических приспособлений, которые должны помогать в его нескончаемо борьбе против преступлений. Но обычно получается, что эти приспособления наносят вред самому полицейскому, а не врагам.

Проводится аналогия с сюжетом фильма «Роковое влечение».

Люси, Этель и Рикки Рикардо – герои американского комедийного телесериала под название «Я люблю Люси» (англ. I Love Lucy; США, 1951-1957).

Марко-Айленд, шт. Флорида (Marco Island), США Северная Америка.

Испанские ступени - грандиозная барочная лестница в Риме. Состоит из 138 ступеней, которые ведут с Испанской площади (Piazza di Spagna) к расположенной на вершине холма Пинчо церкви Тринита-деи-Монти. Официальное название лестницы, Scalinata di Trinità dei Monti (то есть лестница к Тринита-деи-Монти), не имеет ничего общего с Испанией, но в народе прижилось название именно «Испанская лестница/Испанские ступени».